М.А.Бабиков

ОТРЯД ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герой Советского Союза М. Бабиков рассказывает о боевых действиях отряда особого назначения Северного флота, действовавшего на Мурманском направлении и в Северной Норвегии. Автор вспоминает о походах в 1941–1942 годах в немецко-фашистский тыл флотских разведчиков, которые наблюдали за движением вражеских судов, захватывали «языков», добывали ценные сведения. Ряд страниц посвящен содружеству советских воинов с норвежскими патриотами. Книга знакомит с прославленными разведчиками Героями Советского Союза С. М. Агафоновым, А. М. Никандровым и другими.

-
- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- Глава VI
- Глава VII
- Глава VIII
- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII
- Глава XIII
- Глава XIV
- Глава XV
- Глава XVI
- Глава XVII
- Глава XVIII
- Глава XIX
- Глава XX
- Глава XXI
- Глава XXII
- Глава XXIII
- Глава XXIV
- Послесловие
- notes
  - 1
  - 2

М.А. Бабиков

ОТРЯД ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1986

Глава I

Командующий флотом контр-адмирал Головко, припечатав ладонью по столу, дал знать, что совещание начальствующего состава штаба закончено. Командиры расходились по отделам. Контр-адмирал задержал у себя начальника разведотдела капитана III ранга Визгина.

— Надо потолковать, Павел Александрович, присаживайтесь, — сказал Головко, указав на стул.

Визгин сел у стола так, чтобы видеть висевшую во всю стену карту морского театра боевых действий. В случае вопросов контр-адмирала или его поручений можно будет быстрее сориентироваться, бросив взгляд на столь знакомые места. Все мысы, фьорды, губы, гавани, фарватеры крепко сидели в памяти. Визгин, даже закрыв глаза, мог точно найти место, о котором пойдет речь.

О многом говорила Головко и Визгину эта карта. Человек, знающий о Заполярье понаслышке, наверное, убежден, что из Карского моря до Мурманска рукой подать. Визгин хорошо знает, что такое полуострова Средний и Рыбачий, что такое губа Большая Мотка, Мотовский залив, губа Титовка, губа Западная Лица. Он знает множество озер, рек, высот, скал, лощин. Сюда совсем недавно, будто вчера, в июне — августе сорок первого года устремился враг. От советской границы до рубежей на реке Западная Лица немецкие полки продвинулись всего на тридцать километров. Но что стоили неприятелю эти километры! Уничтожено свыше двух тысяч солдат и офицеров, около восьми тысяч ранено и искалечено.

Наверняка войдут в историю сражения тех дней. Шестого — девятого июля сорок первого года немцы овладели Титовкой, достигли Западной Лицы. В середине июля смертельные стычки завязывались то на одном, то на другом фланге обороны у Западной Лицы. Через месяц встал вопрос: прорвется ли враг к Мурманску, быть ли Кольскому полуострову советским? В этот самый критический момент вступила в бой Полярная дивизия народного ополчения. Войскам 14-й армии активно помогали орудия кораблей, флотские десанты. Эсэсовцы не выдерживали штыковых атак. В те дни командующий флотом Арсений Григорьевич Головко предложил Визгину создать при отделе штаба оперативную группу разведчиков. Где только не побывали парни этой группы! Они успешно оседлали скалистый мыс Пикшуев, а затем при переправе через Мотовский залив попали под огонь немецких самолетов. Погибли самые опытные

командиры Волков, Лухнев. Перебило ноги заместителю Визгина Добротину. Больше половины оперативной группы выбыло из строя. Теперь ищи людей, латай отряд. Головко дремать не даст!

— Что, Павел Александрович, смотрите на карту? — спросил контр-адмирал. — Думаете, экзамен буду учинять? Прошли те времена, когда муштровали подчиненных, прочищали им мозги, требовали, чтобы знали назубок уставы и наставления, хотя их тоже нельзя забывать. Теперь мы проходим другую академию. Силен тот, у кого есть царь в голове.

Головко заговорил о том, что немецкое наступление на Мурманск, похоже, окончательно застопорилось. От потерь, которые понес враг, он не скоро оправится. Егеря на зиму застрянут в сопках. Не видать им как своих ушей теплых квартир, но по своей охоте немцы не оставят занятые позиции. Настало время выяснить планы противника на зимнюю кампанию.

Головко сказал, что он больше всего склоняется к мысли: зимой немцы наступать не станут. Он полагает, что стояние на Лице может затянуться. Возможно, на всю зиму. Но вдруг мы промахнемся в своих предположениях? Нам надо знать точно, продолжал Головко: будет ли враг топтаться на одном месте в районе Лицы, и если будет, то сколь продолжительно?

— Направьте основные ваши усилия на решение этой задачи. Пристально следите за дальними тылами, за подтягиванием резервов, поступлением боепитания. Засекайте каждый вновь прибывший корабль, пополнение самолетного парка.

Визгин откровенно признался, что проникнуть в немецкие базы в Норвегии невероятно трудно.

Головко улыбнулся:

— Кому, кому, а мне давно известно, что немцы открытыми ворота не держат. И все же ежедневно, ежечасно надо вести наблюдение с берега за морем. Снаряды, мины, бомбы, пополнение будут доставляться водным путем. И кормится лапландская армия только привозным.

Визгин напомнил, что к сентябрьскому наступлению немало войск и грузов фашисты перебросили через Ботнический залив. А этот участок вне нашего наблюдения, да и возможностей проникнуть столь далеко пока нет.

— Ботнический залив, — сказал Головко, — со счета сбрасывать нельзя. И все же главные перевозки пойдут через Петсамо и Киркенес. Здесь самая короткая дорога к фронту. К тому же Ботнический залив вот-вот скует лед.

Визгин понимал, какую нелегкую задачу ставит перед ним контр-адмирал, и попросил возвратить в его распоряжение людей, отправленных в бригаду морской пехоты. Это были бойцы,

имевшие некоторый опыт разведки.

— Нет, не возвращу, — обрезал Головко. — Почти все они стали командирами. Зачем их снова понижать? Отряд, надеюсь, у вас укомплектован?

Визгину не было смысла прибедняться. Контр-адмирал все равно знал, что есть в отряде норвежцы, лыжники есть, но много и таких, которые в походы не хаживали, выстрелов не слыхали.

— Обопритесь на норвежцев, — посоветовал Головко, — они рвутся на операции, бывали в схватках, кое-кто успел пролить кровь. Забрасывайте их в Финляндию, Норвегию. Забрасывайте мелкими группами. Пусть сидят там подольше. Выделите радистов. Связь разведчиков должна быть круглосуточной.

Визгин тяжело вздохнул, подумав: «Хорошенькое дело — круглосуточная связь. А где взять штатных радистов? Их раз два и обчелся».

— Не вздыхайте! — подбодрил Головко. — Все в наших силах. Дадим штаты. Видимо, стоит создать для этой цели специальное подразделение. Людей, знающих радио до тонкостей, найдете в торговом и рыболовном флоте.

Шагая по кабинету, контр-адмирал продолжал:

— Отряд следует нацелить на корпусные тылы. К фронту не ходите. Там и без вас есть кому прощупывать немецкую оборону. А вот Титовку, Мотовское побережье пусть отряд без надзора не оставляет. Не мешало бы подобраться к морским подходам к Петсамо. Предвижу возражение, мол, для походов по Варангеру нужны свои плавсредства. Да и не просто плавсредства. На тех ботах, которые выделяли летом, далеко и быстро не пройдешь. Отряд потопят. Да и берег Мотовки зимой труднодоступен. Вам нужны быстроходные и хорошо вооруженные катера. Навсегда «малые охотники» отдать не могу. Не забывайте, что моим людям приходится охранять огромный морской район. И все же закрепим за вами пару катеров, чтобы и команды и разведчики хорошо знали друг друга, отработали совместные плавания, высадки и съемки.

— Благодарю, товарищ командующий!

Визгин привстал, ободренный такой вестью.

— Садитесь, — добродушно произнес контр-адмирал, — еще не все. Не мешает вам наладить хорошие контакты с авиаторами. Надо, чтобы несколько экипажей натренировались забрасывать ваши группы, обеспечивать боепитанием и продовольствием.

У Визгина разгорелся аппетит.

— Не разрешите ли, товарищ командующий, рассчитывать нам на подводные лодки? Они помогли бы нам подбираться к дальним немецким базам.

— Разрешим! — ответил Головко. — Эти проблемы обсудите с вашим оперативным составом. Соберите всех вместе или потолкуйте по группам, как сочтете полезным для дела и для конспирации. Еще раз повторяю: вы должны помочь нам узнать, долго ли немцы не будут нас тревожить на Лице.

— Я просил бы обсудить еще одну проблему, товарищ командующий, — в тоне Визгина сквозили виноватые ноты. Время было уже далеко за полночь.

— Что-нибудь за пределами задачи, которую я вам поставил?

— Нет, просто один из ее аспектов, вариант. Осенью и зимой погода часто не будет выпускать катера в море. Самолеты тоже не всегда могут подняться. Уже сейчас иногда не можем вылететь сутками. Даже в Мотовку не всегда сунешься, не только к западному берегу Варангера. Мы считаем, что нужно выверить надежность сухопутного маршрута и иметь его про запас. Такой маршрут можно проложить за правым немецким флангом, примерно там, где ходил сводный отряд на аэродром. Пройти будет трудно. Но если податься еще несколько на юг, сделать крюк побольше, можно проникнуть между Никелем и Ивало. А дальше по финской и норвежской территории продвинуться, на мой взгляд, будет легче. Больших гарнизонов немцы там не могут держать. Придется только обходить селения, особенно финские. Но они там редки.

— Есть там известные вам и пограничникам тропы?

— В июле к Киркенесу сходила первая группа, удачно прошли весь маршрут в оба конца. Они видели немало и натоптанных и застарелых тропинок. Сейчас туда послали две наши группы. В первой трое норвежцев. Вторая почти в том же составе, что и в июльских и в августовских походах. Тогда их забросили самолетом на одно из озер, а оттуда они пошли пешком на дорогу Петсамо — Рованиеми.

Группа Николаева в шестнадцать человек выйдет завтра-послезавтра. Они обследуют нейтральную полосу до бывшей финской границы, нет ли там засад, проверят все дорожки, удобные для переходов перешейки между озерами, возьмут на заметку проходимые болота.

Контр-адмирал согласился, что резервный пешеходный путь стоит иметь, но предупредил, что этот путь надо держать как запасной для возврата групп из Норвегии и Финляндии, если не удастся доставить их обратно морем.

— Будет лучше, если выберете даже несколько скрытых маршрутов. И промежуточную базу надо иметь тоже не одну.

Начальник разведотдела, довольный исходом беседы, укладывал бумаги и карты в портфель, собираясь уходить.

Контр-адмирал еще раз напомнил:

— Глаз не спускайте с норвежского и финского побережья. За базами следите пристально, неотрывно. Как идет подготовка группы Кудрявцева?

— Все по графику, товарищ командующий. Во второй половине сентября обязательно забросим. Наблюдаем за погодой, за обстановкой на море и в воздухе. Как только все будет складываться благоприятно, я доложу вам и попрошу «добро».

На этом распрощались. Начальник разведотдела, подхватив портфель и рулон с картами, пошел к двери из кабинета, а командующий пододвинул к себе толстую пачку документов, склонился над ними возле настольной лампы, мягко освещающей письменный стол матовым светом.

«У него ведь на плечах не одна моя разведка», — подумал Визгин.

Глава II

В сентябре, когда третье немецкое наступление на Мурманск еще не схлынуло, на стыках Мурманского и Кандалакшского направлений почти одновременно действовали во вражеских тылах две группы разведчиков особого отряда штаба флота.

Лейтенант Геннадий Карпов готовил к новой операции тройку норвежцев. Предстояло искать подходы к порту Киркенес. Разведчики тренировались день и ночь, отрабатывали скрытность передвижения, связь, водные переправы. Карпов жил в отряде, приглядывался к каждому. Больше всех его интересовал старший из норвежцев — Оскар Нистрем. Не один вечер провели они в откровенных беседах.

Карпов недавно окончил военное училище, получил профессию гидрографа, а норвежец много побродил по белу свету. Оскар рассказывал ему об Англии, Франции и Голландии, знакомил с особенностями плавания у берегов Дании и Швеции. Во всех этих странах Нистрем побывал, когда ходил на грузовом судне сначала юнгой, а потом кочегаром.

Нужда заставила Нистрема рано отправиться на заработки. Отец погиб от несчастного случая на руднике, когда Оскару было три года, у матери на руках осталось трое детей. Плавать Оскар начал не сразу. Пока хватало средств, учился. В пятнадцать лет, после седьмого класса народной школы, пошел подрабатывать. Бегал посыльным, а подрос, окреп — поступил юнгой на судно. Пока плавал — выучил датский и шведский языки.

Последние пять лет в море не ходил, осел на берегу, стал строителем, нанимался на сезонные работы, а перед войной служил в Киркенесе телеграфистом и телефонистом.

— Почему ты ушел из родных краев? — спросил Карпов.

— Я ведь уже не мальчик, мне тридцать с хвостиком. И свет, и людей повидал. И в политике кое-что смыслю. Мы, норвежцы, не покорились фашистам, хотя они нас и захватили врасплох. В тяжбе между Англией и Германией за Северную Атлантику немцы упредили, высадились в Норвегии, заняли всю страну. Король бежал в Англию, туда же подалось много военных, моряков. Удалось угнать на Британские острова часть флота. В открытую воевать против фашистов сегодня у норвежцев нет сил.

Квислинг — предатель. Народ наш надеется и ждет: придет час и мы еще дадим бошам пинок в зад. Ради такого дня немало норвежцев и ушло к вам. Мы считаем, что Красная Армия принесет нам освобождение от нацизма. Я и мои земляки попросили у вас оружие.

Карпов засомневался было: уж очень все просто получалось у Оскара — не понравились оккупанты, взял и уехал. Сказал ему об этом.

— Ты прав, — признался Оскар. — Когда немцы, заняли Норвегию, покидать родину я не собирался. Пять месяцев провел дома; все присматривались, прицеливались, что делать. Но я не мог отсиживаться в углу. В Киркенесе многие знали, что в семнадцать лет я вступил в Коммунистический союз молодежи Норвегии, а еще через семь лет — в компартию. Мир повидал, с людьми разными встречался, немало читал, занимался самообразованием, привык на свет смотреть широко открытыми глазами, не жмурясь. Оттого-то товарищи по партии мне большое доверие оказали: сначала был членом бюро, а потом и секретарем партячейки в Киркенесе. Немцы об этом узнали. В августе прошлого года они устроили у меня дома обыск. Сам я в то время был в отъезде. Ничего уличающего не нашли, но нового визита фашистов я ждать не стал.

Выходило, что Карпову впору бы самому учиться у своего подчиненного. Тот и годами старше, и в жизни повидал побольше. Карпов не только вслушивался и вдумывался во все, что говорил о себе Нистрем, но и внимательно изучал его прежние донесения, сопоставлял свои впечатления с различными характеристиками. А характеристики на Нистрема были самые лестные, убеждающие в его надежности. Не всякому так напишут: «Один из самых способных и толковых членов отряда. Был командиром отделения и прекрасно справлялся со своими обязанностями. Самостоятелен, инициативен, достаточно развит политически».

Нистрем уже ходил с отрядом на Пикшуев и в этой операции был ранен.

Оскар похож на карела, голубоглаз, черты мягкие, округлые, по ним как бы прошлись каточком, пригладили, приплюснули.

Вечером Карпов, оставшись один, достал из внутреннего кармана кителя записную книжку в простенькой серой картонной обложке, полистал ее, вчитываясь в записи. Взгляд его остановился на строчках из какой-то зарубежной книги. Записано по-английски. И ниже перевод: «Хороший моряк познается в свежую погоду». Подумал: правильно сказано, знал писавший дело, понимал море: в штиль ходить по воде можно и неумелому, и робкому, а Нистрем выбрал не штиль, он в шторм отпустил рифы и расправил парус. С таким в море надежно.

Карпов всегда помнил слова Анри Барбюса: «Кто бьет справедливо, тот должен бить крепко».

Дело, ради которого они сошлись в поединке с врагом,

справедливейшее. Идет бой с фашизмом. Разыгралась битва с тем, кто замыслил поставить на колени миллионы людей, сделать их рабами. Тут размах для удара укорачивать не надо, враг должен быть повержен.

Лейтенант с уверенностью доложил по начальству, что ребятам из Норвегии можно верить, в тыл врага с оружием их можно пустить.

Вторую группу готовил Николай Павлов. В разведке он был уже не новичок: в июле сходил к норвежской границе, был политруком группы, участвовал в захвате вражеского поста на Пикшуеве. Когда возвращались морем, «мессершмитты» обстреляли отряд, Павлова ранило. Лечился недолго: молодой и сильный организм взял свое. Он и в самом деле молод, ему всего 20 лет, служил на флоте год, весной закончил Объединенную школу учебного отряда на Соловках, учился во взводе Григория Чекмачева, который в том же июле пришел в разведку вместе с группой добровольцев из Соловецкого отряда. Знал его по Соловкам и Иван Фомин — старшина-инструктор. Теперь война свела друзей в другом отряде, не учебном, а боевом.

Утром 13 сентября, задолго до рассвета, с водной глади губы Грязной, чуть южнее Ваенги, взмыл гидросамолет морской авиации. Он сделал крюк над долиной Туломы, а затем взял курс к финской границе.

Павлов и Нистрем с разведчиками разместились в его пузатом чреве.

Гидросамолет должен был приводниться, по расчету, на озеро Одежявр, оттуда, после небольшой промежуточной базы, предстояло идти пешком к намеченной цели.

Павлов пришел на флотскую службу из псковского приозерного края. С ним призвали еще несколько его земляков. С детства озера крепко запали в память. Чаще всего по вечерам, собравшись землячеством, они затягивали свою любимую песню:

Эх, озера, широки озера.
Мне вовек вас не забыть.

А иногда пытались запевать ее даже в походном строю.

Озера на Мурмане, как и на псковской и новгородской земле, по конфигурации, по очертаниям берегов нередко настолько схожи, что спутать их ничего не стоит.

Промозглая и туманная погода способствовала скрытности полета. На рассвете сели по расчету штурмана. Однако он определил место посадки неточно. Пока разобрались что к чему, самолет уже улетел. Оказалось, что самолет сел на озеро

Калмыкявр. Пеший маршрут стал много больше предполагаемого.

На берегу рассортировали имущество. Разложили его по рюкзакам и сумкам, оставив резервный запас на обратный путь.

Хлопоты, обследование ближайшей округи заняли весь день.

Вечером, когда стемнело, двинулись в путь.

На первом этапе группу вел Петр Еремин. Петр — разудалая голова. Парень общительный, компанейский, любит веселье и всем советует никогда не горевать. На базе, в отряде он любит напевать под гитару. Играет умело, гитара у него звучит в полный голос, правой перебирает струны, не бренчит по ним подряд, а пальцы левой шустро бегают по грифу вверх и вниз, лишь на мгновение подлипая к ладам.

Природа одарила его сочным, густым голосом, хотя и не сильным. Песни поет какие-то свои. То загрустит, загорюет по лихому шоферу, который мчался по Чуйскому тракту вдогонку за любимой, да угодил в бурную реку, а то вдруг заведет тоскливо о русских эсминцах, подорвавшихся на Балтике на минах хитроумных англичан.

Сидит иногда в кубрике один, тихонько касаясь струн пальцами, вполголоса напевает. А случится хмурая, неприветливая погода, посыпет с неба дождь и слякоть, мерзостно на улице до того, что носа высовывать не хочется, соберутся возле него моряки, рассядутся на койках, притихнут, заслушавшись ереминскими песнями.

Лицо у Петра смуглое. На чернявом его худощавом лице как-то непривычно проглядывают реденькие веснушки. Оно привлекательно грубоватой мужской красотой. К таким присматриваются женщины. Петр знает это, не робеет, найдет повод, познакомится так быстро, что не успеешь и глазом моргнуть.

Через переход-другой ведущего Еремина сменяет Алексей Чемоданов. Ему за тридцать, призвали на флот из запаса. Служил пограничником, после службы на время вернулся домой в Удмуртию. А потом по комсомольскому набору решил осваивать Север, строить Мурманск. Еще до войны вступил в партию. Когда началась война, он и дня не сидел в запасе.

Ни внешностью, ни характером он не похож на Еремина. Чуть пониже ростом, пошире в кости, рос не вверх, а вширь, оттого приземист. Голову венчает густая черная шевелюра, торчащая шапкой, а над глазами мохнатые насупленные брови. Слова из себя выпускает, старательно процеживая через плотно сжатые губы. Задористой, хохочущей компании не любит, чаще о чем-то размышляет в одиночестве, о чем думает — говорить тоже не любит. Человек он семейный, может, и тоскует о домашних,

переживает за них.

По натуре они с Петром разные, а дело свое — выбирать дорогу и вести за собой разведчиков — исполняют одинаково сметливо и расчетливо: в дозоре смотрят далеко, зорко прощупывают сопки и лощины, выбирают дорогу хотя и не торную, но чтоб без лишней нужды не утомляла, где не надо — попусту не чавкают ногами по болотине, не взбираются без особой надобности на сопки, не вихляют по ним вверх да вниз.

Их сменяли временами то Шелехов, то Пенонен.

От озера Калмыкявр сперва шли по незнакомым местам, в прошлые походы сюда не заходили, потом приблизились к сопкам и долинам, уже виденным, пошагали по тропинкам, хоженным их ногами. По правой, северной стороне, в которой где-то за гористой тундрой плескалось море, отдаленно грохотала канонада, на закраине неба, иссеченного зазубринами горных вершин, сверкали и гасли всполохи разрывов. В нижнем течении Лицы, вблизи впадения ее в губу, наивысшего напряжения достигло третье немецкое наступление на Мурманск.

Подошли к озеру Одежявр, поблизости от него в мирное время стояла погранзастава. Поселок теперь пустовал, пограничники покинули его еще во время июльских боев, имущество они забрали, сырость и плесень впитались в казарму, только в конюшне все еще пахло лошадьми. На заставе устроили большой привал, отдохнули, почистились, подсушились, подогнали амуницию. И тронулись дальше.

Дни тоскливые, пасмурные, самое мрачное время осени, потом с холодами, с заморозками, со снегом, с вызвездившимся высоким небом станет светлее в природе и на душе, хотя по календарю и придет полярная ночь. А ныне в полдень — серая мгла, ночью — непроглядная темень. В трех-четырех шагах почти ничего не видно. Соседей угадываешь на слух, все ступают на ощупь. Переходы тягучие, а километров отмеривается всего ничего. Глубокой ночью идти нельзя: можно запросто сбиться с пути, потерять ориентировку. Хочешь не хочешь, а лежи, жди, пока небо чуть-чуть посветлеет. Шли в основном в вечерние и утренние сумеречные часы.

Через полтора суток обогнули южную оконечность Печенгских высот, обошли исток реки Петсамо-Йоки, потом, прошагав еще два или три перехода, перебрели Лутто-Йоки. После озера Луттоявр повернули строго на север. Большой крюк сделали ради того, чтобы избежать нежелательной встречи с немцами и финнами. На карте проложили маршрут к дороге, которая связывает Петсамо с Рованиеми.

Только 20 сентября, спустя неделю после высадки с самолета,

вышли на дорогу у моста через реку Пильгу-Йоки.

Замаскировались в засаде, осмотрелись, в бинокли старательно обследовали каждый склон, каждую высотку, вглядывались во все, что делалось вблизи и на дальних сопках. У местечка Пильгуярвен, чуть восточнее озера Пильгуявр, оказался аэродром. О нем разведчикам не было известно.

С раннего утра, еще до рассвета, и вплоть до полуденного часа взлетали и садились бомбардировщики. Они кружились, разворачивались, снижались и взмывали вверх, время от времени сбрасывали какие-то блестящие предметы. Слышался грохот взрывов. Мало-помалу разобрались, что вышли к полигону, на котором немецкие летчики тренировались. Определили его примерные координаты, сделали пометки на карте.

На высотах взметнулись до полудюжины ажурных металлических радиомачт. На одной светился яркий огонь, а ниже его мерцали еще несколько светильников. Невдалеке от дороги разглядели замаскированные землянки, из труб валил дым, ветром его рвало и быстро разносило.

У моста через реку остановился мотоцикл. Из коляски вылез немец в длинной шинели и высокой фуражке, другой — водитель мотоцикла, в короткополой куртке, в сапогах и в егерской шапочке с козырьком — тоже решил размяться. Постояли какое-то время на дороге. Водитель показывал на сопки, на мачты, размашисто разводил руками.

Никакой охраны возле дороги и моста не засекли, патрули за день ни разу не проехали.

За всем, что виделось вокруг, наблюдали до полных сумерек, пока было видно.

Время, отведенное для похода, истекало. Остатки продуктов шуршали на дне рюкзаков. Пройти в сторону Киркенеса, проверить подходы к нему, посмотреть западный берег залива Петсамовуоно не успевали. Было принято решение идти обратно.

Вечером, перед тем как уйти из засады, захотелось досадить немцам. Мост через реку Пильгу-Йоки взорвали, разрушили радиомачту. Как только грохнули взрывы, в небо взметнулись несколько ракет. Разведчики мешкать не стали. Шли ходко, на большие привалы не останавливались.

Вечером 21 сентября вернулись к нашей бывшей погранзаставе. Следы шипованных егерских ботинок говорили о том, что здесь за время их отсутствия побывали немцы. Они сожгли все постройки. Пепелище еще дымилось, зола была горячая. Налетчики обронили несколько разноцветных, зелено-желтых, маскировочных халатов. Разведчики прихватили их с собой, чтобы показывать новичкам немецкую обмундировку.

Через двое суток добрались до Зимней Мотовки. Тут почувствовали себя дома, отошли душой, хотя и были еще на нейтральной полосе.

Туда и обратно отмерили ни много ни мало триста километров. Поход дал кое-какие печальные уроки. Сапоги, которые были в самый раз на базе, на корабле, вовсе не годились для длительного марша. Не все умели обходиться с портянками, ловко их намотать, перевернуть для просушки. Несколько разведчиков потерли ноги, не могли шагать.

В разведотделе теперь убедились, что немцы своих гарнизонов вдалеке от побережья не имеют. Разведанный маршрут не из легких. Ходить по нему далеко, дорога тяжелая. Все надо брать с собой и нести на себе. Нигде не подкормишься, не подкрепишься. И осторожность нужна.

Немцы и финны в этих местах появляются.

Теперь яснее ясного: не пустит море — пойдешь и окольным путем, то есть сушей.

Глава III

После того как Павлов и Нистрем донесли в разведотдел, что они со своими людьми отправились от Калмыкявра по заданному им курсу, еще одна группа разведчиков численностью в шестнадцать человек пошла на обследование обширного, испещренного множеством озер и болот нагорья между Зимней Мотовкой, верховьями Западной Лицы и границей с Финляндией. Зона эта считалась «ничейной», ее не занимали ни войска 14-й армии, ни горные егеря. Полное бездорожье не позволяло там ездить. Но проникнуть туда могли и те и другие.

Вел группу младший лейтенант Фрол Николаев. Разведчикам предстояло узнать, что творится в этом безлюдном месте. Николаев шел в первый самостоятельный поход. Пришел он в разведку из запаса, до призыва работал председателем областного комитета физкультуры, окончил в Ленинграде институт имени Лесгафта. В финскую кампанию в лыжном отряде ходил на разведывательные задания, был удостоен медали «За боевые заслуги».

Роста он чуть выше среднего. Лицо худощавое, вытянутое. Глаза серые, навыкате. Он часто моргает. Волосы редковатые, прилизанные на пробор, на затылке торчит непослушный вихор. Плечи покатые, сутулится, спина оттого пузырится горбом, а грудь кажется впалой.

Одевается не по форме, к кителю и брюкам небрежен, утюгом их не холит. Особенно ему по душе кожаное пальто, в нем он любит покрасоваться возле катерников и подводников, многим командирам оно по должности положено. В такой одежде и он вроде приравнивается к ним. Да на базе за это слывет морским волком.

Пристрастен Николаев к трубке. Курильщик он не столь уж заядлый, легкие у него слабые, без табаку жить бы как раз полезнее. Но принято изображать не только командиров, а даже боцманскую братию с непременной трубкой в зубах. Фрол взял на вооружение и этот показной атрибут. У него несколько трубок, есть и заморские — ими он особенно гордится и любит демонстрировать. Иногда отваживается на обмен. Может отдать за трубку нож или какую-нибудь трофейную вещицу, мимо трубки у кого-то в зубах, в руках или на столе равнодушно пройти не может, остановится и смотрит, а если удастся, покрутит перед носом, осмотрит со всех сторон. Приглянется чужая трубка — будет ходить и страдать, искать, что бы предложить для обмена.

И табак где-то добывает редкостный, дорогой. Рядовым

морякам и старшинам выдавали махорку, офицеры получали табак филичевый, а у Фрола всегда красуется на столе пачка «Золотого руна». Где его достает — никому не говорит. Любит изображать щедрость, заходи, набивай трубку, кури, хотя на душе щемит: раскурят, а ему опять ищи-свищи.

Иногда козыряет таким афоризмом: «Никому, даже лучшим друзьям, нельзя доверять три вещи: трубку, жену и лыжи».

В поход пошел в кожанке, какие были в моде в революцию да в гражданскую войну, выдавали их бронекомандам и летчикам, хотя для пешего марша она не очень практична: пока пройдешь переход — семь потов сойдет. На голове какая-то замысловатая мышиного цвета финская шапочка с большим козырьком и отложными ушками. Сбоку болтается в деревянной кобуре внушительный, но вовсе непрактичный и ненадежный по сравнению с автоматом маузер.

Шли на этот раз разведчики не прямиком, не срезали углы, а крутились возле сопок, обходили болота, огибали озера, отыскивали переходы между ними. Тропка вихляла, петляла от одного озера к другому, перескакивала через болота и каменные завалы. Высмотреть, где лучше идти, как ухватиться за какой-нибудь застарелый следок, прикинуть и присмотреть, куда он поведет и куда выведет, — нужен навык и природный глазомер. Не всякий это умеет делать.

Командир группы поставил впередсмотрящими и ведущими Алексея Радышевцева и Вадима Дарагана.

В летних походах и высадках на Мотовское побережье у Радышевцева совсем неожиданно проявились весьма ценные для разведчика выдержка, рассудительность, умение управлять собой: не курит, не берет в рот спиртного, немногословен. Его собранность все чувствуют, и никто не пытается роптать или проявлять недовольство, если Алексей заставляет что-либо переделывать дважды или трижды или взыщет за что-то. На флоте к увертливым издавна приклеилось имя «сачки», их особенно не жалует Радышевцев. И делает он это твердо, только скажет, и повторения уже не потребуется. Грамота у него небольшая, может быть, чуть больше начальной школы. Но за пять лет флотской службы он так вжился в уставные порядки, что иногда можно подумать, будто некоторые статьи устава писаны с него. Он отличный морской специалист, долго был торпедистом и мотористом, за ловкие руки да за смекалку его почитают в бригаде подплава. Отряд состоит, на довольствии у подводников, и Алексей среди них свой.

Голова у него некрупная с большими залысинами, черты лица на редкость соразмерные, четкие, яркий румянец покрывает

всегда тщательно выбритые щеки. Алексей умудряется бриться даже в походе. Спортивной фигурой и складным лицом он очень привлекателен.

Часть пути от Зимней Мотовки ему известна, он ходил сюда с отрядом в конце августа.

Вадим Дараган мелковат росточком, головка маленькая, на лице разместился непомерно длинный нос. По поводу этого носа в отряде немало всяких присказок. Отрядный острослов Поляков говорит, что у Вадима все полезные для роста соки ушли в нос. Вадим на это не обижается, добродушно посмеивается.

Для большей солидности и весомости он отращивает усы, они у него густые, черные, но до того прокуренные, что стали рыжими, даже буровато-вишневыми. Курит он непомерно много. Завернет из махры огромную цигарку толщиной в палец и так затягивается, что махорка потрескивает, как электрические разряды, а друзья ждут, когда у Вадима дым пойдет из каблуков.

Носит Дараган какой-то значок стрелка высокого класса. Он говорит, что это выше ворошиловского стрелка. Этот особый значок, укрепленный на плексигласовой подкладочке, Дараган прикреплял на фланелевку. И даже тогда, когда у него появились ордена и медали, знак этот он прикалывал рядом с орденом Красной Звезды.

Руки у Вадима мастеровые, он в дружбе с верстаком, тисками, напильниками, ножовками. Рядом с отрядным домом соорудили крохотную оружейную мастерскую, там Вадим и копался между походами. Его освобождали от другой вахты. Он чистил и отлаживал оружие, между делом мастерил крепкие острые ножи с эбонитовыми рукоятками.

Маршрут от тридцать девятого километра Мишуковской дороги до Зимней Мотовки и от этой промежуточной базы к границе он прошел уже не однажды. Потому ему вместе с Радышевцевым и доверили быть проводниками.

Истинную цель похода командир группы Николаев разведчикам не раскрыл. Разведчики считали, что идут к озеру, где совершил вынужденную посадку самолет морской транспортной авиации.

Бойцы смотрели на озера, на болота, на протоки, на заросли осоки, стараясь обнаружить совершенно определенные следы.

— Заблудились летуны со своим громыхалом, попробуй отыщи их в этих сопках да болотах, — бубнил Иван Поляков.

— Было бы известно где, махнули бы прямо к тому озеру. Тундра — она вишь какая неоглядная, поди разберись, где он тут между сопок да болот влип, — отвечал ему степенный, основательно сшитый, полнокровный — из румяного лица,

кажется, вот-вот брызнет кровь — Григорий Харабрин.

Кроме больших озер покрутились возле десятка мелких, но и на них никаких следов транспортного самолета не видели.

Ночью, когда сгущалась темнота, идти было невозможно, люди спотыкались о камни, запинались о кочки, упирались в спину впередиидущему, теряли тропинку и сбивались в сторону. Зацепится боец за куст или за камень, растянется плашмя, загремит о валуны, загрохочет банками, пулеметными дисками. Командир группы Николаев распушит неосторожного, пригрозит ему всякими карами.

— Я тебя, мухобоя, размазню этакого, упеку, ты что, спишь на ходу? Всех погубить замыслил?

Молодой разведчик Дима Ковалев, парень, вспыхивающий от одной искры, ответил на разнос Николаева вроде бы шуткой, пытался погасить командирский гнев.

— Товарищ лейтенант, в глазах бы надо фонарики иметь, чтобы видеть дорогу. Вот иметь бы глаза как у совы или у филина, они ночью знатно видят…

— Ишь ты какой мудрец выискался. Тоже мне умник нашелся, фонарики ему в глаза поставь. Вернемся на базу, впилю тебе пять суток «губы», там насмотришься на светильнички, забудешь, как дремать на ходу.

— А я не дремал, нога за валун зацепилась.

— Ты ее, ногу-то, повыше подымай, не по ленинградским паркетам штиблетами шаркаешь.

— Я хоть и питерский, да паркетным манерам не обучен, человек рабочий, — не соглашается с командиром Ковалев.

— А раз рабочий, так и выдержку имей рабочую, держи пролетарскую марку.

— Понял, товарищ лейтенант. Я ведь на самом деле не дремал.

От горы Менькова пошли к Одежявру. Дорога оказалась на редкость тяжелая. Долины изрыты ручейками, протоками, то ли ледник бороздил, приподнялся и подкатил камни под себя, то ли потом, за миллионы лет, водами перетерло их друг о друга и намыло, но такое множество стандартных камней величиной с арбуз трудно было даже представить. Их приходится то перешагивать, то наступать на них, поднимаясь будто на ступеньку: силы выматывает, получается марш вприпрыжку, скок-поскок. Низкорослый кустарник-ягодник — брусника, черника, голубика, морошка — почти до колена, режет разбухшие сапоги как рашпилем. Носки сапог сперва забелились, а потом зазияли дыры. А ведь в поход одели новенькие.

Обходили вязкие болота, переправлялись через мелкие

речонки и ручейки, берегом шли вокруг озер, натыкались на протоки между ними, иногда одно озеро от другого отделяла такая узкая полоска земной тверди, что идти можно было только в затылок друг другу. Иногда упирались в каменные завалы, какой-то циклоп бросил щепотку из сотен валунов каждый по десятку, а то и по сотне тонн. Не удавалось обойти такое нагромождение — взбирались на него и шли дальше. Местами склоны сопок, а у невысоких и вершины, сплошь поросли ягелем. На рассвете от росы либо от дождичка он белел и искрился как серебряный. Возле речек и ручьев по берегам там и сям разрослись целые рощицы ивняка, искривленных, искореженных, извитых ветрами березок… На озерах, на отмелях речек с замедленным течением, где вода как в заводи, росла высокая сочная осока, если пытаться ее рвать, руку она режет как ножовка.

От моря всего полсотни километров, а почти не утихают ветры, несущие морскую, пахнущую солью морось, за сопками и кручами ветер утихомиривается, горы укрощают его. Нагретый солнышком воздух в долинах согревает тундру, подпекает теплом мох и торф. Деревья и кустарники вытягиваются вверх на несколько метров, превращаются в рощицы, в которых можно укрыться — никакой самолет не разглядит. Идет человек по таким зарослям и забывает, что до берега Ледовитого океана рукой подать. Дальше, к востоку, за Кольским полуостровом, на коренном берегу, за Двиной, за Пинегой и Мезенью, за бескрайней Печорской губой, тундра простерлась от берега моря на сотни километров, много дней, а то недель проходит, пока кочевник-оленевод в поисках зимних пастбищ доберется до такого лесочка.

Люди ни свои, ни чужие не попадаются. И в мирное время тут не было многолюдно, только изредка проскочит какой-нибудь одиночный рыбак или охотник. А в войну и вовсе опустело. Кто рискнет забираться в столь опасную глухомань, да и охотники сменили оружие, промышляют другого, двуногого, зверя.

Первые дни разведчики старательно береглись, ходили только в утренних и вечерних сумерках, а пошли к Одежяврy — осмелели, уже не боялись рисковать высовываться и днем: они стали совсем короткие, полутемные, солнце не показывалось, а вдобавок туманы да дожди все обволакивали матовой непроглядностью.

Погода стояла промозглая, сырая, наводящая тоску. С неба, прижавшегося вплотную к земле, почти непрерывно моросит мелкий нудный дождь, будто кто-то уселся в небесной выси и распыляет влагу через гигантские форсунки.

И чуть не круглые сутки льет без устали, ни отдыха, ни

перерыва. Одежда намокла, сделалась тяжелой, холодит не только на привале, но и на переходах. Не просыхают сапоги, кожа напиталась водой и стала как мокрица. Даже у тех, у кого они еще не протекают, все равно портянки сыреют, ноги будто все время в воде. Разуется боец на привале и с блаженством выставит ступни на воздух, чтобы подышали, чтоб морщинистая от воды кожа просохла, расправилась.

Плащ-палатки набрали в себя столько воды, что сделались как деревянные, стоят колом. Фуфайки разбухли от сырости, стали тяжелыми как панцирные. На привалах больших и малых бойцы поневоле вынуждены садиться или ложиться на источающий влагу мох, на мокрые кустики, на холодные, вороненой сталью поблескивающие камни.

Ни разу не развели костра. В таком походе никто не только заикнуться, но даже и помыслить не посмел, что можно погреться у огня, подсушить одежду, подогреть воду. Ели все время всухомятку.

На одном из привалов Роман Козловский, развязав рюкзак, сказал:

— Коля, сухари у меня почти все раскрошились в труху, придется заталкивать их в рот пригоршнями.

— Я сложил их на банки, все целенькие, но заплесневели, их и есть не захочешь, — развел руками Даманов.

— Худо без сухарей, да еда эта на таком походе слабовата, вклинился в разговор Волошенюк. — На холоде, в мокрети да уже пятые сутки под открытым небом харч не тот.

— Я на прошлом привале съел банку консервов, а она была на сутки. Что от нее толку… Ведь рыбные… Лучше бы мясные, да и колбаска пригодилась бы…

Надо доложить командованию, пусть подумают, а на этом пайке ходить трудно. Вернемся в базу — доложу комиссару, — заявил Иван Фомин, назначенный политруком группы.

— Ты, Ваня, и об обмундировании доложи, тоже ведь не все годится. Что-то стоит подыскивать по здешней погоде да по этим камням, кустам и болотам более подходящее, — посоветовал Фомину Гриша Чекмачев, давний товарищ по службе — еще с кронштадтских и соловецких времен.

— Ребята верно насчет еды говорят, — сказал Вася Кашутин. А я еще об одном думаю. У меня полная фляга водки, весь поход ее таскаю, ни разу языком не лизнул. Я на нее не падкий и в базе-то редко оскоромлюсь. И другие ее в рот не берут, все бережем на крайний случай. Выдавали бы спирт — все легче носить.

Практичный, много изведавший в жизни старшина Кашутин вес водки подсчитал. Он же заметил, что неважно ребята

маскируются.

— Следы на марше оставляем, привал после нас заметен, даже сосчитать можно, сколько сидело.

— Эка важность! — отозвался Волошенюк. — Дождями все смоет. Который день не перестает…

— Такие суждения вредны, — перебил его командир группы Николаев, — вам надо принимать советы, а не отбояриваться от них. Старшина не в первый поход идет, лучше нас знает. Меня тоже в финскую кое-чему научило. Финны следопыты хорошие. Они все ваши промахи заметят. Молчать научились — оружием, банками, дисками к пулеметам иногда гремим. И еще. На базе я вам говорил, а здесь вынужден снова напомнить. Когда уходили с прошлого привала, я вернул Козловского, чтобы упрятал осторожно в землю окурок, он забыл его на камне. А ведь самокрутка из газеты, из нашей, из русской. И еще. Верно, по мокрому торфу да по глине пройти и не оставить след непросто. Ступайте след в след, затаптывайте, труднее разобраться, чьи и сколько следов. Это уж там, где идем без тропинки. Все дозорные должны выбирать путь по кромке гранита, и там мох надо стараться не тревожить, не наступать на него. По камню идти тяжело, ноги бьет, но следов меньше. А нам это и важно…

— Поняли, товарищ младший лейтенант, учтем, — согласились ребята.

На последнем привале перед Одежявром на вахту в дозор заступил Иван Поляков. Группа укрылась от ветра в узкой щели, проточенной потоками воды за многие тысячелетия. Наверху, на открытом пятачке, Поляков, обдуваемый пронизывающим сырым ветром, залег с биноклем: водит им то в одну, то в другую сторону.

Даже здесь, на холодных камнях, в мороси, в завывании ветра, продрогший Иван держит фасон. У него, как и у всех, табельное матросское обмундирование, все положенное по вещевому аттестату. Но носит его Иван так, что не заметить нельзя, мимо не пройдешь. Все точно по размеру, не мешковато и не узко, клеши, шире, чем фабричный пошив, но мера рассчитана скрупулезно, ширина точно соразмерна росту Ивана, брюки не выглядят юбкой, метущей улицу, или поповской рясой, не прячут отлакированные носки ботинок. Во рту один передний зуб золотой. Улыбка у него веселая, меловые зубы на заглядение, а золотой зубок сияет изо рта солнышком. Лицо чистое-чистое, белобрысое, волосы русые, а брови разлетистые, будто самой природой подбритые сверху, темные, как встарь говорили, — соболиные.

Всей статью Иван на заглядение. Это для него не секрет.

Привык, что на него засматриваются, девицы вслед поглядывают. И потому ходит он гоголем.

Свою манеру держаться не меняет Иван и в походе, хотя дожди, глина, стужа и с него лоск стерли: лицо посерело, шерстяной подшлемник он раскатал и одел на голову, прикрыв уши, шею и подбородок. Правда, так он прикрывается только в дозоре, на марше идет налегке. Грудь нараспашку. Иван верен себе — морскую душу не прятать напротив — открывает ее всем ветрам.

Любят пошутить, побалагурить на привале, перекинуться забористым словцом Иван Поляков с Васей Кашутиным. Друзья зовут Кашутина запросто — Егорычем, хотя летами он не старше большинства ребят в отряде, прослуживших на флоте по четыре-пять лет.

Кашутин волжанин. Родился в Саратове. Отец его был комиссаром в гражданскую, с войны не вернулся, погиб. Отчим ушел на эту, тоже где-то сражается. Сестра добровольно попросилась на фронт, выхаживает раненых.

Ростом Кашутин повыше Ивана Полякова и статью поскладнее, посолиднее, лицом тоже видный. Но он не такой броский, как Иван. И вовсе не стремится выставлять себя на первый план. Да характер у него помягче, чем у Ивана, более общительный, компанейский, что ли. У Ивана все-таки проскальзывает самодовольство, а у Василия его нет и в помине.

Разведчикам разрешается ходить и на базе не в форменной одежде. Кашутин до войны служил в армейских частях, привык к этой форме. Поэтому ходит он в армейском, а на голове носит зеленую фуражку пограничника. Пояс туго стянут, обрисовывает девичью талию, гимнастерка комсоставская, шевиотовая, удлиненная — ниже брючных карманов. Бриджи синие-синие, на сапогах ни морщиночки, отчищены щеткой и отшлифованы бархоткой так, что солнце отражается в них как в зеркале. Среди всех разведчиков в морской форме только один Кашутин выделяется армейской гимнастеркой.

Характер у Васи веселый, неунывающий, парень он удалой. Правда, ходить часто в город, встречаться там с девчонками, разгуливаться с дружками большого пристрастия по имеет. Поет озорные песенки, какие издавна сочиняет русский народ в селах на потеху себе и на забаву другим.

Поляков и Кашутин вывели отряд к бывшей погранзаставе. На месте поселка остатки пожарища, угли, пепел.

Неуютно и тоскливо на месте прежнего солдатского жилья. По следам видно, что и после пожара здесь появлялись егеря.

Привал устроили на берегу озера.

За неделю исколесили по округе около двухсот километров. Устраивали на сопках дозоры, наблюдали тщательно, пока не уверились, что эту зону ни немцы, ни финны еще не осваивают, ходить можно.

Молодые разведчики обрели первый навык дальнего похода.

Глава IV

Заместитель Визгина подполковник Леонид Васильевич Добротин недавно вышел из госпиталя. Раны на ногах затянулись, но ходил он еще с палочкой. При каждом шаге пощипывало под кожей и в мышцах покалывало, будто иголочками. В мирное время его еще выдержали бы в госпитале, а потом отправили бы на курорт для укрепления. Но сейчас — война. Человек на ногах, это уже хорошо. Добротин исправно нес службу, читал сводки, донесения, обсуждал с командирами подразделений и работниками отдела проекты операций, но его все время тянуло в отряд, с которым испытал он свою военную судьбу, хлебнул сполна горечь утрат. Но он понимал, что пока совсем не поправится, делать ему у разведчиков — нечего. Да и врачи отговаривали.

Визгин вместе с Добротиным обсудили итоги двух походов разведчиков. Они сошлись во мнении, что резервные маршруты проверены. Сейчас следует снова обратиться к Мотовскому побережью.

— Планы операций групп Инзарцева и Карпова готовы, — сказал Визгин. — Когда будем докладывать?

— Докладывать рано, — ответил Добротин. Надо нам самим определиться, кого поставим командиром отряда? Я бы предложил Инзарцева, но меня настойчиво отговаривает наш новый сотрудник — Люден. По его мнению, у Инзарцева нет оперативной грамотности, зато полно самоуверенности. К тому же он якобы резок, прямолинеен.

Визгин добавил от себя, что Люден, который закончил военную академию, считает, что каждый командир должен иметь высшее образование. Об этом можно только мечтать.

— Вы, Леонид Васильевич, — обратился он к Добротину, — тоже окончили академию, прошли все воинские ступеньки, но не кичитесь образованностью, а считаете своим долгом учить людей словом и личным примером. По-моему, Люден судит об Инзарцеве предвзято. Мне хорошо известно, что, когда разведчики, будучи в глубоком немецком тылу, обсуждали, как быть после побега бойца к фашистам, Инзарцев настаивал на налете на аэродром. Люден был против и использовал свою власть, чтобы боевая операция не состоялась. Вот тогда Инзарцев прямо высказал свое недовольство Людену, обвинил его в нерешительности, в боязни активных действий. Мне нравится в Инзарцеве напористость, стремление к боевому делу. Люден — осторожен. Инзарцев — горяч, излишне категоричен. Вот в чем

суть их расхождений в решении боевых задач.

— А что вы думаете о Карпове? — спросил Добротин.

— Я его совсем не знаю. Молодой лейтенант. Серьезно с ним я не беседовал. К сожалению, никак не хватает времени, чтобы поближе сойтись с людьми, разобраться, на что они способны.

— Моряки его хвалят, — сказал Добротин, — он им приглянулся. Говорят, что человек простой, душевный, строг в меру.

— У Инзарцева все-таки побольше опыта командования, напомнил Визгин. — Сколько лет он сколачивал спортивные команды, тренировал их. Этот навык работы с людьми в пользу Инзарцева. Возьмем Карпова в резерв, будем растить. Пошлем сейчас обоих командирами групп, посмотрим, как каждый выполнит задачу. Сопоставим и решим.

Хотя Инзарцев не был назначен командиром отряда, фактически же он был за командира. Звание он имел, как и его коллеги в области военного спорта — интендант III ранга. На рукавах носил нашивки серебристо-белого цвета. И хотя такие командиры нередко служили в плавающем составе, состояли в корабельных экипажах, по знакам отличия, по воинским званиям они выделялись среди строевых командиров.

26 сентября группы Инзарцева и Карпова вышли из Полярного на мотоботе «Север». Приблизились к входу в Мотовский залив, приглушили мотор и на малом ходу, прячась под берегом Рыбачьего, подкрались к губе Эйна. Здесь легли в дрейф и какое-то время всматривались в южный берег залива. Не разглядели там ни движения, ни огня. Все, казалось, спокойно, тихо. Командир бота младший лейтенант Яковлев повел его через залив осторожно, мотор работал вполсилы, лишь глухое урчание доносилось из машинного отделения да потрескивали выхлопы в трубе на корме.

Вплотную к берегу подходить не рискнули, в темноте можно было запросто наскочить на подводные луды, так на Севере зовут камни под водой. Нарвись на такую луду, будешь сидеть как на мели, пока не снимет приливом. Группа высадилась на берег двумя шлюпками.

На боте осталась команда и медсестра Маша Иванова. Ей положено быть на боте, ждать возврата групп, чтобы в случае необходимости оказать первую помощь.

Маша — типичная русская молодица, пышные русые волосы не укрывает матросская шапка, кудри распушились и рассыпались по плечам. Румяное, красивое лицо, задорная улыбка, широкий рот открывает два ряда белых зубов. Смеется раскатисто, звонко.

Группа Инзарцева высадилась на берег в полночь на 27

сентября.

Бот повернул обратно к Рыбачьему, в Озерки.

Разведчики вышли на берег восточнее мыса Могильного. Непроглядная темень, ни дорог, ни тропок, скользкие камни, о которые то и дело спотыкались моряки, проклиная и камнелом и ночной мрак. Инзарцев решил сделать остановку. Примерно в полукилометре от берега устроились на ночлег. Завернувшись в плащ-палатки, легли на намокший мох. Малюсенькие, высотой до колена, кустики кое-как приглушали ветерок.

Первую вахту заступил Степан Мотовилин. Через час он разбудил себе на смену Ивана Полякова, от него службу принял Василий Кашутин. До пяти утра все по очереди отдежурили по часу, последним охранял покой спящих Алексей Маер.

Было еще темно, рассвет должен был наступить часа через два, но все встали и тронулись в путь.

День выдался хмурый и неприветливый. Густые, набрякшие от холодной воды черные тучи медленно плыли с моря. Туман затянул все вокруг, вскоре и сопки не проглядывались.

На одной из высот, километрах в семи-восьми от берега ближе к селению Титовка наткнулись на трехорудийную зенитную батарею. Затаились. Стали наблюдать. Стволы пушек опущены и зачехлены. Солдаты собирают и подносят камни-валуны, выкладывают из них высокую стенку вокруг батарейной позиции. Такие же круглые ячейки, но только меньшего размера, уже выстроены возле каждого орудия. Примерно в сотне метров от орудийной позиции, прилепившись к отвесному обрыву скалы, устроена землянка. Она тоже обмурована валунами.

Долго у батареи не задержались. Все что нужно отметили на карте.

На высоте невдалеке от Титовки залегли и из-под плащ-палаток в бинокли стали всматриваться во все, что делалось в поселке.

— Товарищ командир, что-то больно много машин в Титовке. Грузовики укрыты брезентом, что под ним — не разгадать. Но грузовиков-то только половина, остальные легковые. Насчитал почти шестьдесят автомобилей. Поодаль вижу машины санитарные, с красными крестами, а еще чуть в сторону четыре трактора, — доложил Мотовилин.

— Скорее всего, у них тут автобаза, — предположил Инзарцев.

— Я тоже так думаю. До начала войны здесь стояли машины 14-й дивизии. Вон овощехранилище нашего армейского интендантства.

— А каменный склад был? — спросил Инзарцев.

— Нет, его не было. Это что-то новое.

— Уж больно массивное, крепкое, из рваных камней сложено. Ни окон, ни дверей не видно.

— Может, они скалу рвут, тоннель строят, из этих камней выложили вход в убежище, — предположил Инзарцев, видевший, как подобные сооружения строились на базе. — Это надо взять на заметку.

Днем примерно полторы роты солдат пешим маршем ушли по дороге в сторону Западной Лицы.

Утром 28 сентября разведчики видели, как в семь часов проиграла побудка, солдаты пошли в столовую на завтрак. Затем разошлись по разным работам.

Часов около одиннадцати в поселок по дороге из Лицы въехала грузовая автомашина. В кузове ее привезли человек пятнадцать в одном нижнем белье. Всех под конвоем повели в сторону Верхней Титовки.

Невдалеке от моста через Титовку дорога разветвляется: одна повернула, в поселок — бывшую базу тылов 14-й, дивизии, другая пролегла на восток. Разглядели пешеходную тропу от Титовки к Пикшуеву, по ней прошло несколько групп в ту и другую сторону. Поблизости от развилки ровными рядами выстроились палатки. Машины там ходят часто, идут к Петсамо и к Лице, в Нижнюю Титовку не сворачивают. Несколько раз в колоннах проскочили и легковые автомобили. Вдоль дороги выставлены пикеты, патрули пешие и на мотоциклах следят за дорогой днем и ночью.

Когда стемнело, снялись со своего дозорного поста и пошли к месту высадки. В час ночи 29 сентября все поднялись на борт мотобота.

Высадив группу Инзарцева возле Могильного, бот повернул к Рыбачьему, вошел в бухту Озерко и ошвартовался у небольшого причала на бревенчатых сваях. Часы показывали половину четвертого утра.

Лейтенант Карпов пошел к командиру погранотряда майору Каленникову. В теплой и уютной землянке майора он пробыл часа два.

С любовью и сноровкой была оборудована эта землянка. Стол сколочен из обструганных досок, пол выстлан толстыми плахами. На столе керосиновая лампа, внушительный медный чайник, карта участка фронта на перешейке.

Пограничники как-то особенно умели устраиваться в полевых условиях.

Пили горячий чай из эмалированных кружек.

— Мне с моими ребятами, — сказал лейтенант Карпов, —

приказано проникнуть на западный берег губы Кутовой, а если удастся— и до устья Титовки.

— Зачем? — спросил Каленников. — От перешейка и до дороги на Лицу все занято егерями.

— Из Титовки выход в Мотовский залив, а он ведет к Кольскому, к Полярному. Потому моряки и интересуются этим берегом.

— Все это так, море — дело ваше. Но затея у вас сложная.

— Мы и не думали, что простая, потому к вам и пришли посоветоваться.

— Перед нами возле перешейка на Средний полк егерей и батальон самокатчиков, — Каленников провел незаточенным концом карандаша по карте от берега губы Волоковой через Мустатунтури до Кутовой, — да четыре батареи. Недавно пришел батальон финнов. Все сплошь утыкано солдатней. Службу они правят старательно. Чуть где пошевельнутся наши, сразу открывают огонь.

— Мы хотим пробраться по самому берегу Кутовой.

— Немцы выставили охрану вплоть до уреза воды. А берег там крутой, обрывистый, к воде не прижмешься.

— Это мы знаем. Летом наши пытались там ходить, застряли.

— Все, что надо, сделаем, поможем. Дам проводников. Обстановку лучше знают армейцы из полка Пашковского.

Переговорим с ними. Попросим помочь пройти через боевое охранение.

Карпов сходил на борт за бойцами, чтобы вместе следовать на командный пункт погранотряда.

Днем Карпов с КП пограничников несколько часов разглядывал в бинокль полосу, которая разделяла части берегового прикрытия от немцев и финнов, старался понять систему обороны, выискать опасные точки, наметить возможные проходы.

Комендант укрепленного района полковник Красильников подтвердил, что все необходимые приказания отданы, люди на месте выделены, они помогут морякам.

В восемь вечера, когда стемнело, разведчики поехали на грузовике по дороге в сторону Кутовой. С ними же отправился начальник разведки Красильникова старший лейтенант Романов. Он обещал провести разведчиков до последнего рубежа, откуда моряки пойдут в поиск самостоятельно.

У подножия северного ската гряды, на которой расположился 135-й полк, машину пришлось оставить, до командного пункта полковника Пашковского шли пешком. Вел разведчиков командир батальона капитан Лоханский. От этого командного пункта линия

немецких позиций была намного ближе и даже в темноте угадывалась лучше.

До полосы боевого охранения взялся провести разведчиков командир разведвзвода лейтенант Воднев с тремя красноармейцами. С ним условились о сигналах, прорепетировали их, обговорили, как будут поддерживать моряков разведчики полка, если завяжется бой в глубине вражеской обороны.

Было ровно одиннадцать вечера, когда разведчики Карпова поползли на «ничейную» сторону, метр за метром приближаясь к вражеским дозорам, выискивая тот разрыв, который лейтенант высмотрел с командного пункта.

Первым полз Григорий Харабрин, моряк крепкий, натренированный. Его ноги с силой отталкивали увитое мышечными жгутами тело. Грубоватое, резко выточенное лицо посуровело, закаменело, губы плотно сжаты, а глаза сосредоточенно разглядывают каждый камень.

За ним втирался в землю Гриша Чекмачев. В разведку он пришел из учебного отряда еще в июле. Сходил в два похода — под Луостари с Люденом и в приграничную полосу от Зимней Мотовки с Николаевым. На Соловках служил инструктором-преподавателем, учил будущих моряков строевому делу и машинописи. Рослый, складно сложенный, спокойный, уравновешенный. Служит на флоте по шестому году, его, как и многих других, задержали от увольнения в запас в финскую кампанию.

Ползет он с большей натугой, чем Харабрин, хотя тоже не обижен и силой и ростом, он постарше Харабрина да и послабее физически. Каждый рывок, отталкивание локтями и коленками, упоры ногой о какой-нибудь камень давались ему через силу.

Ползли осторожно, не потревожив ни один мелкий камень-галечник, не зашуршав кустами, не звякнули ни автоматом, ни флягой. Бережно ощупывали торф, проверяли, как бы не напороться на присыпанную сверху мину.

Третьим полз командир группы Карпов, позади его, чуть по сторонам, Волошенюк и Ковалев. Метрах в трех-четырех замыкал цепочку ползущих Роман Козловский.

О минах не однажды предостерегали моряков и в стрелковом полку и в подразделениях Красильникова, говорили, что на них подорвалось немало людей. Низину перед полосой своей обороны по обе стороны дороги из Кутовой немцы утыкали ими весьма старательно.

Возле минного поля проползли, ни разу не наткнулись на «сюрприз», хотя и не смогли днем определить его границы, видно,

чутье подсказало.

На сто девятой высоте притаилась вражеская батарея, — согнувшись в три погибели, обошли ее стороной. Справа от себя оставили батальонные тылы егерей, которые засекли еще при дневном наблюдении, там дымились кухни, чуть поодаль стояли повозки.

Прокрались от сто девятой еще с километр, повернули к берегу губы Кутовой, надеясь выйти к заливу возле острова Овечьего. Справа оставили большую высоту, летом за нее были упорные бои. На ней заметили четыре дзота. Они на картах в штабах и на командных пунктах на Рыбачьем и на Среднем не значились. Возле дзотов по тропке ходили два подвижных поста по двое дозорных в каждом.

Невдалеке приютились землянки, оттуда слышался говор, из дымоходов тянуло дымком.

Было около двух часов ночи.

Разведчики затаились, но часовой все же что-то услышал, он осветил скат сопки ярким аккумуляторным фонарем, несколько раз окликнул. Карпов рукой показал, чтобы отползали назад.

От батареи, которую они обошли и оставили позади, приближались к ним несколько человек.

Постовой прострочил из автомата в ту сторону, где замерли моряки. Карпов в голос скомандовал забросать землянки гранатами. Сам поднялся на колено и бросил первым. У землянок послышались крики, стрельба и взрывы осветили склон. Отползавшие полоснули в ту сторону очередями из автоматов, бросили еще несколько гранат и скатились с крутого обрыва на самую кромку берега. Отлив обнажил дно на два-три метра, по нему бойцы стали отходить к боевому охранению.

В лагере немцев поднялась суматоха. По всей линии обороны егерского батальона застрекотали пулеметы и автоматы, временами рвались гранаты — егеря бросали их в темноту наугад.

Со стороны Титовки донеслись артиллерийские выстрелы, снаряды стали рваться на полосе между немецкими и русскими позициями, невдалеке от берега залива.

Группа, вытянувшись в ниточку, отходила по кромке, обнаженной отливом. Впереди в залив врезался небольшой мысок, на нем немцы приткнули пулеметную точку. Карпов заторопил своих, приказал побыстрее захватить пулеметчиков. Не успели. Слева, с верхушки обрывистого берега, их обстреляли из автоматов. Упал раненый Роман Козловский, и сразу возле него рванули две гранаты: оказывается, он нес их со снятыми предохранителями. Ранило еще троих. У лейтенанта Карпова

пули задели лицо и ногу, Волошенюку прошило обе ноги, а Гришу Харабрина пуля царапнула по груди. Не тронуло Чекмачева, Фомина и Ковалева.

Разведчики оторвались от егерей. Часы показывали половину шестого.

На нашем переднем крае, в расположении батальона, ребят встретил лейтенант Воднев, провожавший разведчиков на операцию.

Я, — сказал он, — считал, что если вы благополучно преодолели боевое охранение немцев, то дальше все пойдет как надо. Подождал с полчаса. Тихо в немецком тылу. Решил возвращаться в Озерко. Потом услышал стрельбу. Небо осветилось ракетами. Стало ясно, что вы напоролись на немцев, завязался бой. Вернулся обратно. Командир роты подготовил своих людей для контратаки, чтобы помочь вам.

— Спасибо за поддержку, — сказал Карпов, — немцы крепко наседали, а у нас раненые. Без вашей помощи нам было бы очень туго.

Всех, кому требовалась помощь, отправили в госпиталь. Карпов категорически заявил, что ремонтироваться будет позже. Он должен быть в Полярном, чтобы доложить об операции лично.

Инзарцев и Карпов хорошо показали свои командирские качества в этом бою. У Визгина и Добротина камень сомнений свалился с плеч.

— Пришло время назначить Инзарцева командиром отряда, — предложил Добротин. — Сам он этот вопрос не поднимает. И все же его неопределенность в отряде вредит делу. Иногда среди разведчиков можно слышать: «кореш», «браточек». Такая вольница ни к чему. Не мешало бы подобрать в помощь Инзарцеву толкового комиссара.

— Ясно! — одобрил Визгин. — Готовьте приказ на Инзарцева. Думаю, что против этой кандидатуры не будет возражений у командующего. Будем думать и о комиссаре.

Глава V

Визгин докладывал Головко:

— Товарищ командующий, метеорологи наконец-то обещают приличную погоду на Варангере. Мы уже три недели ждем. Ребята засиделись на Рыбачьем. Совались несколько раз в море, да возвращались, нахлебавшись воды. Прошу «добро» на операцию Кудрявцева.

Разговор шел в кабинете командующего в глубоком подземелье. Строительство этого командного пункта еще не успели завершить. В кабинете было сыро и неуютно, как в подвале. Не помогли ни вентиляторы, ни электропечи. Укрытие для штаба ускоренно строили в гранитной глыбе сопки все лето. Тоннель тянулся на многие десятки метров, сверху его надежно защищал каменный колпак.

— А у вас все готово, выверено для высадки Кудрявцева? — спросил озабоченно Головко.

— Не бывает так, — ответил Визгин, — чтобы был забит последний гвоздь. Всегда хочется что-то доделать. Но для первой части задачи — разведки обстановки на полуострове Варангер и устройства там баз на будущее, — пожалуй, готово все. Люди снаряжены, ждут команды на выход.

Командующий поднялся из-за стола, выключил настольную лампу. При верхнем свете карта на стене смотрелась лучше.

— Продуман ли план более широких операций, готовы ли люди к тяжелым испытаниям? — спросил Головко.

— Идут в основном норвежцы, планы отработаны, оружие, продовольствие, снаряжение припасено. Действуем в полном контакте с нашими коллегами в Мурманске. У них и опыта немало и возможностей больше нашего. Договорились, что высадку и последующее обеспечение операции мы берем на себя.

— План операции, насколько я помню, — сказал Головко, — состоит из нескольких этапов. — Какой разрыв во времени будет между эшелонами?

— Думаю, недели две. На всякий случай отрабатываем вариант на месяц. Успеют разобраться в обстановке, выбрать места для баз, нащупают надежных людей. А там и забросим основные силы, попутно закинем продовольствие.

Контр-адмирал напомнил Визгину, что в большом и малом нужна строгая конспирация. Разжечь войну в далеком немецком тылу, на норвежских землях, архиважно. И немцы перестанут чувствовать себя там спокойно, и силы им придется дробить, держать охрану и по побережью и в глубине материка. И

норвежцы станут чувствовать себя увереннее.

Командующий прошелся по кабинету, чуть постоял в раздумье перед картой и продолжал:

— Помочь надо тем, кто взялся там за оружие. Непременно найдите отряд Ларсена и установите с ним контакт. Они наверняка нуждаются в нашем содействии. В нашей операции и в совместных делах с норвежцами кроме военного выигрыша большой политический смысл. Но главное — конспирация и конспирация! Раскроетесь раньше срока — пострадает дело. Пусть наши люди не забывают и о другом важном моменте. Норвегия с нами не воюет. Отношение к населению должно быть самое доброжелательное.

Согласие на операцию Визгин получил.

Так в конце сентября сорок первого года отправилась через море в дальний поиск в Норвегию первая большая группа разведчиков.

Руководил операцией старший лейтенант Кудрявцев. Ему тридцать лет. Родился в Москве, там, в столице, на Спартаковской живет мать Людмила Анатольевна, а семья уехала из Заполярья в эвакуацию и остановилась в московской квартире на Семеновской.

Еще во флотском училище связи его рекомендовали в разведку, как окончил училище, сразу и определился.

Политрук группы Ершов Алексей Борисович приехал из Мурманска, привез с собой четверых норвежцев, все они после захвата их родины фашистами покинули свои дома, стали политэмигрантами, а потом попросили дать им оружие для войны против арийской нечисти.

Кудрявцев роста выше среднего, сухопар и жилист. Собеседник он активный, умеет подключиться к любому разговору.

Идет он в первую боевую операцию. За три месяца войны его ни разу не посылали ни с отрядом, ни с мелкими поисковыми группами, а тут сразу испытание походом в дальний тыл врага, высадка на чужой, никогда им не виденный берег.

Больше половины группы — норвежцы. Почти все они жили под Мурманском уже больше года. Когда немецкие войска весной 1940 года высадились в Норвегии, захватили Нарвик, многие из норвежцев покинули родину. Некоторые ушли в Англию, другие махнули через Варангер-фьорд на советскую землю, просили дать им оружие, позволить ходить через море к своим родным берегам, там наводить страх на оккупантов, разжигать пламя партизанской войны. В Норвегии, как и в других странах, рождалось и крепло сопротивление захватчикам. Эти ребята —

выходцы из Финмаркена и Тромсё — торопились поскорее попасть к отчим домам, принести своим друзьям и близким веру в неминуемое освобождение от фашизма.

Глубокой ночью, когда только вахтенные наружной службы стерегут свои посты, разведчики подъехали на самый дальний причал, к которому привалилась подводная лодка. На ощупь поднесли они к борту лодки свои рюкзаки, тюки, банки, оружие.

Было время прилива, рубка лодки высунулась выше причала, сходня перекинута на борт без наклона.

У трапа встретил командир «малютки» Николай Иванович Морозов. Провожавшему группу в поход начальнику отдела он сказал, что все готово, можно погружать имущество и выходить в море.

Впервые так расщедрилось командование, выделив для операции боевой корабль. Не обошлось без накладок.

У команды не было навыка плавания со столькими пассажирами на борту, а идущие в разведку не умели слезать по скоб-трапам в стальные внутренности подводной лодки.

Сначала спускали груз, складывали его там, где укажут подводники. Первый разведчик попытался пролезть через отвесную трубу из рубки в центральный пост с рюкзаком и автоматом, прошел три-четыре ступеньки и застрял, попытался вернуться назад — автомат уткнулся под скобу трапа. Ни туда и ни сюда! Кое-как его вызволили из ловушки. Всем предложили снять рюкзаки, поклажу, оружие. Моряк встал на среднюю ступеньку трапа, принимал груз и передавал другому, а там, внизу, разносили груз по отсекам. Потом полезли в люк и разведчики. Просунуться туда без навыка оказалось не так-то просто. То подсумки подлезут под скобу, то какая-нибудь фляга или чехол с гранатами застрянет в шершавой узости спуска.

Когда все сгрудились у центрального поста, старпом провел разведчиков по лодке, показал внутренности, объяснил, где и как проходить, к чему можно притрагиваться, а к чему нельзя, подвел каждого к его месту на переходе, строго предупредив, чтобы без крайней нужды его не покидали. Сколько премудростей пришлось познавать разведчикам! Чтобы перебраться из одного отсека в другой через круглые отверстия-лазы, надо сначала просунуть одну ногу, потом наклонить голову и, согнувшись, протащить туловище, а уже затем перенести и вторую ногу. В глазах рябило от обилия труб, приборов, рычагов, рукояток, разных торчащих предметов. Не было такого места ни в стенках, ни в потолке, которое не занимал бы какой-нибудь аппарат, труба, вентиль или рукоятка.

В лодке прозвучала команда готовности к выходу в море.

Захлопали люки, задвижки, закрутились колеса задраек, отсеки отгородились один от другого, донесся шум двигателей, а еще через минуту-другую разведчики почувствовали, что лодка идет, слегка покачиваясь на небольшой волне.

Ночью шли в надводном положении, на дизелях, днем погрузились под перископ, затаились до полной темноты. Потом опять всплыли, но уже в Варангер-фьорде взяли курс к мысу Лангбюнес, на котором намечалось высадить разведчиков.

Теперь началось обратное выволакивание рюкзаков, сумок, оружия. Извлекли из глубоких стальных внутренностей лодки весь багаж, сложили его в рубке и поблизости на обшивке корпуса, оберегая от волны, которая перекатывалась через лодку то по носу, то по корме. К радости разведчиков, вода не подтапливала палубу возле рубки.

Моряки-подводники стояли по своим местам, смотрели за горизонтом, за небом, другие помогали разбираться с грузом. Лодка дрейфует, волной и течением ее понемногу сносит от берега.

Вытащили наверх шлюпки, баллоны со сжатым воздухом. За считанные секунды матросы надули резиновые лодки, сгрузили в них все рюкзаки, сумки, винтовки и автоматы. Разведчики расселись по местам, оттолкнулись от борта и навалились на весла.

Волна небольшая, подошли к берегу спокойно, не замочились, только при высадке кое-кто начерпал воды в сапоги. Приставали не к добротным причалам, а к пустому берегу. Хорошо, что здесь не оказалось обрывистых скал и крупных камней.

Вынесли на берег весь груз. Краснофлотец увел все шлюпки. Разведчики посигналили с берега. Лодка, развернувшись, исчезла в темноте, взяв курс в свой квадрат на боевое дежурство.

Высадились разведчики 26 сентября сорок первого года.

На берегу задерживаться не стали. Наскоро разобрали снаряжение, навьючили на себя рюкзаки, свернутые плащ-палатки, сумки с радиостанциями и батареями к ним и пошагали вдаль от берега. Метрах в полутораста — в двухстах пересекли пустынное шоссе и пошли, поднимаясь по длинному пологому прибрежному склону.

Путь предстоял недальний, но и не легкий. У каждого за спиной рюкзак пуда на два да всякой другой поклажи не меньше.

Сначала шли долиной реки Лангвик-Эльв. Все норвежцы в группе — из здешних мест, округу знают, исходили ее сызмальства. Они и ведут разведчиков по курсу.

Шагали по береговой гальке, которую веками вода обкатала и

пообтерла до глянца, потом стали попадаться узкие теснины, расщелины в скалах, вода скатывалась в них с шумом, падала с высоты. Такие места обходили стороной, поднимались на плоскогорье, путь держали по замшелому каменистому плато. Местами натыкались на натоптанные тропинки, по ним жители прибрежных селений ходят ловить рыбу, охотиться, собирать грибы и ягоды, косить сено. В темноте на оголенном граните глазом почти не различимая стежка вдруг сбивалась куда-то в сторону. Сворачивали с нее и опять шагали по шершавому граниту, то по кустикам брусничника, клюквы, морошки, то обходили закустившиеся ягодники.

Двигались безостановочно, пока не забрезжил рассвет. Остановились на большой привал. Днем идти не решились.

Когда завечерело, снова двинулись в путь. Перед рассветом приблизились к местечку Киреянки. Тут местные жители живут на летнем стойбище и косят сено. Стоят два легких домика. Чуть поодаль от них несколько стогов сена, небольшими штабелями сложен высушенный торф. Отчетливо видны следы покосов, отава зеленее старой травы. На низких сырых местах, на заболоченностях прихваченная холодом осока завяла, пожелтела, свалявшись в нерасчесанные вихры.

Зашли в домики, где, к счастью, бывшие хозяева оставили чугунные печки, немного угля. Возле стен сооружены нары.

Сходили, осмотрелись по округе. Безлюдье. Тишина. Только кое-где журчит вода в ручейках, перекатываясь с камня на камень. Обошли окрестности возле стойбища километра на три. Ничего тревожного и опасного не обнаружили. Приглядели два-три запасных выхода на случай, если придется спешно убираться не по тропе, что привела их от моря, а в какую-нибудь другую сторону.

Это место для базы было намечено еще до выхода в операцию. Обосновались в домиках. Часть имущества разнесли по округе, заложили там на хранение продукты, батареи, одежду, все укрыли камнями, сеном. Устроили хоть и небольшие резервные кладовушки на экстренный случай. Из сена же соорудили несколько шалашей.

Пока разведчики размещались да обустраивались, Кудрявцев и Ершов разложили карту, принялись обсуждать, с чего начать выполнять задание.

— С какого селения начнем, куда пойдем и кого пошлем?

— Может, повременим денек, получше осмотримся, — предложил Ершов. Ему хотелось удостовериться, что немцы проворонили их высадку и не держат группу под наблюдением.

— Зачем оттягивать, нам за десять дней надо вон сколько

разузнать и разведать, — возразил Кудрявцев, очертив пальцем круг на карте. Рука его прошлась по южному побережью полуострова от Вардё до Вадсё, скользнула у Киркенеса.

— Подберутся люди, сразу и охватим всю округу. Найдем партизан — они помогут, — убеждал Ершов.

Кудрявцев напомнил, о чем уже не раз говорил на базе.

Им предстоит разузнать, что делается по берегу Варангера от Вардё до Вадсё, где, в каких селениях стоят немецкие гарнизоны, какой численности, зачем поставлены. Пойдет дело на лад, не помешают немцы, найдутся помощники из местных жителей — сходить в Киркенес, заглянуть туда очень важно, через него лежат пути-дороги к фронту и с западного побережья Норвегии. Морские суда плывут в Киркенес, а дальше грузы на фронт везут машинами. Где-то в Северной Норвегии есть партизаны, с ними надо установить связь. Дел невпроворот. Медлить нельзя.

Ершов по натуре был осмотрительнее Кудрявцева.

— Сходим сначала в Комагвер, потом в Киберг, — убеждал Ершов. — А в города надо посылать людей, которые живут здесь постоянно, на глазах у немцев и имеют надежные документы.

— В Киберг и в Комагвер можно послать людей одновременно, а вот с Вардё и Вадсё погодим. Тут ты, Алексей, пожалуй, прав.

На том и порешили.

Кудрявцев считал, что с одной группой он сходит сам, а с другой — Ершов. Но Ершов, политрук группы, резонно заметил, что в первый маршрут им соваться пока неразумно, так можно обезглавить всю группу.

В тот же вечер ушли в разведку в Комагвер двоюродные братья Микельсены — Ингвальд и Рачивальд. Родом один из Киберга, другой из Крамвика, из мест, расположенных в нескольких десятках километров от берега, где высадились разведчики с подводной лодки.

В семье Микельсенов — шестеро родных братьев да двое двоюродных. Когда немецкие войска весной сорокового года высадились в Норвегии, четверо Микельсенов не стали ждать, когда немцы заставят их работать на себя.

Они погрузились на один из семейных ботов, ушли как будто на путину, а сами махнули через море и пристали на Рыбачьем. Вместе с другими своими соотечественниками Микельсены взялись за оружие.

Теперь, через год с небольшим, двое Микельсенов вернулись на свою землю и пошли по дорогам и тропам, хоженным еще в юности.

Первые посланцы ходили двое суток. Вернувшись, доложили

Кудрявцеву и Ершову, что успели побывать не только и Комагвере, но и в Крамвике и в Киберге, очень уж им не терпелось повидать родных и близких. Решились идти в Киберг после того, как их давние друзья, которым они доверились, сказали, что в маленьких поселках немцев нет, только временами наезжают на мотоциклах патрули, посмотрят, проверят и тут же уедут, на ночевку никогда не остаются.

Норвежцам разрешается проходить или проезжать запросто, без пропусков, но если появляются какие-то неизвестные, дальние люди, жители обязаны о них докладывать ленцману. Оттого люди держатся настороженно, к чужим приглядываются, присматриваются, в разговор не вступают. Для поездок в Киркенес, в Вардё и Вадсё требуется пропуск, его можно получить в комендатуре и у ленцмана.

Еще одну важную весть принесли ходоки: на следующий день на базу группы в Киреянках придет Хильмар Микельсен. Он знает ходы к верным людям, может свести с ними, ему не трудно получить пропуск в города. На него, как они заверили командира и политрука, можно положиться, не подведет.

После таких обнадеживающих вестей Кудрявцев и Ершов решились послать в разведку троих норвежцев, двоим побывать в Киберге, оттуда вернуться на базу, а третьему из поселка переправиться в Вардё. Пошли в этот маршрут братья Хокон и Коре Ойены и Гюнер Берг.

Ойены — норвежцы, но советские подданные, родились и росли у своих родителей на побережье Кольского полуострова в селении Цып-Наволок. С детства, как и все поморы, промышляли морем, рыбачили, били морского зверя.

В операцию сперва собирался и готовился младший из братьев — Хокон, но старший, узнав об этом, побежал в военкомат с обидой, почему ему не доверяют, он может справиться с делом не хуже брата. Ему ответили, что его время еще не подошло, придет — позовут, пусть пока побудет дома, он человек семейный, женатый.

На это Коре ответил, что не только его сверстников, но людей моложе и старше, и тоже женатых, в армию, на войну взяли тысячи и тысячи, не спрашивали, хотят ли они оставить домашних или не хотят. За что же его обижать? Если комсомольца Хокона посылают, то разве ему, некомсомольцу, нельзя воевать, отчего он не может идти в разведку? А жена… Так она все поймет, она знает, что ему не с ней сидеть в войну, а воевать, потому даже в эвакуацию отказалась ехать, сказала, тут, возле мужа, буду и возле моря, у которого выросла, и муж где-то рядом станет воевать на море.

Коре добился, и его послали с группой в Финмаркен.

Братья отправились переводчиками, норвежский язык в семье знали, никто из норвежцев даже и не заподозрит, что они выросли не в Норвегии.

Братья Ойены — парни крепкие, обдутые морем и ветром, грудь шарфом не укрывают, привыкли держать ее нараспашку и летом и зимой. Успели пройти парашютную подготовку, прыгали на тренировках, готовились к дальним заброскам.

Тюнеру Бергу из Киберга надо было добраться до Вардё, город этот стоит на острове километрах в двенадцати-тринадцати северо-восточнее мыса Кибергнес, на высоком берегу которого прилепился поселок. На остров можно переправиться на рейсовом мотоботе, или напроситься попутчиком к кому-то из рыбаков, либо проехать по дороге до Свартнеса и там через пролив переплыть в Вардё. Но лучше всего воспользоваться какой-нибудь оказией из Киберга, чтобы не испытывать судьбу, лишний раз не попадаться на контрольные пункты и не предъявлять документы патрулям.

Тридцатого сентября вторая группа норвежцев пешком отправилась выполнять задание.

Братья Микельсены договорились с братом Ингвальда Хильмаром, что он тоже придет в лагерь группы. Кудрявцев и Ершов, хорошо знавшие Микельсенов, отнеслись к его замыслу одобрительно, тем более что Хильмар дал понять, что он может свести с руководителями Сопротивления в Финмаркене, у него есть связи с норвежскими коммунистами-подпольщиками.

1 октября Хильмар пришел в Киреянки. С ними говорили Кудрявцев, Ершов и его родичи.

У Хильмара имеется постоянный пропуск по ближайшим селениям и городам, документы подлинные сомнений никаких не вызывают, с ними можно ездить по побережью на автомашине, на автобусах, переходить из селения в селение морем на рейсовом катере. С Хильмаром договорились, что он поедет в Вадсё и Хибю. Если там все сложится удачно, побывает в поселках по реке Тана, вплоть до Тана фьорда, там посмотрит, осели ли немецкие гарнизоны, если есть, то какие части, чем занимаются.

Прикинули, что на эту поездку ему понадобится не менее двух недель.

Троих разведчиков Кудрявцев послал еще раз посмотреть окрестности, подобрать подходящие площадки, куда бы самолеты смогли сбросить тюки с продовольствием и имуществом.

В лагере в Киреянках появились двое местных жителей, назвались Рикардом и Ингольфом.

Рачивальд Микельсен, когда они с Ингвальдом ходили в

Комагвер и в Киберг, сказал им — своим давним друзьям, — откуда они, зачем прибыли и где их искать. Те не стали откладывать встречу на дальнее время и к вечеру следующего дня прошмыгнули в Киреянки.

Знали они немало. Связи у них обширные. Особенно был осведомлен Рикард, человек образованный, наблюдательный и памятливый. Сейчас работает учителем, а до захвата немцами Норвегии служил в Вадсё морским офицером.

От гостей разведчики узнали, что на горе Форсен, самой высокой точке мыса Киберг-Несет, немцы затеяли какое-то военное строительство. Раньше там был пост норвежской пограничной охраны, стояла небольшая пушка. Теперь туда возят цемент, стальные балки, железную арматуру, толстые металлические двери с большими ручками-запорами. Поставлена строгая охрана. Никого из местных жителей туда не пускают.

Посещение поселков, беседы с норвежцами помогали собирать разведданные. Теперь разведчики отчетливо представляли, что происходит в Норвегии. Немцы вывезли в Германию почти все запасы мяса, жиров, картофеля. Население питается в основном рыбой. Многих продуктов, указанных в карточках, вовсе нет. Промтоварные магазины работают нерегулярно. Уже полгода не продают обувь, мануфактуру, белье. Картофель появляется изредка. Цены на все резко вздорожали. Мешок картофеля, например, стоил 8 крон, теперь 46, треска подскочила в цене в три раза.

Ни керосина, ни другого горючего для ботов не дают. Рыбу ловить приходится на парусных судах и на шлюпках. Но от берега разрешается отходить не более чем на восемь километров, да и то только в светлое время.

Рикард сказал Кудрявцеву, что место для своего лагеря разведчики выбрали неудачное: тут покосы, заготовленное на зиму сено, места грибные и ягодные, люди сюда ходят часто. Да и дичь водится, охотников привлекает. Не стоит попадаться на глаза. Лучше подобрать другую, более укромную стоянку.

Согласились этот лагерь покинуть, перейти в места, менее доступные даже здешним людям.

Перебрались в долину реки Комаг-Эльв. Река эта одна из наиболее крупных на Варангере, впадает в море у Комагвера, а истоки уходят в глубь полуострова на север на долготу Вадсё.

Долго шли берегом, пока выбрали площадку. Остановились в Бьевнескаре, тут решили основать капитальную базу.

Разведчики принялись оборудовать жилье. А радисты мичман Михаил Баранов и краснофлотец Сергей Щетинин взобрались на высотку, растянули антенну и, поскольку наступил час сеанса

радиосвязи, отстучали донесение о том, что группа сменила место, объяснили, почему она это сделала.

Мичман Баранов — сверхсрочник, один из самых опытных радистов отряда. Ему приближается к тридцати. Служил на флоте давно, около десяти лет «отстукал» на Балтике, осел там постоянно, обзавелся семьей, родились дети. В 1940 году перевели его на Север, поехал без особой охоты. Вскоре началась финская война. На малых кораблях ползал у финских берегов, был в Петсамо, держал связь передовых дозоров с командованием флота.

За годы службы мастерски набил руку и оттренировал слух, стал не просто первоклассным, а ценнейшим специалистом. Летние походы по Мотовскому побережью, под Луостари добавили боевого опыта. Вот почему начальник отдела Визгин и предложил Баранову пойти в эту первую дальнюю операцию старшим радистом.

Начиная разговор, Визгин сразу оговорился, что дело это сугубо добровольное. Он вправе согласиться или отказаться, не примет предложение — его не осудят.

Мичман поблагодарил за доверие и сказал, что речи об отказе и быть не может, он пойдет, как только потребуется.

Тогда Визгин пригласил к себе Кудрявцева и познакомил его с Барановым. Они знали друг друга, виделись иногда в отделе, но совместно решать общие задачи никогда не приходилось.

Кудрявцев и Баранов занялись подготовкой плана радиообеспечения операции.

Помощником Баранову выделили молодого парня Сергея Щетинина. Сергей перед войной закончил третий курс радиотехнического отделения Мурманского морского техникума, успевал отлично, комсомольцы избрали его секретарем комитета, а на комсомольской конференции — членом райкома комсомола. В первый день войны он добровольно явился в военкомат, попросил послать его на флот, по возможности в разведку. На исходе первого месяца войны ему исполнилось девятнадцать лет. Баранов как опытный учитель хорошо натренировал Щетинина. Парень крепко привязался к своему наставнику.

Рация действовала безупречно. В итоговом докладе о походе группы на Варангер было сказано: «…за это время связь работала исключительно четко и бесперебойно».

2 октября Рикард пошел в Вардё, а Ингольф отправился в Вадсё, чтобы начать завязывать связи с нужными людьми, посмотреть, как там живется и что делается, проведать старых друзей. Ингольф брался выйти на связь с руководителями Сопротивления в провинции и кого-нибудь из них привести для

встречи с разведчиками.

Ходившие в те дни в Киберг братья Ойены и в Вардё Попер Берг должны были возвратиться на базу у Киреянок, как было условлено при расставании, пятого. Но они не знали, что разведчики сменили стоянку, обосновались на новой базе. Встретить братьев на прежней точке пошли Кудрявцев, Ершов и Рачивальд Микельсен.

В Киреянках разведчики нежданно для себя застали двух жителей прибрежного поселка. Рачивальд знал их давно, но встреча с ними его не обрадовала. Он и раньше не питал к этим людям особого доверия, а теперь, когда они пришли встретить разведчиков, чужие были помехой.

Пришлось делать приветливую мину, даже изображать радость и разговаривать. Таиться, выдавать себя за случайных прохожих не имело смысла. Пришельцы видели, что с Рачивальдом не их земляки, а русские, они знали, что Рачивальд и еще трое Микельсенов уже больше года как ушли в Россию.

Рачивальд спросил, зачем они тут оказались в такое позднее время, когда и для сеностава и для сбора грибов и ягод пора давно прошла. Те ответили, что ходили в тундру в надежде поживиться олениной или отловить еще чего-нибудь из живности на пропитание.

Рачивальд не мог напрямую сказать Кудрявцеву и Ершову, что с этими людьми говорить надо осторожно.

И он повел обыденный житейский разговор, спрашивал о домашних пустяках и мелочах, надеясь, что командир и политрук смекнут, почему о настоящем деле он с ними не говорит, а уводит беседу в сторону. Он расспрашивал о житье-бытье в поселках, о здоровье знакомых, о ловле рыбы, о плаванье в море, об отоваривании карточек. Рачивальд, не сказав Кудрявцеву и Ершову ни одного худого слова о гостях сумел все же насторожить их.

Ершов попросил Рачивальда, чтобы гости назвали себя. Рачивальд сказал своим землякам, чем интересуется его товарищ. Те назвались: один Беньямином Хегалой, второй Альфредом Мачисеном.

Кудрявцев и Ершов спросили, что они знают о немцах: где и какие стоят гарнизоны, как патрулируется побережье и морем и по суше, какие требуются разрешения, чтобы съездить в какой-нибудь город или поселок и кто такой пропуск дает. Хегала и Мачисен отвечали на большинство вопросов правдиво, их ответы совпадали с тем, что знали разведчики еще до выхода в операцию и что принесли накануне из Киберга и Комагвера. Только когда их спросили о немецких гарнизонах, они стали что-то мямлить,

уверять, что ничего не знают, немцы ни к чему их не подпускают. Чувствовалось, что на эту рискованную тему они говорить не хотят.

Командир группы спросил, не могли бы они сходить в некоторые селения, например в Нюхавну или Смелрорен. Кудрявцев сознательно назвал селения, которые разведчики посещать не собирались. В крохотной Нюхавне наверняка ничего не могло быть, даже подвижного поста, а о Смелрорене разведчики уже знали — там есть контрольный пункт и переправа между островом и материком. Если соврут «гости», то проверить их будет не трудно.

Хегала и Мачисен с готовностью согласились выполнить поручение.

Когда они ушли, Рачивальд сказал, что людям этим доверять нельзя, их надо остерегаться, вполне возможно, что их подослали немцы. Кудрявцев понимал это, но ему надо было избавиться от них до прихода разведчиков.

К счастью, ходившие в Киберг и Вардё братья Ойены и Берг возвратились на прежнюю базу, когда след Хегалы и Мачисена простыл. Выслушав их, командир и политрук спросили, не попались ли им по пути недавние гости, не слышали ли они об этих людях что-нибудь в поселках. Хокон Ойен ответил, что раньше он видел Мачисена, в Киберге, тот поглядел на него испытующим взглядом как на человека нового и нездешнего. Но они словом не обмолвились и друг к другу не подходили.

Разведчики ушли на новую базу группы.

Продовольствие кончалось, надо было искать по тундре добычу. Как-то наткнулись на большое стадо оленей. Пастухов при стаде не было. На вожаке стада звенел колокольчик. Норвежцы сказали, что стадо хозяйское, принадлежит кому-нибудь из саами или лопарей. Но выбора у разведчиков не было: подстрелили трех быков. Одного сразу же освежевали, мясо и бульон оказались отменными.

Двух оленей закопали в снег, чтобы унести потом на базу. В некоторых северных низинах за сопками снег лежал постоянно, даже в самое теплое лето не вытаивал.

С Рикардом и Ингольфом было условлено, что они попробуют устроить свидание с представителем Сопротивления в Финмаркене. Договорились провести его возле первой базы, в Киреянках. Кудрявцев, Ершов и пятеро разведчиков вышли туда пораньше, чтобы заблаговременно осмотреться и встретить посланца антифашистского подполья.

В домик и к своим шалашам не пошли, поостереглись. Залегли в кустарнике, замаскировались.

Хокон укрылся палаткой и залег метрах в двухстах от остальной группы, на высотке, возле нее пролегала натоптанная тропинка.

Глава VI

В полночь на 6 октября «малый охотник» высадил шестерку разведчиков во главе с младшим лейтенантом Яковлевым на привычном месте невдалеке от Могильного.

Прошли километра три от берега, на плоской высоте с кустарничком улеглись спать.

Утром Яковлев поделил группу на две части.

— Всем вместе идти к устью Титовки не стоит. Втроем или вчетвером, поглядим. Пусть двое идут к Могильному, оттуда посмотрят вход в Титовскую губу и левый берег.

— Тебе, Вадим, — продолжал Яковлев, обращаясь к Дарагану, — с Головиным идти к Могильному. Ты те места уже знаешь. Даю тебе новичка. Он хоть и из института, да в разведке первый раз. Покажи новое дело да береги его.

— Товарищ младший лейтенант, а что нам делать у Могильного? Немцы в устье Титовской губы не ходят, а по левому берегу добираются к Мустатунтури поодаль, их и не видно.

— Ты, Вадим, оперируешь устаревшими данными. Откуда мы знаем, что там случилось в последнее время.

Яковлев определил, что с ним пойдет основная группа. Направятся они к селению, где были тылы дивизии и где в прошлый раз стояло много машин. Яковлев предложил Радышевцеву опекать новичка Флоринского.

Сверили по карте маршруты, обговорили место встречи.

Дараган с Головиным пошли на запад, к устью Титовской губы.

Андрей Головин в отряде всего две недели. Фрол Николаев привез из Ленинграда шестерку лыжников, недавних выпускников институтов. Ехали они с большими приключениями: как раз в день выезда немцы заняли Мгу, перерезали последнюю железнодорожную магистраль. Добирались пароходом по Ладоге, по каналам, товарными поездами, только через семь суток появились в Мурманске.

Головин только что закончил инженерно-строительный институт, он альпинист и мастер-горнолыжник. У Вадима образование небольшое, человек он мастеровой, рабочий, зато в разведке бывал не раз, исходил уже не одну сотню километров.

Вышли на Могильный. На мысу — старая рыбацкая изба, возле нее сарай. Заглянули туда и сюда, все нежилое. Видно, давно люди сюда не наведывались. Обошли весь западный берег Могильного, губу Кислую, понаблюдали за островами Титовским и Лисьим. Нигде людей не заметили.

Время, предусмотренное заданием, истекло. Повернули обратно к месту высадки.

Яковлев со своими спутниками пошли к берегу Титовской губы чуть южнее, ближе к поселку, в те места, где ходили в прошлые маршруты.

Командир группы в дозор послал Радышевцева и новичка Флоринского. Алексею не пришлось почти ничего объяснять ему — все схватывал на лету, шел осторожно, прислушивался, повторял все, что делал Радышевцев, вопросов не задавал. Парень был колоритный: сажень в плечах, крупная выбритая до синевы голова, насупленные лохматые брови, хмуроватое лицо. В его руках винтовка даже с примкнутым штыком кажется маленькой.

Сперва понаблюдали за островом Овечьим, но там ничего примечательного не обнаружили. Повернули бинокли на островок Титовский. На нем еще с мирных времен стояла запорная станция, она сохранилась в исправности. У берега возле нее приткнулся наплавной причал-понтон. К нему от домика запорной станции прошло двое немцев, за ними еще четверо, потом еще несколько по одному и по двое. Сели в шлюпку и на веслах пошли к материку. Пристали в устье ручья, шлюпку подтянули на сушу, а сами двинулись куда-то по руслу. Через какое-то время оттуда донеслись взрывы, поднялись клубы дыма и копоти. Похоже, там взрывали скальные породы.

В бинокли посмотрели на дорогу из Титовки к Западной Лице. Там сновали автомашины, мотоциклы, ездили верховые.

Стрелка часов склонилась к вечеру, стемнело, наблюдать уже было нельзя. Ни судов, ни катеров, ни барж в Титовской губе не оказалось.

Двинулись назад к берегу Мотовского залива, встретились с Дараганом и Головиным. Те сказали, что видели на торфяниках отчетливые следы егерских ботинок и лошадиных подков. Выходит, егеря ходят и ездят по тропкам к Пикшуеву. Спокойно вышли к месту, где их должен был взять катер.

Около одиннадцати вечера примерно в полукабельтове от берега задрейфовал «малый охотник». Накатная волна разгулялась баллов до шести. В мирное время при такой погоде эти катера в море не выпускали. А тут боевая задача, хочешь не хочешь, а надо снимать разведчиков.

Ночь светлая, лунная. Только однажды принесло небольшой снежный заряд.

С борта спустили катерную шлюпку-тузик и резиновую надувную. Гребец на тузике пошел к берегу, на буксире тянул резиновую шлюпку. Пристал удачно, шлюпки подкинуло волной, выбросило на берег. Переправщиком на шлюпках пришел за

друзьями Юра Михеев.

Столкнули шлюпки на воду, в тузик сели Кашутин, Радышевцев и Головин, за весла взялся Михеев. На резиновой отошли Яковлев, Флоринский и Дараган.

Примерно на полпути до катера волна несколько раз накрыла шлюпку, залила ее до бортов, потом накренила так, что пассажиры вывалились в воду, а шлюпка перевернулась вверх килем.

Ухватившись за борта, стали грести руками к резиновой шлюпке.

Рюкзаки намокли, тянули книзу.

— Андрей, я никак не отстегну лямку у рюкзака, помоги…

Головин в воде нащупал крючок, отцепил его, Радышевцев стащил рюкзак, кинул его на днище шлюпки. Головин тоже избавился от своего рюкзака.

Резиновая шлюпка была ближе, чем катер и берег, плыли к ней.

— Не подходите к нам, — кричал Яковлев, — опрокинете и нас. Гребите к катеру.

— Сами не доплывем, буксируйте, — отвечал Радышевцев.

Все приблизились к резиновой, ухватились за трос, опоясавший шлюпку через заушины. Волна раскачивала и их и шлюпку. Флоринский протянул Головину винтовку, тот ухватился за нее.

— Не дергайте, держитесь ровнее, а то и нам капут…

Пока пловцы барахтались возле шлюпки, волной откинуло и унесло весло. Яковлев греб одним, шлюпка крутилась на месте. Он вытащил его из уключины и стал попеременно грести то с одного, то с другого борта.

Наконец, добрались до катера. Плавающим в воде бросили спасательный конец. Первым ухватился Кашутин, его подвели к другому борту, там была меньше волна, и вытащили на палубу.

Потом поймал конец Радышевцев, стали поднимать на борт и его.

— Стой, нас опрокинете… — крикнули со шлюпки.

Подсумки Радышевцева зацепились за опоясывающий трос шлюпки, один борт ее поднялся, она накренилась, вот-вот перевернется. Алексей отпустил спасательный конец, нырнул, освободился от захватившей его веревки, снова вынырнул. Ему подали с катера отпорный крюк, он вцепился в него, как потом сам говорил, мертвой хваткой, оторвать можно было только с руками. Его вытянули на катер.

Выловили из воды Головина и Михеева. Потом подняли пассажиров резиновой шлюпки.

Катер врубил моторы на винты и дал полный ход.

Купальщиков на руках спустили в кубрик, сами они идти не могли, ноги и руки свело судорогами, у них не попадал зуб на зуб: вода-то всего четыре градуса. Раздели, растерли спиртом, натянули сухие тельняшки, робы, укутали одеялами.

— И вовнутрь спиртику дайте, кишки погреть, — попросил Кашутин, постукивая зубами.

Подали каждому по полстакана. Ребята прогрелись, уснули.

…Визгин докладывал командующему суточную сводку. Рассказал о походе группы к Титовке.

— Как чувствуют себя «нептуны», не заболели?

— Все нормально. Пошли на тренировки. Не чихают.

— Ты сегодняшнюю нашу газету читал?

— Так точно.

— Это твой майор Л. беседовал с корреспондентом о вашей недавней операции?

— Да, майор Люден.

— Почему не назвался своей фамилией?

— Я его спрашивал. Отвечает, из соображений конспирации.

— Если уж не хотел себя обнародовать, пусть бы корреспондент писал все от себя или от моряков, что ходили. А то загадки какие-то, газета не для того, чтобы так темнить. Я читал его доклад о той высадке. Он в поселок не спускался, сидел на сопке и наблюдал сверху, действиями фактически не управлял. А по статье в газете выходит, что он в бою участвовал.

— Говорит, что советовался в политуправлении…

— Там не знают всех деталей операции. Предупреди, чтобы больше Люден интервью не давал. Тем более это не его боевые успехи. А я скажу редактору, чтобы о разведке без твоего ведома не писали. Рядовые разведчики сходили в дело, в море наполоскались, а помалкивают, вроде ничего особенного и не совершили. Вот их и надо расспрашивать.

Сняв трубку прямого телефона, Головко связался с членом Военного совета Николаевым.

— Александр Андреевич! Люди Визгина в последнее время хорошо понаблюдали за Титовкой. Я теперь вполне уверен, что ни осенью, ни зимой немцы десантов оттуда не предпримут. Надо поощрить их от имени Военного совета. Отдай, пожалуйста, распоряжение, чтобы заготовили приказ о благодарности.

И, уже обращаясь к Визгину, сказал:

— Приказ объявите всему отряду.

Головко пригласил к себе начальника штаба флота и начальника оперативного отдела.

— Начальник разведотдела сейчас доложит обобщенные

материалы по району Титовки. Послушаем, посоветуемся.

Визгин начал с сообщения общего порядка.

— На наше направление прибыла из Греции 6-я горно-егерская дивизия. 3-я дивизия отводится во второй эшелон. Отдельный пехотный полк, пулеметный и саперный батальоны, тяжелый артиллерийский дивизион теперь переподчинены 6-й дивизии.

Визгин с указкой подошел к карте.

— Вот здесь, — он показал на юго-западные скаты высоты несколько в сторону Мотовского залива и Пикшуева, — абсолютно достоверно обнаружена четырехорудийная батарея. Калибр определен артразведкой. Немцы ее старательно маскируют, укрывают сетями, стреляют очень редко и делают всего по нескольку выстрелов. А вот здесь, — указка уткнулась в точку, расположенную в нескольких сотнях метров от подлинной батареи, — раскрыта ложная батарея. Других артиллерийских сил там нет, нет и минометов.

— А каковы средства ближнего боя у береговой полосы возле этого участка? — спросил командующий.

— Ни дотов, ни огневых точек, ни опорных пунктов не воздвигнуто.

— Значит, немцы не ожидают наших десантов на этом участке, не готовятся к ним?

— Можно полагать, что именно так. Противник убежден, что нам теперь не до десантов. Поэтому не держит здесь даже постоянных наблюдательных постов. Но возможность прорыва наших кораблей в губу Титовку они не исключают, поэтому выставили посты на острове Титовском и на западном берегу губы.

— Гарнизон противника в Титовке, — продолжал Визгин, — невелик. Там квартирует 67-й самокатный батальон 2-й горной дивизии. Наблюдение и расчеты показывают, что немцы могут подбросить сюда из Кутовой одну роту, не более чем через час она окажется в Титовке. С фронта у Западной Лицы они снимут и переправят на машинах две-три роты. На это затратят часа четыре. Из Петсамо могут подкинуть батальон. Это подкрепление окажется здесь через четыре-пять часов. Таким образом, за пять часов в Титовке может быть собрано до полка.

Начальник оперативного отдела штаба, слушая сообщение Визгина, высказал соображение, что наш десант за это время смог бы полностью развернуться, занять выгодные рубежи, получить пополнение и питание морем.

Начальник штаба флота Кучеров добавил, что если предпринимать десантную операцию, то полком не обойдешься,

надо иметь сил вдвое больше, а также солидное артиллерийское прикрытие и с кораблей, и с Рыбачьего. Как только противник почувствует, что десант высажен с целью отрезать его войска у Лицы и изолировать Лицу от Петсамо, он предпримет решительный контрудар, перебросит войска из Норвегии, кинет сюда авиацию. Флотский десант можно высаживать только при активной помощи стрелковых подразделений. В противном случае возможен провал десантной операции.

Командующий флотом быстро прекратил дискуссию о десанте.

— Сейчас не может быть и речи о крупной десантной операции. Данные разведки говорят о том, что немцы не собираются наступать. А это очень важно. Не зря говорят: баба — с возу, кобыле легче. Выходит, что на сегодняшний день руки у нас свободны, но почивать на лаврах ни в коем случае нельзя. Надо и впредь высаживать разведывательные группы, совершать набеги, устраивать диверсии.

Визгин получил указание внимание к Титовке не ослаблять. И в то же время следить за тем, что творится в районе Петсамо.

Глава VII

В кабинете Визгина собрались его заместитель подполковник Добротин, батальонный комиссар Орлов, капитан-лейтенант Кондрашков, майор Люден. У многих свежие нашивки на рукавах, свидетельствующие о недавнем повышении в званиях.

Настроение у людей приподнятое. Не надо объяснять, что получение воинского звания — дело не обыденное, каждый его ждет, особенно радуется, если присваивают его досрочно. Это — признание успеха по службе. За первые три с половиной месяца войны это было первое крупное поощрение работников отдела.

Визгин напомнил, что на Варангер заброшен отряд Кудрявцева, и спросил:

— Какова готовность других групп для высадок с моря?

— Две группы готовы, товарищ капитан второго ранга. Тренировки закончены, всем необходимым обеспечены. Одну группу готовил Веселков, — ответил Люден.

— Как он себя чувствует? — спросил Визгин.

— Вполне благополучно, в строю, работоспособен.

Вопрос о Веселкове начальник отдела задал не случайно.

Перед войной Иван Михайлович Веселков возглавлял небольшую группу разведчиков в Петсамо и Лиинахамари. На их глазах происходило развертывание финнов по мобилизации, они видели военные приготовления. Как только Финляндия вступила в войну на стороне Германии и горнострелковые войска пошли к советской границе, всех интернированных отправили в сторону шведской границы.

Провезли их через ряд европейских стран, через Балканы в Турцию. И только оттуда уже вернули на Родину.

Высадим эту группу, — докладывал Люден, — с торпедного катера в Саг-фьорде. Разведчики углубятся на материк, обойдут Яр-фьорд, затем прокрадутся по правому берегу Бек-фьорда и вот из этой точки севернее Мильсхейма будут наблюдать за Киркенесом и Бек-фьордом. На обратном пути хотим им поручить взорвать мост.

— Зачем? Что вас все тянет стрелять, взрывать?

В вопросе Визгина, обращенном к Людену, чувствовалось раздражение.

— Я уже не раз вам говорил, что бойцы должны скрытно разведать и так же скрытно возвращаться.

— Теперь доложите о второй группе, — обратился начальник отдела к Добротину.

— Группу готовил политрук Зязин. Командует ею норвежец

Нистрем. Вы его знаете, он уже ходил в дальние маршруты. Мы хотим высадить их тоже с торпедного катера. Они возьмут под надзор вход в залив Петсамо. Разведчики задание усвоили хорошо. С катерами все отработано.

Визгин приказал на Рыбачий переместить Догадкина с его подрывниками.

Вечером вице-адмирал Головко дал «добро» на заброску этих групп, поставил на планах свою подпись. Визгину сказал, чтобы катера прошли в Пумманки, а разведчиков доставят по Мотовскому заливу в Озерко, оттуда перевезут в Пумманки на машинах.

Веселков, Зязин и Догадкин со своими людьми вышли на мотоботе «Север» из Полярного и ночью 19 октября ошвартовались в Озерко. Командир погранотряда майор Каленников дал два грузовика, на них доехали к месту стоянки катеров.

Неожиданно из отдела поступила радиограмма: одну группу, которая должна осесть ближе к Киркенесу, высадить, вторую задержать.

Вечером 19 октября на торпедном катере вышли в море. Командовал катером лейтенант Александр Осипович Шабалин. В те дни это был уже известный на Северном флоте катерник. Он раньше всех своих коллег открыл счет потопленным вражеским кораблям и судам. И первым же среди командиров катеров еще в августе был удостоен ордена Ленина.

С этого похода судьба накрепко связала Александра Осиповича и разведчиков. Много раз он ходил с ними к берегам Мотовки и Варангера. Это боевое содружество переросло потом в дружбу и на послевоенные десятилетия.

Как только позади осталась губа Пумманки и открылась ширь Варангера, шторм так стал трепать катер, что он почти не продвигался вперед, волна окатывала кораблик от носа до кормы, из воды временами торчала только рубка.

Шабалин держал катер наперерез волне, и она то вскидывала его вверх, на свой гребень, то бросала в пропасть. В такие мгновения винты, не задевая воду, бешено крутились, разрезая воздух как пропеллеры.

На мостике стояли Шабалин, рулевой и Веселков. Их окатывало водой, лишь плотные кожаные шлемы с широкими наплечниками укрывали голову, шею и плечи. Вода скатывалась по ледериновому пластырю над турелью на верхнюю палубу, а там ее подхватывало новой волной.

Все люки задраены, иллюминаторы укрыты броняшками, винты их затянуты натуго. Бились со штормовыми волнами чуть

более получаса, вперед не двигались. Того и гляди если и не утопит, то растреплет катер основательно, да и горючего на обратный путь не хватит. Команду и разведчиков болтанка вымотала до изнеможения. Пришлось вернуться обратно в Пумманки.

На следующий день база приказала высадить обе группы.

Снова вышли в море, на этот раз двумя катерами, но разведчики поменялись местами: на катере Шабалина шла группа Зязина, а Веселков — на катере Моля. Догадкина и его товарищей пока оставили в базе.

Шторм не утих, ходили длинные волны, гребешки их завихрялись белой пеной и брызгами. Водой, как и вчера, заливало стоящих за козырьком на мостике. Регланы промокли насквозь. Сырость чувствовалась даже под кителями. У Веселкова наручные часы окатило водой, они остановились. Командир катера отдал ему свои карманные.

Сперва шли параллельно друг другу, резали волну одновременно. Вздыбленная вода била то в одну, то в другую скулу, трясла катера как в лихорадке. С катера Шабалина просемафорили Молю, чтобы тот отстал и шел в кильватере. Но и позади идти оказалось не легче, передний катер не гасил волну, ведомый все равно то зарывался носом, то окатывался водой от форштевня до кормы. Плавание оказалось ничуть не легче, чем вчера. Снова вернулись к причалам.

Двадцатого октября море успокоилось, волны улеглись, только «мертвая» зыбь еще раскачивала воду. Над морем и в небе повисла молочно-белесоватая мгла. Трижды выходили по курсу, крутились по часу — по полтора, ползали на ощупь, видимость хуже, чем ночью или в сумерках. По расчету, подходили близко к цели, но определить точное место не удавалось. К невидимому берегу приближаться не рискнули: катера могли сесть на камни или разбиться о скалы. Снова повернули назад на Рыбачий.

22 октября туман несколько рассеялся, горизонт просматривался дальше. Решили еще раз попытать удачу. Прошли восточный Варангер, позади остался Петсамовуоно.

О берег билась накатная волна, она взлетала на камни, на утесы, вырывалась вверх, откатывалась назад и снова в ярости билась о камни. Вздыбленное штормом море никак не могло успокоиться после многодневной болтанки. Подойти к берегу нельзя: катера разнесло бы в щепки, а шлюпку не спустишь. Норвежцы говорили командирам катеров, что в тех местах есть подводные скалы, они их обнаружили, когда сетями тут ловили рыбу.

Походили вдоль и поперек, покрутились, посокрушались и

опять взяли обратный курс.

Ночью видимость ухудшилась, один за другим налетали снежные заряды, шли как в тумане, вслепую, потеряли ориентировку. Только на следующее утро, когда рассвело, опознали берега губы Вайда-Лахти: в пургу прошли значительно севернее Пумманки. Пришлось добираться в Цып-Наволоки, там ожидать погоды. А море упорно не пропускало катера через Варангер. Выбились из сил экипажи, изнемогали разведчики. Ожидание изматывало.

Наконец из штаба флота пришла радиограмма: выполнение задания отложить до более благоприятной ситуации. Так и не решив задачу, пришлось идти обратно в Полярное.

Командующий приказал начальнику разведотдела готовить высадку с подводных лодок.

Погода сыграла злую шутку.

Окажись в те дни разведчики возле Петсамо, понаблюдай за тем, что там происходило, у флотского и армейского командования оказались бы бесценные сведения. Они могли повлиять коренным образом на изменение всей обстановки на Мурманском направлении.

Советские самолеты бомбили мост через, Петсамо-Йоки возле Парккино. В мост не попали, но последствия бомбардировки оказались куда более страшными, чем если бы мост обрушился в реку.

Бомбы легли выше и ниже моста довольно кучно, сделали множество воронок поблизости одна от другой.

И многометровые наносные илистые породы не выдержали напора, поползли. Один участок потянул за собой другой, за ним двинулся третий… И глинистая масса на протяжении без малого полутора километров самоходом поехала в реку. Земляная лавина с восточного берега подняла громадную волну, она разрушила левый берег. Телеграфные столбы с проводами свалились в реку.

Этим же ударом снесло и мост, его обломки оказались у впадения реки в залив Петсамо.

Вместо моста чуть южнее его образовалась искусственная земляная плотина, а выше по течению — громадное озеро. Вода его сливалась через рожденную стихией дамбу.

Движение всякого транспорта через реку Петсамо-Йоки прекратилось. Фашистскую группировку у Лицы, возле перешейка на полуострова и у Титовки, то есть почти весь корпус, отрезали от тылов.

Немцы на Мурманском направлении оказались в критическом положении. Был уже выработан план отвода войск от Лицы и Мустатунтури в южную Лапландию, в район Киркенеса

— Сванвика — Луостари.

Вскоре ударили заморозки, начались снежные бури. От истощения погибло почти полторы тысячи лошадей и много греческих мулов…

Десять дней саперы работали круглосуточно, возводили новый мост, никто им не мешал. Даже самолеты не бомбили.

Но обо всем этом в наших штабах ничего не знали: разведчиков поблизости не было.

Глава VIII

Хокон лежал в дозоре. Кудрявцев и Ершов — в укрытии. Немцы шли по тропинке к Киреянкам в открытую, почти не прячась.

Чтобы предупредить своих, Хокон, прицелившись в егеря в середине цепочки, выстрелил. Солдат схватился за живот и упал, двое закопошились возле него. Остальные рассыпались по скату высоты, побежали к домикам и шалашам в долине, стараясь оцепить строения с двух сторон. Дозорный, пока немцы переваливали гребень, кинулся к своим.

Кудрявцев приказал отходить. Перебежками один за другим бросились в гору, чтобы успеть скрыться за вершину.

Немцы видели уже всю группу. Они затарахтели им вслед из автоматов и карабинов. Разведчики приостанавливались, чтобы огрызнуться огнем, торопились укрыться за спасительный гребень.

Хокон догонял своих, оставалось меньше сотни метров. Пуля угодила ему в ногу. Он упал, пробовал подняться, но не смог ступить и шагу. Его брат Коре и Ершов вернулись, попытались подхватить раненого под руки и вести, но идти Хокон не мог.

Преследователи приближались, стреляя на ходу.

Хокон сказал Ойену:

— Уходите, меня не вынести. Всех накроют. Я задержу их сколько смогу…

Ойен обнял брата, и они с Ершовым кинулись догонять отошедших на другую сторону сопки.

Хокон лежал на краю неширокой седловины между двумя вершинами высотки и едва успевал менять обоймы. Патроны, что были в подсумках, кончились, бросил две гранаты.

Четырех карателей успел подстрелить, остальные подкрались почти вплотную, кричали, чтоб сдавался. Хокон подставил ствол к подбородку и нажал на курок…

Группа оторвалась, достигла извилин горных проходов. Совсем стемнело. Немцы в ночную черноту в сопки не полезли.

Через день из берегового поселка к разведчикам пришел связной. Он принес известия о карателях. Остатки вражеского отряда вернулись в Комагвер. В стычке с разведчиками они потеряли шестерых: первого убил дозорный, второго Ершов, когда задержался возле Хокона, и еще четверых уложил Хокон. Всех своих погибших и Хокона немцы доставили в поселок. Жители поселка жалеют парня и в то же время с гордостью говорят: «Комагвер дал бошам бой».

От связного узнали и другую тягостную весть: на встречу с разведчиками шел один из самых опытных руководителем Сопротивления на Варангере Альфред Мачисен. В пути он почуял опасность и повернул назад. Но скрыться не успел, немцы его арестовали. Двое братьев Альфреда вскоре пойдут в разведку по родной земле, занятой немцами, переправившись через море с советского берега. Третий — Туральф — ждет своего часа в родном Киберге.

Навел немцев на базу отряда Беньямин Хегала, за два дня до того прокравшийся под видом случайного охотника за оленями или дичью.

— Я не случайно уговаривал вас уйти из Киреянок, — сказал Кудрявцеву и Ершову Рикард, — не только потому, что там часто ходят люди.

— А что еще за причина? — спросил Ершов.

— В народе об этом месте говорят, что оно будто приносит несчастья.

— В приметы мы не верим — отмахнулся Кудрявцев.

— Какое же дурное имя у этого места? — допытывался Ершов.

— Место это в народе зовут болотом ругани, — ответил Рикард.

— Почему? — заинтересовался и Кудрявцев.

— Говорят, еще в том веке пришли сюда два финна. Очень тут им понравилось: ягод всяких, особенно морошки, полным-полно. И грибов вдоволь. И объявили по округе, что это болото стало теперь их вотчиной, пригрозились никого не пускать. Каждый тянул себе кусок побольше, никак не могли поделить. Сперва ругались, ссорились, потом стали драться. Когда же основательно измутузили друг друга, все же по болоту провели черту-границу. С тех пор и зовут Киреянками. Название — финское, не наше… Звучит непривычно.

Покинули базу на «Проклятом болоте», но бывать здесь еще пришлось: не все связные знали о новом лагере, поэтому приходилось их встречать.

Рикард и Ингольф после стычки у Киреянок вернуться в поселок не могли. И не только потому, что их видел у разведчиков Хегала. Соседи знали, что они ушли будто бы на охоту в эти места. В Киреянках Рикард стрелял по немцам из автомата. Его могли приметить.

Волей-неволей им пришлось оставаться в отряде.

Рикард убедил командира и политрука, что и в Бьевнескаре для них теперь небезопасно, каратели могут погнаться за ними и сюда.

Решили уйти еще дальше в горы, почти в центр полуострова. На карте Рикард показал хребет Щипщёлен.

Надо на зиму уходить сюда. Там нас не найдут.

— Где будем жить?

— Есть охотничьи избушки. И пристанища оленеводов. Да и сами кое-что сможем сделать.

— Где продукты достанем?

— Нам у поселков не прокормиться. Все живут только по карточкам. А забрасывать с самолета подальше от берега да от селений еще лучше, глаз меньше.

Пошли обследовать Щипщёлен — самую крышу Варангера, на ней ни кустика, ни травинки, голым-голо, только гранит да камни-валуны, изредка где мелькнет в расщелинке заросль ягеля. Снег тут ложится раньше всего, здесь всегда дуют ветры. Саами зовут это место Бельяй-черро: место, где ничего не растет.

В пургу брели по снегу, метр за метром подымаясь по крутым скатам Щипщёлена. Буран мгновенно заметал их следы. Все выбились из сил. Засыпали на ходу. То командир, то политрук, а чаще Рикард и его тезка, но по фамилии Юхансен, да Баранов прикрикивали на плетущихся, одергивали их, чтобы, задремав, не свалились с горы в ущелье.

Наконец отыскали охотничью избушку. В ней была печка, кто-то заботливый оставил дров. Растопили чугунку, сразу повеяло теплом. Двое завалились на нары и мгновенно уснули. Остальным можно было только сидеть на полу, плотно прижавшись друг к другу. Всех сморил сон.

Погода резко повернула на зиму. Из Арктики потянул леденящий северо-восточный ветер. Он притащил с собой такой обильный снег, что даже неба не было видно. В сопках завыло и запуржило. За сутки намело снегу выше чем по колено.

Разведчики пришли без зимней одежды, без спальных мешков. Продукты, что взяли с собой в поход, кончились, доедали остатки оленя, смерзшееся мясо строгали ломтиками, жевали строганину, челюсти сводило от озноба. Со дна рюкзаков выскребали крошки отсыревших заплесневелых сухарей. В ранцах, чтобы не гремели при ходьбе, остались лишь обернутые портянками патроны, гранаты…

Радисты в каждый сеанс связи просили базу забросить самолетом продукты. Оттуда отвечали, что, как только выдастся погода, летчики все нужное им забросят.

Наконец база сообщила, что самолет с грузом вылетает, им предложено проследить за выброской.

Глаз не сводили с неба: вот показались две точки, они приближались, росли. Уже совсем собрались подать сигнал, да в

последнее мгновение рука с ракетницей остановилась: по силуэтам опознали «юнкерсы». Мигом зарылись в снег.

Как только вражеские самолеты скрылись, снова стали следить за небом. Вскоре разглядели еще самолет, опять шел к ним. Опознали — наш! Но он прошел в стороне, сигналов не заметил и вывалил груз километрах в пяти. Видели, как тюки отделились от фюзеляжа.

Два дня ходили по округе, искали, но никаких следов. Груз, видимо, попал в рыхлый снег. Снегом все припорошило.

Радиограммы о том, что разведчики голодают и мерзнут, на базе кое-кто читал с раздражением: сидят, мол, ждут манны с неба. Не мешало бы порыскать по округе, самим добыть пропитание.

Однако более здравомыслящие понимали, что оставлять разведчиков в таком положении дальше нельзя, поскольку немцы знают о них. Высаживать основную часть отряда нет смысла. Доложили командованию на ФКП[1]. Было приказано группу снять и на этом операцию прекратить.

Радисты приняли радиограмму: выходить к Лангбюнесу и там ждать подводную лодку.

Кудрявцев и Ершов повели людей к берегу. По пути заглянули на вторую базу, в Бьевнескаре. Там сохранились запасы дров и угля, развели огонь, скипятили воды, подкрепились, помылись, подсушили одежду и обувь. На душе стало уютнее, теплее, сил прибавилось.

До Лангбюнеса надо было пройти тридцать пять километров по заснеженным горам, долинам ручьев и речек. Сапоги, брюки постепенно намокали, холод пробивался сквозь одежду и обувь. Каждый шаг давался с неимоверным трудом.

Что-то надо было предпринимать. По пути наткнулись на заброшенный дом. Часть наружной обшивки домика отодрали, из досок смастерили нечто вроде снегоступов, на лыжи эти самоделки чуть смахивали, но не скользили и не катились. Ремнями от рюкзаков привязали их к сапогам. Шагать стало легче, а с небольших горок стали даже и скатываться.

Дошли до Киреянок, до первой базы. Откопали зарытого в снегу оленя. Поели, ожили и взбодрились.

В сумерки 18 октября вышли на мыс Лангбюнес, туда же, куда за три недели до этого высадились с подводной лодки.

Долго всматривались в море. Никаких силуэтов, ни малейших признаков корабля.

Подумали, что вместо торпедных катеров, о которых сообщалось в последней радиограмме, могла подойти подводная лодка, а она на воде менее заметна. Полагалось подать

условленные сигналы. Батареи в фонарях сели, лампочки не давали света.

Пошли в стоящий невдалеке одинокий рыбацкий дом. Никто в нем не жил, он, видимо, служил пристанищем рыбакам во время путины. Возле домика лежали на обсушке несколько шлюпок, невдалеке от обращенных к западу окон сложены грудами мелкие и средней величины камни-валуны, несколько крупных камней лежали чуть особняком, похоже, из них собирались выложить вокруг домика изгородь. Такие каменные ограждения встречаются и в Финляндии, и в Норвегии. Между шоссе и домиком стояло до десятка копен сена, крайние ближе к морю, а остальные, изгибаясь полукругом, уходили в сторону шоссе.

В одной из комнат лежали на полках стопки газет и журналов. Взяли несколько пачек, принесли к берегу, укрылись в камнях и стали жечь бумагу, надеясь огнем привлечь внимание лодки или катера. Прождали до утра, но ни лодка, ни катер не появились. Приближался рассвет, небо на востоке чуть-чуть посеребрилось.

Днем оставаться на берегу было бессмысленно и рискованно. Пошли в пустовавший домик, чтобы в нем отсидеться до вечерних сумерек.

Возле домика разглядели поленницу дров, растопили печку, скипятили воду в большом котле. Хозяева оставили с килограмм сахару, получился божественный напиток.

Который раз принялись обсуждать, что делать, если лодка или катер не смогут подойти к Лангбюнесу. Как выбираться самим? Остановились на том, что четверо разведчиков-норвежцев сходят в селения по побережью, постараются добыть продукты, а может быть, кто-нибудь продаст бот, на нем можно дойти через Варангер на Рыбачий. Денег — и норвежских крон и немецких марок — у них было достаточно.

Решили, что день этот отсидят в домике, вечером, как стемнеет, опять пойдут к берегу ждать лодку или катер. Если и эта ночь не принесет удачи, то надо пробраться в Киберг, в Крамвик и в Комагвер и там искать возможности переправиться через Варангер-фьорд на Рыбачий.

Разделились на три группы: Ингвальд Микельсен и Рикард Юхансен пойдут в Комагвер и Крамвик, постараются разжиться продуктами, брат Ингвальда Рачивальд, Хокон и Рикард, посколько он знает обстановку в селениях лучше других, отправятся в Киберг добывать какое-нибудь судно для перехода морем. Остальные на день запрутся в домике, будут принимать только своих или их посланцев по условному сигналу.

Наступил час сеанса радиосвязи. Передали в базу, что более полусуток ждут плавсредства на Лангбюнесе, всю ночь продежурили у моря. В ответной радиограмме сообщалось, чтобы ожидали катер следующей ночью, были бы в сборе и готовности быстро погрузиться. Сигналы — огнем.

Затаившись, просидели в домике весь день, на улицу не выходили. По дороге проезжали машины, изредка в ту или в другую сторону проходили пешеходы-норвежцы, но никто не обращал внимания на стоявший на отшибе дом.

На всякий случай приготовились к стычке с немцами, если те полезут в их убежище, распределились, кому где быть и куда стрелять. Ершов, радист Баранов и один из норвежцев забрались на чердак, приготовились отстреливаться через слуховые окна.

Как стемнело, опять пошли на мыс, до боли в глазах всматривались в море, жгли бумагу, сигналили. Морская ширь не отвечала ни мелькнувшим огоньком, ни силуэтом корабля.

После полуночи Кудрявцев и Ершов согласились отправить обе группы в поселки на поиски продуктов, шлюпки или бота. И те ушли по своим маршрутам.

Оставшиеся просидели на берегу почти до рассвета, потом снова укрылись в домике. Вахту несли у окон, глаз не спускали с дороги.

Дежуривший у окна в большой комнате Сергей Щетинин позвал Хильмара Хейккиля:

— Вон возле дороги идут двое. Не к нам ли направляются?

Хильмар посмотрел на идущих, узнал обоих. Ему, жителю Киберга, большинство людей из соседних селений были знакомы.

— Они оба из Крамвика. Старшего зовут Якоб, он отец нашего Рачивальда. А второй — его зять. Они что-то ищут, но наверняка не нас.

— Почему?

— Если бы их послал к нам Рачивальд, они определенно знали бы, куда идти. Раз шагают мимо — значит, у них другие дела.

Утром пришли на лыжах двое норвежцев, сказали, что они из Комагвера, их послали Ингвальд и Рикард, ушедшие туда накануне. В рюкзаках принесли немного хлеба, маргарина и рыбы. Разведчики двинулись в следующие селения, намеревались вернуться в Лангбюнес к вечеру. Посланцы из Комагвера передохнули и отправились в обратный путь.

Наступил день, его коротали в приютившем их рыбацком домике. Было неуютно и холодно. Топить печь больше не решались. Старались не сидеть недвижимо, разминались, пробовали делать упражнения, но вскоре одолевала усталость.

Из Комагвера вернулись Ингвальд и Рикард Юхансен и принесли тревожную весть: накануне ночью у Беньямина Хегала в доме ночевало много немцев, они готовятся идти в тундру, к лагерю отряда, проводником опять собирается Хегала. Как раз две недели назад он был в Киреянках, пообещался сходить в разведку, и сегодня срок прийти на базу разведчиков.

Вскоре пришел из Крамвика Эрлинг Малин. Эрлинга послали сюда те трое, что ушли в Киберг. Сейчас они в Крамвике, в доме Рачивальда. Пришли туда затемно, разбудили спавшего на чердаке Альберта, рассказали ему о своих делах. Рассвет застал их в доме, выходить было опасно. Они укрылись в подполье.

Альберт пошел в соседний поселок Грюнес договариваться с кем-нибудь о боте или парусной лодке. Он зашел к Эрлингу Малину, рассказал о спрятавшихся в подполье и об оставшихся на Лангбюнесе.

Эрлинг уже знал, что немцы кого-то ищут в поселках, на побережье появились новые патрули, вчера небольшой отряд ходил в горы, там напал на следы разведчиков.

И Эрлинг тут же пошел на Лангбюнес. Он сказал Кудрявцеву и Ершову, что 7 октября должен был прийти в Киреянки вместе с Альфредом Мачисеном, но накануне увидел много новых немцев, две пушки на прицепах. Насторожился и визит отложил. Альфреда арестовали.

У немцев опять какая-то суматоха, снова кого-то ловят. Разведчикам лучше уйти из домика, перебраться в пещеру, есть тут всего примерно в километре. Там будет надежнее. А он, Эрлинг, будет добывать бот или шлюпку.

День кончился, совсем стемнело. Стрелки часов приближались к пяти вечера. На шоссе остановились два больших автобуса, из них вышло примерно до взвода немецких солдат. Потоптавшись немного на дороге, они пошагали всей группой к оконечности Лангбюнеса. Разведчики, затаившись, следили за ними из окон домика.

Дойдя до самой кромки воды, немцы разошлись вправо и влево, потом собрались вместе, стояли, смотрели то на море, то на дорогу, то на сопки. Чего-то подняли с земли, тщательно разглядывали, включив сильные аккумуляторные фонари. Лучи их рассекали темноту на десятки метров. Не трудно было догадаться, что немцы обнаружили следы разведчиков и остатки жженой бумаги.

На берегу завывал пронизывающий сырой ветер, немцы ежились, поднимали воротники шинелей, жались друг к другу. Некоторые, не выдержав прохватывающего ветродуя, группами возвращались к дороге.

Трое немцев приблизились к домику, несколько человек шагали по тропе, остальные еще топтались у берега.

Кудрявцев приказал приготовиться к бою, встать возле окон и дверей. Ершов, Баранов, Хильмар Хейккиля и Ингвальд влезли на чердак. Сметанин, Щетинин и Тюнер Берг через заднюю дверь выскочили во двор и залегли невдалеке от завала крупных камней.

Кудрявцев предупредил, чтобы все вели себя тихо, не выдавали своего присутствия, без его команды не стреляли.

Шедшего первым разведчики по фуражке с высокой тульей и кожаному пальто приняли за офицера. Следом за ним, вытянувшись гуськом, ступая в глубоко вдавленный снег, шагали два рослых крупнотелых автоматчика.

Офицер, видимо, разглядел лежащих возле камней разведчиков и скомандовал:

— Вставайте и сдавайтесь!

Младший политрук Геннадий Сметанин выстрелил в него из пистолета, офицер упал. В то же мгновение шедший за ним солдат застрочил из автомата. Пули прошили Сметанина. Немец кинулся бежать, впереди него еще резвее мчался его напарник.

Офицер, падая, навалился на радиста Сергея Щетинина. Сергей ударил его дважды ножом. Тот что-то кричал, пытался подняться на локтях и на коленях, но радист, выбираясь из-под немца, воткнул в него нож. Немец обмяк и перестал шевелиться.

К домику подбежали еще несколько немцев и пробовали через переднее крыльцо пробраться внутрь. Но дверь была на запоре. Тогда немцы высадили раму и один за другим полезли в окно.

Кудрявцев и Ингвальд Микельсен выскочили во двор. Старший лейтенант бросил в окно гранату. В домике ухнуло, полыхнула вспышка, разлетелись стекла во всех рамах. Донеслись истошные крики, ругань.

Новые солдаты мчались к дому, к каменным завалам. Баранов через чердачное окно пустил по бежавшим длинную очередь из автомата, трое упали и остались лежать.

Тюнер Берг выбрал удобную позицию в стороне от тропки и вел огонь из полуавтоматической винтовки. На тропке и в стороне от нее он уложил с десяток немцев.

Теперь к месту стычки шли солдаты с берега. Вплотную к домику они не приблизились, а укрылись за копнами сена и оттуда пытались разобраться что к чему.

Кудрявцев сказал, что лучше всего оборону занять за грудой камней, наваленных невдалеке от дома. Как только Кудрявцев оказался на открытом месте, из-за копен застрекотали автоматы.

Старший лейтенант упал словно подкошенный. Пуля попала ему в голову. Рядом с ним, тяжело оседая, свалился Гюнер, его тоже прошила автоматная очередь.

Разведчики по задворкам отходили к берегу.

На какое-то время стало тихо. Немцы, видимо, считали, что домик опустел, выбрались из-за копен и побежали к крылечку. Но оставшиеся на чердаке разведчики обстреляли их из автоматов и винтовок. Еще двое свалились на снег, остальные спрятались за копнами.

Ершов, Баранов, Щетинин, Хильмар и Ингольф спустились с чердака, вышли во двор, осмотрелись. Немцы больше не стреляли. Они лишь светили фонарями в сторону дороги, то ли подавая сигналы, то ли отпугивая разведчиков.

Баранов и Щетинин доползли до гряды камней, где лежали Кудрявцев и Гюнер, подобрали оружие, командирскую сумку, спрятали убитых в небольшую яму, запорошили снегом и вернулись к дому. Возле дома валялись два пулемета, несколько автоматов и винтовок. Все это прихватили.

Стали обсуждать, что делать. Командир группы погиб. Старшим остался политрук Ершов. Где еще четверо, что были в домике и возле него, они не знали, во время перестрелки кто-то отошел к морю, а куда дальше — было неведомо. Баранов предложил пойти к берегу, так как к дороге выходить опасно. Немцы наверняка за ней сейчас следят. Ершов согласился с ним, сказав, что надо попробовать идти возле самого уреза воды.

На берегу снова пришлось решать, как быть дальше. Сергей Щетинин, самый молодой из всех, предложил пойти к домику, там укрыться, если немцы не ушли, сидят в засаде, навязать им бой, сколько удастся — истребить, не хватит сил выбраться — честно погибнуть в последней схватке. Его поддержал Ершов, сказавший, что лучше смерть в бою, чем бесславное прозябание или даже плен.

Однако Рикард Юхансен, человек местный и довольно опытный, ответил, что рано себя заживо хоронить. Они остались живыми, есть у них радиостанция и оружие — можно еще принести пользу: и повоевать, и с немцами расквитаться сполна за гибель товарищей и за пролитую кровь. С Рикардом согласился мичман Баранов, политрук Ершов какое-то время колебался, но все же понял, что Рикард прав.

Решили уйти в горы, там немцы в ближайшее время искать их не будут; если к этому берегу выходы перекроют, перейти на северное побережье полуострова, может, оттуда снимут свои корабли.

Шагали по кромке берега впритирку к воде, чтобы волна тут

же замывала следы. Прошли с полкилометра. Приближался рассвет.

С той стороны, откуда они ушли, от моря, донеслась стрельба. В бинокль отыскали одинокий домик на Лангбюнесе. Виднелись вспышки пулеметов и автоматов, рвались гранаты. Это немцы снова пытались штурмовать дом, но, видно, убедившись, что русских в доме нет, постреляли ракетами, поосвещали вокруг фонарями и пошли на запад. Разведчики на сопке облегченно вздохнули.

На другой день немцы сожгли домик из огнемета.

Хильмар Микельсен — пятый из братьев, примкнувший к разведчикам после их высадки на Варангер, в момент перестрелки у домика перескочил за копнами дорогу и чуть поодаль от нее отошел в сторону Комагвера примерно на километр, залег на сопке и стал наблюдать, ожидая, когда остальные его товарищи пойдут туда же. Он видел, как перед рассветом немцы набросились на домик, потом там всё замолкло. Через какое-то время разглядел, что преследователи идут по следам невдалеке от дороги. Впереди всех, вглядываясь в отпечатки, крался Хегала.

Они дошли до Крамвика, начали там обыск. Стреляли на чердаки, в подвалы, в сараи. Хильмар наблюдал за ними из укрытия. Никого не найдя, немцы ушли из поселка.

Тогда Хильмар отважился спуститься к домам. Жители сказали ему, что в поселок приходили двое разведчиков, одного — Ингвальда — они знают, а второй — тоже норвежец, но не здешний, отсиделись в погребе, укрытые картошкой и соломой. Незадолго до прихода Хильмара они покинули селение, сказав, что будут искать своих. Хильмар, запасшись продуктами, тоже отправился на поиски товарищей. Дня через два ему сказали, что группа будто бы подалась в Перс-фьорд.

Трое разведчиков — Рачивальд, Рикард и Хокон после стычки у Лангбюнеса горными тропами перешли из Крамвика в Киберг. Туда же к ним добрались Ойен и Ингвальд.

Последним пришел в Киберг из Лангбюнеса Ингольф, знавший все подробности столкновения разведчиков с немцами. В Киберге им удалось купить за 800 крон шлюпку, и на ней поздно вечером 22 октября разведчики ушли в море.

Шли на веслах и под парусом всю ночь, тяжелая волна и ветер вымотали силы, было уже около девяти утра следующего дня, когда они пристали к стенке причала в Вайда-губе.

Так в разведотделе узнали о стычке у Лангбюнеса, о гибели Кудрявцева, Сметанина и Берга. Что стало с остальными разведчиками, где они, живы ли, норвежцы сказать не могли. От

них же стало известно, в каком бедственном положении оказалась группа.

Член Военного Совета дивизионный комиссар Николаев вызвал к себе начальника отдела Визгина, комиссара отдела Орлова и приказал им немедленно отправиться к летчикам и найти способ оказать разведчикам срочную помощь.

Ершов, радисты Баранов и Щетинин и двое норвежцев, понаблюдав за стрельбой у домика на Лангбюнесе, поняли, что возврата к дороге и в прибрежные поселки им нет. Надо уходить, искать какую-то другую, более удаленную бухту и там ждать помощи.

Рикард Юхансен повел группу в Перс-фьорд.

Вечером набрели на летнее стойбище, где был небольшой запас дров. Рикард Юхансен пошел в разведку. Вернулся он поздно вечером с молодым норвежцем, назвавшимся Улафом. В двух рюкзаках принесли продукты. От Улафа узнали, что немцев в ближайшем поселке нет, лишь изредка рейсовыми ботами приходит небольшая патрульная команда, проверят людей, документы, расспросят, не бывают ли чужие, и уходят на боте дальше по береговым селениям. Но постоянно в поселке находиться опасно.

Передали радиограмму на базу, указали координаты, где они ныне находятся. Ответ плохо разобрали. Похоже, что обещали выслать лодку.

Когда совсем стемнело, вместе с Улафом пошли в поселок. Улаф привел их в свой дом. Мать его нагрела воды, разведчики впервые за этот месяц основательно вымылись, сбрили щетину.

Сели ужинать за настоящим столом, на стульях, в теплой комнате. К ужину молодой хозяин поставил на стол бутыль спирта домашнего приготовления, выпили по рюмочке, потом дали чай. Ужасно хотелось спать, но было не до сна. Сразу же из-за стола собрались, оделись и спустились к берегу. Там стояла шлюпка Улафа. На ней пошли в залив, надеялись встретить подводную лодку. На веслах сидел хозяин шлюпки. Ходили по фьорду больше часу, никаких признаков подлодки не обнаружили. Потом повалил обильный снег, запуржило. Вернулись к берегу.

В поселке оставаться не рискнули: можно было навлечь беду на хозяев. Улаф повел разведчиков в горы.

Обосновались в летнем домике. Улаф ушел домой, сказав, что, если возникнет опасность, он непременно предупредит.

Разведчики обосновались на этой новой базе. Надолго ли?

Связь по радио с базой возобновили по расписанию. На их запрос, когда снимут, в ответной радиограмме было сказано не

очень определенно: ждать сигнала, только тогда выходить к берегу.

В следующей радиограмме база оповестила, что самолет сбросит продукты, просила указать квадрат, где лучше всего провести выброску.

На этот раз груз кинули им куда надо, самолет прошел на небольшой высоте, летчики, как показалось разведчикам, заметили их, приветственно качнули крыльями, тюки по снежному склону скатились в ложбинку, снежным же завихрением их накрыло, но откопать не стоило большого труда. Да и нести по снегу без лыж на радостях не показалось тяжело. Ожили, сил прибавилось, на душе стало бодрее. Понимали, что сидеть в домике без дела им никак не пристало. Ершов предложил подняться на сопку, осмотреть округу, поглядеть на море. Пошли втроем. В бинокль разглядели, как невдалеке от берега, прижимаясь к фьорду, курсом на восток идет транспорт, в охранении два сторожевых катера. Сообщили об увиденном в базу, оттуда поблагодарили за донесение.

Несли непрерывно вахту на сопке, ходили по двое, следили за морем.

Минула неделя после столкновения на Лангбюнесе. В Перс-фьорд пришел Хильмар Микельсен. Когда началась перестрелка у домика, командир послал его к берегу и велел подсмотреть подходящую шлюпку. Следом за ним сразу никто не появился; Хильмар подождал недолгое время, а затем понаблюдал немного за домиком, перешел дорогу, последил за немцами и пошагал в сторону Комагвера. В одном из поселков зашел к приятелю, виделись с ним совсем недавно, и тот не знал, что Хильмар последнее время провел у разведчиков. Прожил у друга два дня спокойно. Весть о столкновении на Лангбюнесе мгновенно облетела всю округу. Немцы увезли убитых куда-то в Сторону Вадсё. Ходили слухи, будто несколько человек махнули на боте через Варангер к Рыбачьему, поговаривали, что кое-кто ушел в Перс-фьорд. Хильмар раздумывал, как быть. Домой пока возвращаться не решился. Решил искать своих новых товарищей в Перс-фьорде.

Хильмар рассказал о том, что он узнал за эти дни на южном берегу, он же принес известия о боте, на котором кто-то из их товарищей переправился в Россию.

Запросили базу, оттуда подтвердили, что шлюпка с людьми причалила на Рыбачьем. Только не сказали, кто туда добрался.

Истекала вторая неделя их сидения возле Перс-фьорда. Продукты опять кончались.

В один из сеансов получили радиограмму: следить за небом,

ждать самолет, он сбросит груз. Настроение улучшилось, но не совсем: о возвращении домой — никакого намека.

Перед самыми праздниками — 6 ноября — груз сбросили, по приземлился он неудачно: тюки разорвались, все рассыпалось по снегу. Банки со сгущенным молоком не выдержали удара, молоко перемешалось со снегом, попробовали это мороженое, вкусно, но не соберешь и не сохранишь.

Зато бутылки с шампанским все уцелели. Рады были, что кто-то подумал и подбросил к празднику нежданный гостинец.

По радио услышали о торжественном заседании 6 ноября в Москве, о параде на Красной площади, о двух выступлениях И. В. Сталина. На радостях устроили себе праздничный обед, а потом отправились в поселок. Там тоже кто-то Московское радио слушал, такие волнующие сообщения не таят, их разнесли молниеносно. Норвежцы говорили, что немцы на весь мир протрубили о скором взятии Москвы, а им утерли нос парадом на Красной площади. Все оживились, взбодрились, сил прибавилось, почувствовали, что немцам могут и надавать по зубам и погнать вспять. Давно ждали, что Москва наконец-то порадует.

В домик больше не возвращались, остались жить в поселке. То ли норвежцы осмелели после московских событий, то ли в такое непогодье они не ждали немецких патрулей, но сами жители предложили разведчикам поселиться у них. Разведчики добыли батареи для радиостанции, переговаривались не только с базой, но временами прослушивали эфир, ловили московские новости.

Наконец 15 ноября приняли долгожданную радиограмму: выйти на шлюпке в залив, подводная лодка примет их на борт.

Первый большой разведывательный рейд в дальний немецкий тыл на севере завершился. Пятьдесят суток на норвежских берегах в осеннее ненастье и зимнюю стужу пробыли разведчики. Не все вернулись оттуда. С них начался счет захоронениям тех советских воинов и норвежских патриотов, кто день за днем приближал час освобождения Норвегии от фашистов.

Слух о русских и норвежцах, высадившихся на Варангере в тяжелейшее время, когда решался исход сражения за Москву, облетел весь Финмаркен, он достиг западного побережья, докатился до Хаммерфеста и Тромсё. Норвежские патриоты поверили, что заря возмездия занимается не только на просторах России, но и здесь, у порога их дома.

Рейд разведчиков взбудоражил немецкое командование. Тишина в Северной Норвегии кончилась. Оккупанты вынуждены были усилить численность своих гарнизонов, на мысы и острова потянули пушки, на новые аэродромы прилетели самолеты.

Появились посты, патрули, пропускные пункты. В селения зачастили подвижные патрули, они выискивали и вынюхивали чужих. Мужчинам запретили появляться на улицах после девяти часов вечера.

В городах и крупных селениях патрули маячили на улицах круглосуточно. Норвежцам запретили запросто переезжать из селения в селение. Такие места, как Яр-фьорд, Борис и Глеб, Сванвик, посетить можно лишь по специальному пропуску. На рейсовый пароход билеты продавались тоже только по особым пропускам. Комендантыи ленцманы на всех, кто собирался куда-то поехать, составляли списки. Потребовали сдать всякое, даже охотничье, оружие, в магазинах перестали продавать ножи.

Вдоль берега взад-вперед днем и ночью начали ходить сторожевые катера. В Вардё, Вадсё, Киркенесе сменили гарнизоны, повсюду добавили солдат.

В Комагвере выставили постоянный наблюдательный пост. Восемь солдат с капралом квартировали у Беньямина Хегала. Свою службу оккупантам он перестал скрывать.

В Киберге двадцать солдат поселились у Франца Хейккиля, в интернате и в народном доме, а трое офицеров разместились в молитвенном доме Ведехюст, поблизости поставили пеленгаторную станцию.

Норвежцы по своему отозвались на карательные меры оккупантов. В Киркенесе кто-то поджег два склада, сгорело пятнадцать тысяч пар лыж и много обмундирования.

Самая северная провинция Норвегии — Финмаркен (полуостров Варангер) — втянулась в войну.

В те дни, когда шестеро разведчиков перешли с Финмаркена на шлюпке через Варангер-фьорд на Рыбачий, там находился Константин Симонов. И он не упустил случая повстречаться с пришельцами из-за моря. Появился его рассказ «В скалах Норвегии».

О том, насколько тяжел был переход на утлом суденышке по осеннему бушующему морю, какие мозоли набили на руках веслами, рассказывал писателю Рикард Эриксен. Он не собирался уходить за море. Но случилось так, что в отряде разведчиков его видел соглядатай, потом произошло столкновение с карателями, Рикард взялся за оружие. А после Лангбюнеса ему и вовсе пути домой не стало. Так бывший морской офицер и учитель оказался среди своих соотечественников и соратников уже на советской земле.

Константин Симонов представил его читателю под другим именем. Тогда так и надо было: шла война, Рикарду Эриксену еще ходить и ходить на родную землю через море.

Поход первой большой группы разведчиков осенью сорок первого года на полуостров Варангер, в Северную Норвегию, не был изолированным эпизодом войны.

В задании разведчикам, отправлявшимся в Финмаркен, говорилось, что они должны выявить возможность и подготовить места для высадки морских десантов в районах Вардё, Вадсё, Киркенеса, обеспечить высадку десантов с суши, подготовить базы для хранения имущества, продовольствия, боеприпасов. Все это намечалось сделать после высадки второго эшелона разведчиков.

Обо всем этом группа Кудрявцева, конечно, не знала.

Только через десятилетия стало известно, что о развертывании активных боевых действий на Севере шла речь в переписке И В. Сталина с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом.

В своем первом личном послании У. Черчиллю от 18 июля 1941 года И. В. Сталин писал: «…военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан второй фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)…

Еще легче создать фронт на Севере. Здесь потребуются только действия английских морских и воздушных сил без высадки войскового десанта, без высадки артиллерии. В этой операции примут участие советские сухопутные, морские и авиационные силы. Мы бы приветствовали, если бы Великобритания могла перебросить сюда около одной легкой дивизии или больше норвежских добровольцев, которых можно было бы перебросить в Северную Норвегию для повстанческих действий против немцев».

У. Черчилль в своем личном и секретном послании И. В. Сталину, полученном 21 июля 4941 года, писал: «Однако если говорить о какой-либо помощи, которую мы могли бы оказать быстро, то нам следует обратить наши взоры на Север».

Далее премьер-министр Англии пишет о подготовке операций с авианосцев против германских судов в Северной Норвегии и Финляндии, о совместных действиях военно-морских сил, о посылке подводных лодок, минного заградителя, о базировании в Мурманске нескольких эскадрилий британских самолетов-истребителей.

В послании, полученном 6 сентября 1941 года, У. Черчилль писал И. В. Сталину: «По всей вероятности, можно будет оказать Вам содействие на Крайнем Севере, когда там наступит полярная ночь».

19 сентября 1941 года У. Черчилль писал И. В. Сталину: «Если бы мы могли действовать с успехом в Норвегии… но в настоящее время мы не располагаем ни военными силами, ни

судовым тоннажем для осуществления этого проекта».

В те трудные осенние дни 1941 года вопрос о развертывании значительных военных действий на севере Норвегии рассматривался высшими военными руководителями весьма конкретно.

И свое место в этих планах должны были занять операции разведчиков.

И если это не случилось, то причина тут не только и не столько в том, что первый разведывательный десант не выполнил всех своих задач. И советские разведчики, и норвежцы — каждый делал все в меру своих сил и опыта, чтобы выполнить боевой приказ. На норвежской земле сложили головы смелые люди, горячие патриоты своей родины.

Глава IX

На фронте вдоль Западной Лицы и на перешейке Средний, на хребте Мустатунтури второй месяц длилось позиционное противостояние. Передний край проходил по берегам реки. Лишь в одном месте егеря врезались клином и зарылись в зимние норы на берегу, который держала 14-я армия. В оперативных сводках пестрели фразы о редкой артиллерийской перестрелке и поисках разведчиков.

На море властвовали осенние штормовые ветры. Они несли с Ледовитого океана ледяной воздух, укутывая Кольскую землю снегопадами и буранами. Корабли трепали штормы. Экипажи дозорных и сторожевых тральщиков после вахт были измотаны до предела. Эсминцы встречали и провожали караваны, бороздили огромную акваторию до ледяной кромки, стараясь не проморгать немецкие рейдеры.

В сводках Советского Информбюро все чаще сообщалось о боевых успехах подводных лодок, о потоплении в Баренцевом море вражеских кораблей и судов.

На вечерах в базовом клубе замелькали краснофлотцы и старшины с орденами и медалями на груди.

В разведотделе до выяснения полной картины с отрядом Кудрявцева склонились к решению: высадку на дальний норвежский берег приостановить, подготовленные группы держать в «горячем резерве».

Жизнь в разведотряде вошла в размеренную колею: занятия, тренировки, вахты. Приходило пополнение. Командовал отрядом Николай Аркадьевич Инзарцев, хотя официального приказа о его назначении на эту должность не было. Инзарцева переаттестовали в звании. Стал он капитаном.

Титовку не выпускали из-под наблюдения. В разведотделе не раз возникал разговор о набеге на эту базу. «Не худо бы разгромить ее, пощипать там немцев», — высказывался то один, то другой из командиров.

Начальник отдела Визгин, помня наказ командующего без особой нужды не создавать напряженности возле Титовки, не делать лишнего шуму и треску, разговоры о набегах на позиции врага вроде бы и не одобрял, но и не запрещал. Всем своим видом Визгин показывал, что не в набегах главный интерес.

Визгин каждодневно требовал, чтобы ему докладывали материалы по морскому побережью Варангера вплоть до Нордкапа, сопоставлял сведения, добытые разведчиками, со сводками аэрофотосъемки и радиоперехвата. Обстановка в

портах, базах в многочисленных проливах и фьордах просматривалась нечетко, как через матовое стекло.

Просили командующего дать задание командиром подводных лодок вести разведку берега в тех квадратах, куда они выходили на боевое дежурство, фотографировать, делать зарисовки, отмечать на картах точные координаты целей. Но результат был пока мизерный. И не только потому, что командиры не обрели еще навыка в разведке, просто главную свою задачу они видели в том, чтобы искать корабли врага и топить их.

Визгин во сне и наяву думал о том, как подобраться к вражеским портам, как взять под контроль пути плавания немецких конвоев.

Люден в своих докладах сообщал Визгину, что штаб армии интересуют последние сведения по Титовке.

Визгин молча выслушивал доклады Людена, размышлял: «Какого лешего тянет его майор к операциям, которые с успехом могут осуществить разведчики армии, а не флота». Отмахнулся от затеи Людена раз, два, а затем все же пошел к командующему флотом.

Головко ответил, что в данный момент армия предлагает провести не скрытую разведку, а набеговую диверсионную операцию. Поэтому, добавил он, может, и следует помочь пехоте, пусть в разведке боем участвуют и моряки.

В отличие от сложившегося уже порядка план операции утвердил командарм Панин, а Головко дал лишь свое устное согласие.

Действиями на берегу возле Титовки должен был руководить майор Люден. Общее командование, включая переход морем, высадку и съемку группы, возлагалось на Визгина.

В группу управления операцией на берегу майор Люден включил старшего лейтенанта Приходько, лейтенанта Карпова, переводчицу-медсестру Параеву и отделение радистов.

Вечером 22 октября, около девятнадцати часов, сводный отряд — более ста человек — вышел на «малых охотниках» в Мотовский залив.

Высадились восточнее Могильного. Действовали четко и организованно. Через пятнадцать минут все были готовы к маршу.

В темноте по скользким камням, по мокрому мху каждый шаг давался с напряжением. Ноги то цеплялись за кусты, то скользили на откосах по жидкой глине. Шли молча, команды отдавали шепотом, а все же казалось, будто от колонны разносится грохот.

На рассвете выслали дозор выяснить, нет ли впереди немцев. «Порядок!» — доложили дозорные. Шли с трудом еще четыре

часа; снега на склонах сопок и в низинах навалило больше, чем возле берега.

Дорогу выбирали и протаптывали Кашутин и Чинговатов. На одном из привалов им предложили смениться. Кашутин ответил, что они хорошо приноровились к обстановке, силы есть, нет смысла менять головных, ведь до Титовки оставался один небольшой переход — километра четыре. На подходе к Титовке залегли на северо-восточном склоне высоты, замаскировались.

Командиры подползли на гребень и навели бинокли на поселок, на дороги, на другой берег реки и губы. Отчетливо виднелся мост через реку, поляна, которую раньше принимали за посадочную площадку самолетов связи. Она пустовала. Невдалеке от поляны обнаружили семь землянок. В поселке сновали машины, строем и поодиночке ходили люди. За домами виднелся причал, в бухте на якоре стоял бот.

Вернулись назад к отряду, разложили карты. Сверили пометки, нанесенные в штабе, со всем, что только что видели.

Люден объявил:

— Я принял следующее решение. Отряд разделить на три части. Первую возглавляют лейтенант Карпов и политрук Кузеванов, с ними идут четыре разведчика из отряда капитана Инзарцева и взвод из роты Грачева. Лейтенант Карпов на время выполнения задания из группы управления операцией выводится.

Вам, — обращаясь к Карпову и Кузеванову, сказал Люден, — пройти с людьми к мосту, взорвать его, поджечь три домика, стоящие поблизости от него. С собой берите нужный запас взрывчатки. И выберите людей, умеющих с ней обращаться. Задача ясна?

— Все понятно, товарищ майор, — ответили политрук и лейтенант, — разрешите идти?

— Подождите. Послушайте, что и где будут делать остальные. Вторую группу, в которую выделяются люди из одного и другого отрядов, поведет капитан Инзарцев. Ему следует подобраться вплотную к землянкам, забросать их гранатами, поджечь и взорвать автомашины.

— Товарищ майор, у меня два вопроса, — обратился Инзарцев, — первый: ждать ли мне отхода группы Карпова или отходить самостоятельно? И второй вопрос: приказано захватить пленных. Людей у меня мало, а дел со взрывами и поджогами много. Может, следовало бы выделить специальную группу захвата?

Люден, не ответив Инзарцеву, продолжал излагать ход операции:

— Третья часть нашего отряда будет возле меня, с группой

управления. Если где-то потребуется помощь, я ее немедленно окажу. Группам нападения действовать самостоятельно. Будет лучше для дела, если рядом с пехотинцами в каждой группе будут моряки отряда.

Инзарцеву не нравился план. Он считал, что в указаниях Людена много нелепостей. Его отряд, по сути дела, расформировали. Он, Инзарцев, идет выполнять задание с бойцами, которых почти не знает. Зачем в самый ответственный момент делать перестановку? Зачем оставляет Люден при своей персоне столько людей?

Инзарцев понимал, что ответов на свои вопросы сейчас не найдет. Люден не терпит возражений, да и спорить со старшим не положено.

Люден, видимо, сообразил, что оставил при себе слишком много людей.

— Младший лейтенант Грачев с остальными бойцами его роты будет прикрывать действия двух групп отсюда, с высоты, чтобы дать возможность нападающим группам оторваться от неприятеля.

Геннадий Карпов пошел принимать под начало свою новую команду, хотя смысла решения, принятого майором в последнюю минуту, не понимал. Даже тогда, когда задумывалась операция, когда совершался переход, ему ставилась задача вместе с Приходько, Параевой, медиками и радистами оставаться в группе командования. А теперь он оказался в группе нападения. Но если бы ему поставили задачу загодя, он бы все обдумал, прикинул, заранее все по-своему спланировал. Да и поведет он взвод бойцов, которых сам не тренировал, которых вовсе не знает.

Карпов хотел было поговорить с политруком Кузевановым о плане действий, но времени уже не оставалось.

Пока разглядывали Титовку да распределялись, кому и где действовать, по левому берегу Титовской губы прошло к Западной Лице и к Кутовой не менее трех с половиной десятков машин.

Подали команду подтягиваться на исходные точки.

Разведчики осторожно сползали с высоты в лощину к поселку и к базе, переползали один за другим несколькими цепями. Темень сгустилась и накрыла их своей шапкой, а шум снующих автомашин приглушал всякие звуки.

Немцы ходили возле домов и землянок спокойно, их ничто не тревожило. А чего беспокоиться? Передовая от них чуть не за четыре десятка километров, Мотовский залив не близко, а в Титовскую губу русские корабли уже давно не совались.

Группа Инзарцева добралась почти до землянок, оставалось

преодолеть несколько сот метров. Капитан приказал замереть на месте, пропустить вперед группу Карпова — Кузеванова, подождать, пока те приблизятся к своей цели. Все внимание было обращено на автомашины, на землянки, на поселок. Надо было выбрать место, куда кинуться после команды на последний рывок.

Чуть левее на тропе неожиданно появился подвижной вражеский патруль. Разведчики никак не ждали его в этом месте. Патрульные, обнаружив разведчиков, с криком кинулись к землянкам.

Таиться было бессмысленно. Внезапности, на которую рассчитывали, теперь уже не будет.

Инзарцев в полный голос скомандовал: «Бегом!»

Рядом с ним мчались Ковалев, Чинговатов, Харабрин. Развернулись в цепь и остальные. Патрульные куда-то испарились как дым. Солдата, стоявшего на посту у землянки, скосили из автоматов. В двери землянок, в дымоходы полетели гранаты.

Группа Карпова — Кузеванова отклонилась от выполнения поставленной задачи, включилась в общую атаку. Инзарцев крикнул Карпову, чтобы тот поспешал к машинам. В кузовы и в кабины полетели гранаты, термитные шашки и фосфорные зажигалки. Огнем занялись два десятка грузовиков, тюки в кузовах задымили бело-желтым чадом.

Над поселком занялось зарево. В суматохе метались люди, рвались гранаты, трещали автоматные очереди, свистели пули, осколки гранат.

Дмитрий Ковалев заметил, как из землянки выскочил, озираясь и соображая, куда бежать, немец с парабеллумом в руке. Ковалев выстрелил, но, видно, промазал. Гриша Харабрин догнал немца и ударил его прикладом в спину. Но удар получился не сильный, немец дико закричал и прибавил прыти. Тогда Харабрин пустил очередь из автомата.

Запылал автобус, факелом вспыхнула машина, груженная лесом. Загорелась подвижная мастерская на колесах.

Матвеев и Ефимов, почуяв запах бензина, кинули гранаты в двери одной землянки. Яркое пламя выхлопнуло через дверь этой землянки — склада горючего, а из второй потянуло едким запахом резины. Там горели автомобильные покрышки.

Немцы метались возле горящих землянок, машин, стреляли невпопад. За посадочной площадкой, ближе к мосту, стала вытягиваться цепь солдат. Цепь шла на сближение с разведчиками. С левого берега Титовки через мост проехало шесть машин, они повернули в сторону автобазы.

Командир операции Люден приказал отходить. Группы

Инзарцева и Карпова поднялись на высоту, где стоял в ожидании команд Грачев со своими людьми.

Из пулеметов и винтовок обстреляли машины, миновавшие мост. Они остановились, потушили фары. Солдаты выпрыгнули из кузовов и побежали в сторону пожарища. Со стороны губы затарахтели два пулемета, залился длинными очередями пулемет с мотобота. Одна за другой взвились в небо несколько осветительных ракет. Трассирующие молнии тянулись к высоте, где собрались разведчики.

Люден подал команду отходить к Мотовскому берегу. Немцы, опомнившись, поливали свинцом высоту. Однако пули уже не доставали отходящих.

Немцы попробовали преследовать разведчиков в сопках, но шли осторожно, оглядываясь, осматриваясь.

Отряд снова вели Кашутин и Чинговатов.

На переходе Люден спросил Приходько, попались ли какие-либо документы. Тот ответил, что никто и ничего ему не передавал. Разведчики, мол, говорят, что егеря выскакивали из землянок без мундиров, в рубашках, на убитых ничего, кроме оружия, не было. Взяли одного раненого пленного, но он недолго жил.

Вышли к берегу в 6 часов утра 24 октября. Катера не было ни у берега, ни в море.

Кругом лежал снег. Промокших десантников прохватывал холод. Пытались развести костры, но мокрый валежник не загорался.

Подошли четыре «малых охотника». Командир отряда катеров спросил, что случилось с десантниками, в какую опасную ситуацию они попали.

Люден ответил, что ничего особо тревожного не произошло.

— А почему тогда в эфире прозвучал сигнал тревоги? — строго спросил Людена Визгин.

Люден пожал плечами.

Только позже выяснилось, что старший лейтенант Приходько в момент, когда вражеские машины с подкреплением поехали от моста, на свой страх и риск дал указание радистам передать сигнал бедствия, что всполошило всех в отделе, заставило немало поволноваться командование флотом.

— Трудно поверить, — подумал Визгин, — чтобы старший лейтенант Приходько проявил такую самодеятельность, запросил помощь, в которой не было нужды. Не подумал ли Люден о безопасности своей персоны?

А между тем после набега на Титовку Люден чувствовал себя на седьмом небе. Операция прошла почти бескровно. Только

одного бойца ранило.

Люден мог радоваться и тому, что, как позднее выяснилось, набегом на Титовку немецкое командование в Норвегии было не на шутку встревожено. В Титовке располагался командный пункт горного корпуса генерала Дитля. Люден дипломатично умалчивал о другой части сообщения из лагеря противника. Там говорилось, что немцы никак не ожидали, что русские так быстро сами уйдут из Титовки.

Если бы командир операции Люден не поторопился с приказом отходить, не придержал бы возле себя большую часть отряда, результат этого скрытного проникновения в Титовку мог быть более значительным.

Визгина никто не упрекал, но он готов был кусать локти. Его разведчики не раз подбирались к Титовке. Была возможность притащить самого захудалого, самого паршивого пленного, тогда стало бы ясно, что в Титовке разместился крупный штаб. Десантную операцию следовало готовить более солидно, руководить самому, а не поручать Людену. Теперь того и гляди врежет Головко в его, Визгина, адрес свое любимое словечко: «Разгильдяй!» И будет прав!

Глава X

На крутолобом каменном бугре у подножия лысой, без единого кустика, без травинки сопки в Старом Полярном, по соседству с осевшим двухэтажным домом, построенным, по словам старожилов, в дореволюционные годы под молельню для военных моряков (на одной фотографии той поры здание это снято с небольшими куполами и крестами на них), пристроился двухподъездный деревянный домик. Жильцов его, чтобы уберечь от бомбежек, пожаров и других военных напастей, эвакуировали. Но дом не опустел. Его обжили новые хозяева — флотские разведчики.

К дому этому то прямиком, то ступенчатым изломом взбираются деревянные мостки. Константин Симонов писал «гармоникой по улицам мостки». По ним поэт хаживал не раз в разведотдел и в отряд в осеннюю пору сорок первого.

Симонов был почти ровесником многих разведчиков отряда. В армейской форме, перетянутый ремнями и портупеями, в добротном кожаном реглане, он выглядел стройно и молодцевато.

На стихи Симонова многие моряки обратили внимание еще тогда, когда он учился в литературном институте, знали его пьесу «Парень из нашего города», читали репортажи о папанинцах, о событиях на Халхин-Голе.

На север, на Мурманское направление, он приехал в октябрьские дни первой военной осени.

Ему, корреспонденту «Красной звезды», не потребовалось много времени, чтобы отыскать в Полярном дорогу к разведчикам.

Симонов присаживался в кружок разведчиков, молча вслушивался в начатую без него беседу, а затем просил рассказать о себе. Для памяти что-то записывал в свой блокнот.

Как-то вечером людей потянуло на воспоминания о днях мирных, о делах домашних, житейских. То ли к этому располагал предвечерний сумеречный час, то ли душевная расслабленность, наступившая после нелегкой операции. Разведчики перестали испытывать скованность и неловкость. Беседа с поэтом стала простой и доверительной. А потом кто-то из ребят попросил Константина Михайловича почитать стихи. Симонов прочел одно, другое, третье стихотворение… Затем вдруг замолк на какое-то время, задумался. Ребята притихли.

Симонов обвел взглядом сидящих на табуретках и на койках моряков и сказал, что прочитает им совсем новое стихотворение.

И стал читать «Жди меня».

Казалось, что из какой-то глубоко упрятанной клеточки симоновской души, из ее самого дальнего уголка выплескиваются трепетные слова, просящие ждать, надеяться, хранить верность.

Моряки сидели не шелохнувшись, вслушиваясь в каждое слово. Никто не глядел в глаза читавшему.

Симонов выдохнул последние строчки:

Как я выжил — будем знать
Только мы с тобой —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой!

Поэт умолк. На какое-то время наступила оглушительная тишина.

Глуховато, явно через силу первым выдавил слово один из молчунов — Алексей Чемоданов:

— Да, вывернули вы, Константин Михайлович, то, что в душе держим.

И пошло!

— Крепкое заклинание положил, пусть не крутят хвостом, не заигрывают с тыловыми крысами, — сказал с наигранной легкостью Поляков и обвел взглядом сидящих, как бы ища поддержки.

— Тебя, Иван, может, никто и не ждет. И здесь ты не сильно грустишь. Девиц без улыбочки не оставляешь, — осуждающе подсек Полякова Степан Мотовилин.

— А каково тем, у кого семьи теперь под немцем?.. Им не скажешь и не напишешь: «Жди». Сами должны знать. Сердце кровью обливается, как подумаешь, какие муки выпали на женскую долю, — сказал Семен Флоринский.

— Не только женатые разлучены. Верят, помнят и дожидаются, — с грустью заметил Алексей Шерстобитов, — как ни прикинь, а всех надежда касается…

— Все же больно, Константин Михайлович, слушать слова: «…изменив вчера». На войне мы без них, без жен. Одна горечь. Не надо бы так обидно про них говорить, — разразился непривычно длинной для него речью Радышевцев.

— Как-то помягче бы сказать, не судить их заранее, — добавил Анатолий Баринов, — фронтовикам лишний раз душу не скрести.

— Подарите нам, Константин Михайлович, эти стихи на память, — попросил Степан Мотовилин.

Симонов не раз беседовал со Степаном про первые летние

походы, а потом писал о нем в рассказах и очерках.

Так этот рукописный листок с датой 13 октября 1941 года и симоновской подписью остался у разведчиков. В печатном варианте явились немножко другие слова, не столь жесткие: «… позабыв вчера».

Симонов несколько раз просил Визгина позволить ему сходить в операцию с разведчиками. Визгин какое-то время отговаривался под разными благовидными предлогами: то погода не позволяла сунуться через море, то задача ставилась рискованная и пускать корреспондента центральной газеты в чужую страну никто бы не позволил, то поход намечался длительный и посылать в него хоть и «молодого человека», как называл себя в своих записках Симонов, ради материала, который станут ли печатать, тоже не имело смысла. Выпадало один-два подходящих случая, но Симонов в те дни по заданиям редакции встречался с нашими летчиками, писал об английских истребителях, воевавших в небе Заполярья.

В канун ноябрьских праздников Визгин сказал Симонову, что в ближайшие дни на разведку во вражеский тыл собираются две группы: одна, большая, пойдет на Пикшуев, другая — десять человек — высадится в устье губы Лицы. Если писатель не раздумал, он может сходить в десант. Лучше идти с группой на Пикшуев, там, до недавнего времени четко виделся вражеский укрепленный узел, оттуда в Озерки и особенно в Эйну постреливают орудия среднего калибра. Батарея держит на прицеле всю ближнюю акваторию залива, старается не пропустить даже мелкое суденышко. Разведчики должны посмотреть, что делается на Пикшуеве, потрясти немцев или финнов. Пойдет в операцию взвода полтора-два. Поведет этот отряд Инзарцев. Его Константин Михайлович знает хорошо.

А другую группу возглавит Карпов, им предстоит разведать стык немецкой обороны между Пикшуевым и губой Лицей, нащупать, в каком месте у немцев неприкрытый фланг.

Симонов решил идти с отрядом Инзарцева.

Дней пять ждали погоду. Море штормило, от устья Кольского залива и до Мотовки трепало не только катера, но и крупные суда. При такой волне к берегу подойти немыслимо, людей не высадить.

Наконец, во второй половине дня 6 ноября дали «добро» на выход.

Около шести часов вечера два «малых охотника» отошли от причалов Полярного. С отрядом отплыли Визгин и Люден.

Группу Карпова отправили накануне на сторожевом катере. Между островами Кувшин и Замогильный разведчики должны

выбраться на материк.

«Малые охотники» через три часа подошли к берегу километрах в десяти западнее Пикшуева.

Ночь светлая, лунная, с неба светил такой фонарь, что море блестело и фосфоресцировало, а заснеженный обледенелый берег играл бриллиантовыми гранями.

Высаживались по выносным трапам. Для обычных плаваний на катерах таких трапов не бывает. На переходе морем их прикрепили к борту, чтоб не болтало и не смыло волной.

И все же до берега не дотянули метра два-три. Катерники спустили «тузик», подвели его под конец трапа, сами встали в воду, подтянули трап под шлюпку, из нее же вынесли на берег второй, короткий и узкий катерный трап.

Разведчики побежали на берег. Не все выбрались сухими, кое-кто зачерпнул не только в сапоги. Вода набралась даже в карманы брюк.

Люден высадился с отрядом, Визгин остался на катерах.

Пока на суше разобрались и построились в походную колонну, мокрые маскхалаты покрылись коркой, на ходу шуршали, потрескивали.

Лыжи на заледенелом снегу разъезжались в стороны, крутились как на карусели. Пробовали шагать без лыж, — еще хуже, по скользким откосам скатывались вниз, либо наст не выдерживал, продавливался, острые зазубрины рвали одежду и обувь.

Шли северными, обращенными к морю скатами прибрежного нагорья. Подниматься наверх опасно: спуски и подъемы круты, путь изрезан ручьями, болотами, озерами.

Местами ручьи не промерзли, под снегом хлюпала вода. На льдистых лбищах лыжи съезжали поперек, лыжника закручивало как юлой и несло вниз. Устоять редко кому удавалось, сорвавшийся падал и катился по насту на чем пришлось — на боку, на спине, а то и на брюхе. Несло метров двадцать-тридцать, пока человек не вылетал на оголенные камни.

Загремел, кувыркаясь и размахивая торчащими вверх лыжами, Люден. Ему помогли подняться. Люден ворчал, ругался, охал и кряхтел.

Через три часа, около полуночи, приблизились к Пикшуеву. Маяк, домик, сараи, припорошенные снегом укрепления виднелись при яркой луне довольно отчетливо. Но все кругом как бы застыло, замерло, ни звука, ни огонька.

Были в отряде и те, кто ходил сюда летом, в июле. Но зимой ночью все смотрелось иначе, да и подходили нынче с запада, а не с юга. Высказывали разные предположения: «Может, немцы

затаились…», «А может, почуяв приближение разведчиков, отошли и попрятались…», «А может, их и вовсе здесь нет».

Около часу ночи подобрались к маяку и к постройкам.

Ни людей, ни орудий, ни минометов. Только в стороне от домика валялся орудийный лафет.

Домик, где раньше жила обслуга маяка и метеоролог, пустовал. Часть досок с обшивки сорваны, двери, крылечко, половицы разобраны. Скорее всего, немцы унесли их на обустройство своих землянок. Три небольших амбара сохранились в целости, но были заперты на замки. Разведчики взломали их. В одном амбаре вдоль стен двухъярусные нары и печка, на столе лампа, заправленная керосином, на улице, возле входа, поленница дров. В двух других амбарах хранились мука, хлеб, кофе, крахмал, лыжная мазь и разное другое имущество.

В землянках обнаружили следы недавнего пребывания людей. В каменных ячейках-брустверах пусто, натоптанные застарелые тропинки, пустые подставки для пулеметов.

Осмотрели ближнюю округу, свежие дорожки на глаза не попались. Припорошенные снегом тропы вели к Титовке, к устью реки Лицы.

Собрались возле домика почти все, только дозорные чуть поодаль не спускали глаз с округи.

Разведка закончилась. Выходит, что на маяке немцы зимовать не остались. Ушли, видно, недавно. Всего неделю назад отсюда стреляли орудия.

Отряд спускался вниз, к урезу воды, на посадку. Симонову и трем разведчикам выпал жребий сжечь все постройки на Пикшуеве.

Катера шли морем, а на мысу полыхал огонь.

Лейтенант Карпов в предпраздничный вечер вышел из Вичан со своей группой и взял курс к месту выброски. Но с берега их встретили огнем двух пулеметов. Пришлось уйти. Вернулись в Полярное почти в то же время, когда там ошвартовались катера с отрядом.

Большая радость согрела душу разведчиков в Полярном. Торжественное заседание, парад на Красной площади, выступление Сталина. Это ли не награда.

Симонов получил сданные на хранение в разведотдел на время похода свои документы, среди них лежала женская фотография. Не эту ли ночь на Пикшуеве он назвал ночью обручения?

Не раз писал Симонов об отряде в своих корреспонденциях. Много страниц посвятил разведчикам из флотского отряда и после войны. Отчетливо видятся Визгин, Добротин, Люден,

Инзарцев, Мотовилин. Не своими именами названы норвежцы. А жаль. Читаешь о Иноземцеве, Рындине, Сидорине. Их внешний облик, слова, поступки, характеры — все напоминает тех людей, с которыми автор бороздил море и бил ноги по скользкому насту в морской разведке.

Глава XI

Погода на пороге зимы все реже и реже выпускала разведчиков в море. В Мотовском заливе кое-когда выбирали просвет в пурге или выпадало окошечко в ветродуе. На Варангере выискать подходящие полсуток удавалось редко. Ходили там только на «малых охотниках» да на торпедных катерах. Более крупным и менее скоростным кораблям прошмыгнуть горловину Варангера между северо-западной оконечностью Рыбачьего возле Вайда-губы, Вардё и Кибергом на норвежском берегу незаметно и без неизбежного обстрела с той стороны пролива не удавалось даже при плохой видимости. Катера прокрадывались, прижимаясь к берегу Рыбачьего, и отстаивались в Большой Волоковой, в Пумманках.

Подводные лодки, хотя и распечатали себе вход в залив Петсамо, пробирались под водой в Лиинахамари, но в надводном положении подойти к берегу на всем протяжении вплоть до Киркенеса скрытно никак не могли. Посты на мысах и островах, прослушивающие станции, шарящие по воде в темную пору прожекторы, батареи — все стояло настороже и берегло это побережье.

И все же разведчики пытались несколько раз пройти туда на подводных лодках. Но удачи не было. Одну лодку немцы обстреляли, другую, что пыталась прижаться поближе к берегу и укрыться в его тени, волны ударили о прибрежные подводные камни, помяли корпус, рули.

Командование отдела задумало использовать межсезонье, чтобы получше разведать аэродром возле Луостари.

Второй месяц напротив Мурманска, на другом берегу залива, тренировались лыжники отряда флотских разведчиков.

Шестерых мастеров-горнолыжников и альпинистов привезли из Ленинграда, другие работали или учились в Мурманске и попросились добровольцами на флот в разведку, третьих подобрали либо из запаса, либо из служивших на флоте.

Все они были хорошими лыжниками. Но никто из них никогда не пробовал спускаться с гор с полной походной выкладкой, не торил лыжным строем тропу в ночной темноте по сопкам и горам. И конечно, все он и ни малейшего понятия не имели о разведке.

Командовать этой лыжной группой назначили лейтенанта Фрола Николаева. Сперва подбирали и готовили снаряжение. Дело это оказалось не такое простое и легкое. В октябре, когда снег лег плотно и основательно, втянулись в ежедневные

многочасовые лыжные тренировки.

Лыжи, пригодные для боевых походов в горах, изготовили по спецзаказу и привезли в Мурманск. От мягких креплений и валенок сразу отказались. Они в гористой тундре не годились. Предпочли жесткие крепления и ботинки, с которыми отряд не расставался всю войну.

Во время тренировок с опытными инструкторами-горнолыжниками в пургу и в ночную темень, на крутых спусках было всякое: падения и ушибы на валунах, припорошенных снежком, был пот, катившийся ручьями. Трудности сцементировали лыжную группу.

Лыжникам предстояло совершить длительный маршрут к аэродрому.

Во время осенних походов выяснилось, что в районе финского селения Луостари, где существовал еще с мирного времени гражданский аэропорт, создана немецкая авиабаза. Разведчикам поставили задачу обследовать подходы к авиабазе, распознать систему обороны, засечь распорядок дежурства батарей, режим охраны.

Если все подтвердится, то, по замыслу командования флотом, по аэродрому будет нанесен комбинированный удар. Начнут разведчики, затем вступят в дело наши бомбардировщики, завершат операцию штурмовики.

Отряд встал на лыжи. Следом шел олений обоз из трех упряжек. На санях — боеприпасы, теплая, сшитая из оленьих мехов одежда и обувь, пулемет. Старшим каюром на передних нартах был недавний работник обкома комсомола Виктор Нечаев. Он же пригнал оленей из Ловозера. В помощь Нечаеву выделили разведчиков Гуляева, Ильинского и Замятина.

Близко к полуночи достигли землянок на берегу озера Нялявр. Красноармейцы, несущие патрульную службу, любезно приютили лыжников, хозяева потеснились, а нары в хорошо натопленных землянках предоставили гостям.

Утром, задолго до рассвета, двинулись в путь.

Морозец стоял небольшой, градусов около десяти. Для лыж это самая подходящая погода. На марш вышли основательно натренированные ходоки, и все же идти с грузом и снаряжением, которого набралось в рюкзаках каждого килограмм по тридцать — тридцать пять, было нелегко.

На небольшом спуске в сумерках не устоял и завалился в снег радист Палкин. Как ни старался встать сам, ничего не получилось. Руки вязли в глубоком снегу, ноги переплелись, одна лыжа повернулась носом назад, рюкзак тянул в снег, гирей на груди торчала рация.

К Палкину подъехал Михаил Черных, лыжник хотя и не классный, но все же немало походивший по снежным полям родной республики Коми. Черных подал Палкину руку, попробовал вызволить из снежной ловушки, но не удержался и сам уткнулся в снег головой. Так бы барахтались вдвоем, если бы не подоспели ребята.

Такие и другие оказии в походе случались нередко.

Шли почти весь день. Сделали большой привал только тогда, когда снег заискрился, а округа затянулась просветленной синевой. Передохнули часа два. Проветрили и подсушили пропотевшие фуфайки, свитера, ватные брюки, носки и портянки. Взамен сохнущего снаряжения натянули на себя оленьи куртки, брюки, пимы.

Операцию эту лыжники стали осваивать с первых своих походов. Учли опыт финнов по походному снаряжению и экипировке.

Вечерние сумерки не заставили себя долго ждать. В пути останавливались еще на два коротких привала, но уже не переодевались и не переобувались.

В ночь на 9 ноября пришли на Зимнюю Мотовку. На плоской закустаренной высоте замаскировался небольшой пост пограничников. Сюда выдвинулся левофланговый дозор войск, оборонявших Мурманск, далее к югу вплоть до Кандалакшского направления лежала пустынная, то вздыбленная горами и сопками, то изъеденная оспинами болот и озер тундра без людей и без селений. А в сторону Финляндии до самых верховьев Западной Лицы ни советских, ни немецких войск не было. Ходили только подвижные дозоры то с запада, то с востока. Этим «ничейным» коридором и пользовались разведчики, проникая в Финляндию и в Норвегию.

В землянках тесноты и скученности не чувствовалось, так как их добротно построили пограничники и приходившие сюда раньше разведчики.

Утром старшин лейтенант Изачик обещал познакомить лыжников с разведчиками, ходившими в далекий тыл врага и только что возвратившимися на базу. Но встреча не состоялась. Произошло ЧП. Командир группы Павлов оказался трусом и обманщиком. В разведку он начал ходить еще в июле. Совершил несколько рейдов, принес немало ценных сведений. Эти донесения никто не проверял. Ему верили на слово. Тогда он подумал: а зачем бить ноги, ходить на сотни километров, что ни доложишь — все примут за чистую монету.

В последнее время Павлов, получая задание, к цели не ходил. В нескольких километрах от промежуточной базы он отсиживался

в зарослях. Когда приближался срок возвращения и рюкзаки с продуктами пустели, возвращался на Мотовку. Выдуманные донесения шли в штаб.

— Вы идете в тыл врага, — сказал старший лейтенант Изачик, обращаясь к Фролу Николаеву, — в опасную и очень важную разведку. Павлов доносил, что путь чист, можно идти без опаски. Посмеете ли вы положиться на это заверение? Павлов обнадеживал командование, что ходить известными нам проходами можно смело. И это учитывают штабы при разработке операций. Не раскройся сегодня обман, последствия могли оказаться самые тяжелые.

Совет командиров на погранзаставе решил: Павлова разоружить, взять под стражу и наказать со всей строгостью военного времени.

Никто из разведчиков не сталкивался еще с таким обманом на военной службе. Преступление это не обсуждали. Позорное вранье, забвение святейших правил разведчика, пренебрежение жизнью и судьбой боевых товарищей вызывало глубокое возмущение. Это был суровый урок для всех.

Группы по три-четыре человека обошли ближайшую к Зимней Мотовке округу, осмотрели окрестности. Везде лежала нетронутая снежная целина. Ни лыжных следов, ни пешеходных троп, только местами возле кустов да по берегам ручьев напетляли свои узоры зайцы. Попадались и осторожные стежки лисиц. Кругом — и на сопках и в низинах заиндевелая белая пелена.

11 ноября, когда стемнело, отряд вышел с Зимней Мотовки в сторону Луостари.

Снегу в долинах лежало еще больше, чем на озерах по пути от Мишуковской дороги, здесь его не столь плотно утрамбовало, он распушился как свежевыпеченный хлеб. Лыжи у передних дозорных утопали, сил у головной тройки хватало на полкилометра, приходилось ее менять. Николаев с Шелавиным отошли с лыжни в сторону посмотреть людей на марше.

Идут хоть и не ходко, но ровно, не спотыкаются и почти не падают, — похвалил лыжников Федор Шелавин.

— Не зря целый месяц мотали их по сопкам до по долинам. Сколько нападались на спусках, поспотыкались о камни, набили себе синяков и ссадин. Все пошло впрок.

Шли с двумя короткими привалами часов восемь. Около полуночи остановились на ночевку. Присмотрели подветренный нижний скат высоты с загущенным кустарником, расселись на лыжи и на рюкзаки. Каждый подрыл себе небольшую снежную нору, переоделся в меховое. Дозорные несли свою вахту, сменяясь

через каждые два часа.

Еще с вечера погода стала меняться, небо потемнело, насупилось, округа набрякла принесенной с моря сыростью, местами повис туман, теплые гольфстримовы потоки вытесняли настуженный воздух гор и долин.

Утром туман еще более сгустился.

Шагали одной цепочкой, без боковых дозоров. Долиной реки спустились к озеру Чапрявр, пересекли его, одолели вздыбленный перешеек с ручьем и вышли к озеру Кошкаявр. На берегу его раньше стояла погранзастава. Теперь из-под снега торчали только остатки фундаментов. Все строения спалила война.

С гор потянул ветер, на смену туману и сырости надвигался буран. Разведчики улеглись на отдых возле кирпичных и каменных столбов. Как ни донимала стужа, а снег все же под спящими подтаивал. В прошлые ночевки кое у кого меховые костюмы намокли. Виктор Нечаев внушал всем, что оленья одежда воды не терпит, ее нельзя мочить, иначе шерсть полезет. Если уж где и попала влага, куртку, штаны или пимы надо проветрить на холоде.

В этот раз снег подрыли вплотную возле остатков строений, положили лыжи вниз креплениями, на них улеглись, подгребли с другого бока снежные бугры. Ветер стал меньше донимать.

Когда сыграли подъем, каждый выбирался из снежной берлоги.

Позади осталась река Титовка. Повернули на север.

Федор Шелавин пожаловался командиру группы Николаеву на боли в животе. Что-то, говорит, заныло, поташнивает. Лейтенант спросил его, сможет ли идти дальше или отправить обратно с одним-двумя сопровождающими. Федор ответил, что в походе и так мало людей, он потерпит, а там, может, и пройдет.

На привале Шелавина разгрузили, рюкзак и связку с меховой одеждой взяли по частям нести другие разведчики, шел он налегке, только автомат забросил за спину, временами то ли при неловком шаге, то ли при далеко скользнувшей лыже издавал приглушенный, сдерживаемый стон.

Перешли реку Петсамо-Йоки в верховьях и повернули по ее левому берегу к северу. Небо стало почище, немного прояснилось. Кое-где просвечивали звезды. Снег сделался рыхлее, зернистее, лыжи скользили без усилия, как будто сами катились.

Туго приходилось на спусках с холмов и с береговых откосов. В темноте глаза не различали, куда несут лыжи. Тормозили и лыжами и палками, распахивая снег как угольником. Падали все реже и реже, день ото дня лыжи становились все послушнее, обреталась сноровка и подсознательное чутье: если вскинуло

впереди спускавшегося, настораживался и катившийся следом.

14 ноября приблизились к цели. Потянул ветер с моря, принес теплый воздух, заморосил дождь. Сверились с картой. Близость аэродрома чувствовалась во всем: слышался шум самолетных моторов, доносились автомобильные гудки, временами небо бороздили лучи прожекторов, указывая путь заходящим на посадку самолетам, то вспыхивали, то исчезали огоньки автомобильных фар.

Впереди, несколько особняком, отрезанная широкими лощинами от других высот торчала небольшая сопка. Возле южного подножия ее устроили лагерь для большого привала. Выставили дозоры, утрамбовали снег между зарослями кустов, сгрузили рюкзаки, сложили в сторонке груз, переоделись.

Николаев послал Старицкого и Бакешина обойти высотку, посмотреть, не попадутся ли дороги или лыжные следы к аэродрому.

Посланцы вернулись примерно через час; ни на высоте, ни поблизости люди не ходили и не ездили, снег лежал нетронутый.

Ночь прокоротали в снегу, дозоры ни разу не потревожили спящих.

Утром Николаев отобрал две группы и велел им отыскать места, с которых можно скрытно следить за аэродромом.

Младшему лейтенанту Синцову с тремя разведчиками — Богдановым, Замятиным и Ивановым — он велел пройти к северо-востоку километра на два, поглядеть, каковы подходы и каков обзор.

Другая группа натянув маскхалаты, налегке, только с оружием, пошла по склону сопки, а потом лощиной посмотреть, насколько близко расположен аэродром.

Федору Шелавину становилось все хуже и хуже. Он почти не мог сидеть. Разостлали меховые куртки, уложили, укрыли. Но Федор вскоре попросил поднять его, лежать и сидеть оказалось еще больнее.

Стало ясно: идти он больше не сможет. Из лыж связали волокушу, протянули постромки, чтобы в них могли впрячься двое лыжников. На волокушу приспособили меховую подстилку. Подготовились везти заболевшего.

Прошел час, второй, третий… От людей, посланных в дозор, не поступало никаких сигналов, хотя было условлено, что, если возникнут сложности, они дадут красную ракету.

После полудня в районе, где располагался аэродром, послышалась стрельба. На малой высоте пролетел над разведчиками самолет. По приказу Николаева стали готовиться к отходу: разобрали оружие и имущество, уложили Шелавина на

лыжи-волокушу. Каждый залег на отведенной ему позиции, изготовившись поддерживать своих и отразить нападение.

Младшего лейтенанта Синцова с семеркой разведчиков Николаев снова послал к северному склону сопки, велел поддержать разведчиков, если они будут прорываться силой.

Синцов вернулся минут через сорок, доложил, что видел вражеских солдат с собаками, но катились они на лыжах без остановок, не стреляли. Из-за сопки, откуда можно было ожидать наблюдателей, никто не появлялся, стрельба идет будто бы намного левее.

Командир отряда Фрол Николаев молча вслушивался в тревожный разговор своих людей. Перешептывались, высказывали предположения, но все надеялись на благополучный исход.

«Какой народ! — думал Николаев. — В тяжелую минуту лучше, чем за месяцы и годы, узнаешь, чем живет и дышит подчиненный тебе человек. С такими можно горы свернуть! С ними можно воевать!»

Больше половины группы Николаев выставил в дозоры, остальным приказал отдыхать, готовясь к смене часовых.

Был на исходе третий час дня, когда Головин, Старицкий, Никандров и Кеньев вернулись к лагерю, который они покинули утром. Все облегченно вздохнули.

В пути разведчики натыкались на старые следы лыж.

Немцы или финны ходили тут с неделю назад, а то и более.

Был ли это постоянный маршрут патрулей или след от каких-то случайных путников, определить трудно. Сопка кончалась крутым обрывом. С нее аэродром виден как на ладони.

Ребята бегло оглядели все, что открылось взору. Отчетливо видели не только строения и самолеты, но и людей. Поблизости от себя ни дозорных постов, ни подвижных патрулей не заметили. Только на соседней сопке засекли зенитную батарею.

Успокоившись и отдышавшись, стали все записывать и зарисовывать, привязывать к координатам, прикидывать расстояния, отмечать на карте, сопоставлять с показаниями компаса.

Сперва руки мерзли, карандаш держался плохо. Несколько раз растерли их снегом. Нанесли на бумагу весь поселок: и дома, и метеостанцию, и командно-диспетчерский пункт, стоянку грузовиков, бензовозов, чуть отодвинутую в сторону радиостанцию с частоколом мачт и паутиной антенн на них.

Самолеты после посадки заруливали куда-то вбок и скрывались из виду. Оттуда же появлялись те, что собирались взлетать.

Захотелось получше рассмотреть стоянку самолетов.

Головин и Старицкий вызвались забраться на дерево, чтобы поглядеть в бинокли.

С деревьев и в самом деле виделось намного дальше. Просматривались и капониры, в которых укрывались самолеты, и снежные бугры, отделявшие одну стоянку от другой. Четче различалась зенитная батарея. Заметили скопление палаток.

Лай собак, одиночная стрельба и пулеметные очереди слышались еще до того, как разведчики влезли на деревья. Но и с дерева не было видно, где ходят люди с собаками.

Вернулись без происшествий.

— За вами никто не гнался? — первое, что спросил Николаев с дрожью в голосе не то от холода, не то от долгого нервного напряжения.

— Нет, мы шли тихо.

Посмотреть подходы к аэродрому с южной стороны сходило еще одно отделение разведчиков.

Федор Шелавин, согнувшись, простоял весь день на лыжах, опираясь на палки. Время от времени кто-нибудь из разведчиков подходил к нему сзади, становился на четвереньки. Федор садился ему на спину, давая ногам отдых.

Ему опять помогали встать и навалиться плечами на палки.

Кто-то из ребят предложил положить Федора на связку меховых костюмов, соорудить из них подстилку на лыжах. Опытный оленевод Виктор Нечаев мастерски сделал такую укладку. Федора аккуратно, придерживая руками, опустили на мягкий лежак. Но он тут же попросил поднять. Больного поставили на ноги. Собрались советоваться, как быть.

Федор попросил попробовать прикрепить его палки к рюкзаку впереди идущего, а он будет за них держаться, как за оглобли или постромки.

Попробовали провезти метров сто, Шелавин порадовал, что так ему не очень больно, а руки и ноги крепкие, выдюжат.

15 ноября группа снялась со стоянки и двинулась от Луостари обратно к Зимней Мотовке.

Шли по своей прежней лыжне. Но теперь старались избегать не только крутые, но и пологие длинные спуски, по ним петляли зигзагами. Где нельзя было миновать угор, там двое лыжников поддерживали Федора под руки, а сами тормозили лыжами как снегопахом.

С моря тянуло и тянуло сыростью.

Лыжи шли плохо, почти вовсе не скользили. Перепробовали все мази. Самые опытные колдовали, пытались скомбинировать какие-то суррогаты. Но все это мало помогало. Чаще и чаще приходилось лыжи снимать и соскабливать снег ножами.

Идти час от часу становилось все труднее и труднее. Люди выбивались из сил. Будь бы дорога или торная тропа, пешком шли бы намного быстрее.

Через семь суток вернулись на Зимнюю Мотовку, протопав две с половиной сотни километров.

Федора Шелавина без задержки отправили на оленьей упряжке в полевой госпиталь. Врачи там осмотрели его и установили тяжелую форму аппендицита, отросток лопнул, гной уже разлился по брюшине. Немедленно положили на стол, хирурги взялись за операцию.

«Парень должен встать на ноги!» — так думали все вернувшиеся на свою базу под Мурманск.

Глава XII

Командир разведотряда Инзарцев жил в маленькой комнатке на втором этаже отрядного дома. Обстановка в комнате скромная. холостяцкая. Железная койка с пружинистой сеткой, слежавшийся ватный матрац, байковое одеяло.

В шкафу лежали карты, справочники, уставы, наставления. Вся отрядная канцелярия вмещалась в книге приказов. В ней же регистрировались прибывающие в отряд и убывающие из него. Разведчик Вася Горшков, назначенный по совместительству писарем, расположившись в кухне, называвшейся ныне конторкой, составлял ежедневно рапортички о людях, состоящих на довольствии.

На столе, придвинутом вплотную к окну, лежало несколько листов бумаги и свернутые в трубку карты.

Инзарцев, перекладывая листочки один на другой, вполголоса рассказывал Карпову о новом задании, которое утром получил в разведотделе. Предстояло разведать обстановку по левобережью губы Западной Лицы южнее Пикшуева.

Инзарцев развернул карту, прочертил карандашом ориентировочный маршрут, пояснил:

— Армейским наблюдателям обратные скаты сопок не видны. Где-то в этих местах засечена артиллерийская батарея. В штабе есть сведения, что по берегу немцы соорудили много опорных пунктов. А где точно — пока не ясно. Без высадок с моря выяснить систему огневых точек врага невозможно.

Инзарцев вызвал Степана Мотовилина. Тот вошел и доложился по-уставному, но как-то коряво, по-граждански. Да откуда могла и взяться военная выправка у пожилого человека? Был он опытным следопытом, хорошо знал места, где предстояло совершать операцию.

— Места мне знакомые, — подтвердил Мотовилин, — До войны там лавливал рыбу на озерах.

— Иди думай, вспоминай тамошние пути-дороги, по-всякому может случиться, прикинь, где егеря могли выбрать себе места для жилья, — наказывал Инзарцев.

Вечером 12 ноября с двух «малых охотников» отряд высадился на Мотовское побережье километрах в шести южнее Пикшуева. Левее, за Западным проливом, высунулся из воды остров Кувшин. Если смотреть сверху, этот остров в самом деле напоминает пузатый кувшин с горлышком.

Снег казался не глубокий, наст держал без лыж надежно. Лыжи оставили на берегу. Вытянулись в цепочку и пошагали

гуськом. В головной дозор Инзарцев послал Радышевцева с отделением, а прикрывал колонну Кашутин. Сам Инзарцев шагал в середине шеренги, возле него все время держался Мотовилин.

Шли спокойно часа два. Ни дороги, ни натоптанной тропы, все время по снежной, покрытой коркой целине. То вверх в гору, то вниз по болоту либо в лощине. За два часа одолели чуть больше трех километров.

Карпов догнал Инзарцева:

— Не поспеем обернуться к утру, не достигнем мы реки.

— А кто нас туда гонит? Пройдем сколько удастся. Застанет рассвет, если на немцев не напоремся, отлежимся в снегу, потом опять вперед.

— А обратно как? Нас двое суток катера ждать не будут.

— Я думаю, наткнемся на егерей гораздо раньше, — успокоил Карпова Инзарцев и, обращаясь к Мотовилину, спросил: — Узнаешь эти места?

— А как же не узнать, — ответил разведчик. — А ты сам всмотрись. Разберешься что к чему.

Перед разведчиками простиралось чистое поле. Снег лежал на нем ровный и белый, местность словно покрыли простыней.

— Думаешь, поляна? — спросил с хитрецой Мотовилин. И сам ответил: — Не-е! Здесь озеро. А окрест его клюквенные болота.

Миновали озеро. Невдалеке от его южного берега наткнулись на телефонные провода, подвешенные на невысокие треноги. Алексей Радышевцев, шагавший первым, послал моряка с донесением к Инзарцеву. Тот приказал выяснить, откуда и куда проложена телефонная связь.

Провод спускался с пологого берега и тянулся на крутой обрыв.

В проеме каменного увала замаячила какая-то тень. Разведчики залегли. Мотовилин шепнул Инзарцеву, что на склоне он видит землянку.

Из-за каменного увала вышел немец. Он неспешно шел в сторону разведчиков.

— Стреляй! — шепнул Инзарцев, но вместо шепота вырвалась резкая команда.

— Не надо бы, командир… Нашумим… Немец поднимет тревогу, — беспокоился Мотовилин, лежавший рядом с Инзарцевым.

Часовой, видимо, не услышал голоса Инзарцева, неторопливо дошагал до конца своей тропы, развернулся. Его кованые ботинки заскрипели в другой стороне.

Инзарцев подозвал старшину Червонного:

— Возьми кого-нибудь из своих и снимите немца тихо.

Немец дошел до отмеренного им рубежа, только собрался повернуть назад, как нож угодил ему между лопатками.

Пригляделись. Бугры, расположенные совсем рядом, оказались заснеженными землянками. Рядом частоколом стояли воткнутые в снег лыжи.

В ближнюю землянку метнули несколько гранат. Взрывом сорвало с петель дверь. В обнажившийся проем полетели новые гранаты. Оттуда слышались крики, но на улицу никто не выбежал.

Слева, с пригорка, заголосил пулемет, заверещали автоматы. Там оказался незамеченный разведчиками блиндаж.

— Степан, беги с кем-нибудь туда, подавите вражеский огонь, — сказал Мотовилину Инзарцев.

Мотовилин, Маер и еще несколько человек побежали к блиндажу. Огонь прижал их к земле. Мотовилину все же удалось подползти, удачно метнуть гранату. Пулемет в блиндаже замолк.

Геннадий Карпов вел за собой разведчиков на штурм другой землянки, из которой строчил пулемет.

На косогоре, плюхнувшись в снег, залегли егеря и открыли огонь из автоматов.

Инзарцев надрывался во весь голос:

— Лупите их гранатами, уймите!

Рывок разведчиков притормозился, атака захлебнулась. Немцы, оправившись от шока, не суетились, не бегали, стреляли слаженно, кучно.

Инзарцев приказал отходить: сбор у катера на месте высадки.

Инзарцев с группой Чинговатова, радистами, отделением Кашутина и приданными на поход бойцами из штабной комендантской команды по своей протоптанной тропе вернулся к берегу. Передали радиограмму, вызвали катера.

На берегу не оказалось лейтенанта Карпова, отделения Радышевцева, не досчитались Маера, куда-то запропастился Степан Мотовилин.

Перед утром к отряду выбрался Радышевцев со своими. Через некоторое время прибрел и Мотовилин. Рука у него перевязана, бинт побурел от крови.

Радышевцев, как обычно, неторопливо, не сбиваясь, рассказал, как, получив приказание обойти землянки, они метнулись по непримятому снегу, но не заметили, как немцы из двух других землянок выбрались наружу, огрызнулись из автоматов и карабинов. В тот же миг ударил пулемет из блиндажа. Бросили несколько гранат, но они не долетели. А пулемет прижал так, что пришлось прятать голову в снег. Лежим.

Команд никаких ни от кого. Решили возвращаться к берегу. Вот и догнали вас.

Степана Мотовилина, когда он метал гранаты, по руке хлестанула пуля.

— Вот тут, — показал Мотовилин на бинт у предплечья. — С минуту полежал, покричал Маера. Алеша не отвечал. Достал пакет, забинтовал руку.

Мотовилин притих. По его щекам катились крупные слезы. Сдавленным голосом он говорил будто самому себе:

— Задача, товарищ капитан, конечно, решена. Теперь знаем, где у немцев огневые точки. Только какой ценой решили эту задачу? Убит лейтенант Карпов и еще трое наших. Взрослые люди, а вели себя как дети. Ведь было время осмотреться, распознать, где какое вооружение у немцев. Получился пшик. Пролита зазря кровь. И «язык» был почти в наших руках. Часовому вместо ножа в спину нужен был кляп в рот.

Инзарцев молчал. Перед глазами стоял Геннадий Карпов. Лейтенант первым рванулся в атаку. Разведчики забросали гранатами блиндаж. И в этот миг пулеметная очередь из дзота, который не засекли, сразила Геннадия. Инзарцев острее других переживал его гибель. Карпов был правой рукой командира отряда. Его любили за смелость и отвагу. Он знал, как никто другой, заботы и печали краснофлотцев. Накануне он предупреждал Инзарцева, что нет смысла предпринимать эту операцию, так как сам недавно побывал у вражеского берега и знал, что он сильно укреплен. Инзарцев пропустил его слова мимо ушей, не настоял перед начальством. И вот она, расплата.

Глава XIII

Визгин пригласил к себе в кабинет Добротина и Людена, предупредил дежурного, чтобы без особой нужды их не отвлекали.

— У нас за эти дни, — сказал Визгин, — скопилось немало весьма важных сведений. Надо посоветоваться.

Недавно армейские разведчики захватили в плен финского лейтенанта, который сидел чуть не до последних дней на Пикшуеве. Место это, как известно, бойкое, куда ни плывешь — в Озерко, в Эйну, в Кутовую или на Лицу, никак не минуешь Пикшуева. Оттуда все на виду.

— Этот финский лейтенант, — сказал Добротин, — на допросах прозрел, а потом прямо сказал, что разуверился в войне, финнам она пользы не принесет. Осенью служба у них унылая, стреляли редко. Солдаты мерзли на продуваемом всеми ветрами мысу. Снежные бураны, метели за ночь начисто заметали траншеи, капониры, ходы сообщений. Ветер выдувал скудное тепло из землянок. На голом гранитном Пикшуеве, считай, что не служба, а каторга.

Упрашивали начальство этот пост снять, людей перевести поглубже на материк. В конце концов такое согласие было получено. Оружие закопали. Оно, мол, пригодится весной.

Рассказ Добротина заинтересовал Визгина, он предложил:

— Может, сходим, поищем? Если все там — заберем, зачем оставлять?.. Чтоб опять, в нас стреляли?

Люден поддержал эту идею.

— Но идти некому, — возразил Добротин. — Разве что подобрать разведчиков из морской пехоты, особенно из тех, кого передали из отряда в сентябре. Я недавно видел Авакьяна, горюем, говорит, скучаем по своим. А из отряда послать тех, кто в операцию еще не ходил.

— Это разумно, — согласился Визгин, — готовьте операцию. Попробуем выгрести у егерей оружие.

Пошли к Пикшуеву на двух мотоботах, на каждом уместилось по тридцать пять разведчиков. Выбрали не раз испытанные боты потому, что они хорошо держатся на волне, верхняя палуба попросторнее, есть трюм для груза да еще ручная лебедка со стрелой.

Вместе с разведчиками отплыл лейтенант-пограничник Миронычев с красноармейцем. На их попечение определили пленного финна и переводчика.

Эти рыболовные суденышки ходили в мирное время на

путину в прибрежных водах. Далеко не заплывали. Плавали с флажной сигнализацией да светофором. В нынешнем походе могла случиться всякая непредвиденность. В поход выделили радиста Володю Чижевского, который с разведчиками сойдет на берег и в случае необходимости даст сигнал.

Едва высунулись из Кольского залива и повернули за Сетьнаволок, как на мореходов обрушился восьмибалльный шторм. Утлые ботики волнами трепало как скорлупки.

Командир разведчиков пробрался в рубку к рулевому, с ним вахту нес старшина головного бота.

— Что будем делать, командир? Волной окатывает моих ребят. Разве под плащ-палатками убережешься?

— Надо возвращаться, товарищ лейтенант. Дальше еще хуже будет, измотает нас до Пикшуева.

— Плохая примета — назад ходить. Пути не будет. А нам задачу надо выполнить.

— Как вы ее выполните? Может, и к берегу не подойти. И до ниточки мокрехонькие…

— А если повернуть в Порт-Владимир? Это по пути, все не назад.

— Туда можно. Отстояться есть где, в бухте за ветром. Там свои люди, попросим, помогут и харчами и горючим.

В кубрики люди не вмещались. С верхней палубы кого спустили в машинное отделение, кого затолкали в крохотный тамбур, кого примостили на камбузе, на трапе. Крышку люка над трюмом открывать не рискнули, побоялись, захлестнет волной, потом не откачаешь.

От мыса Шарапова подались в Порт-Владимир, забрались в бухту, там отстоялись, высушили одежду, отогрелись в землянке обслуги порта. Ждали погоду почти весь день. Вечером покинули Порт-Владимир. Море немного улеглось, ветер стал затихать, только «мертвая зыбь» перекладывала боты с одного водяного увала на другой. Они уже не зарывались форштевнями в волну, вода не перекатывалась от носу к корме. Перешли на Рыбачий, в Эйну.

Постояли час-два, передохнули. Мотористы что-то подтягивали и подлаживали в машинах, особенно барахлил мотор на ведомом боте. По нескольку раз выверили все и снаружи и внутри обоих суденышек.

В полночь отошли от бревенчатой пристани Эйны и по Мотовскому заливу пошли к его южному берегу, к Пикшуеву.

К берегу подойти не удалось, накатные волны бились о гранитные лбища, с шумом вскидывали лавины воды, рассыпались брызгами и пеной.

Прошлись взад-вперед вдоль берега, попробовали подобраться поближе. Ни одного тихого местечка, ни малейшего закутка, ни бухточки, ни островка, за которым бы волны были поменьше.

Примерно в кабельтове от берега бросили якоря. Держали они хорошо, не ползли. Но болтало весьма изрядно, только не било о камни.

Отвели кран-балки, стали спускать за борт шлюпки.

— Эй, зачем вы спустили это решето? — закричал Модест Грошков, немало поплававший по морям и океанам на больших судах и знавший толк в шлюпках.

— Какое решето?

— Да вот это, — показал на днище шлюпки Яков Попов, знавший до тонкостей шлюпочное дело, ходивший под парусом, участвовавший в шлюпочных соревнованиях.

В отряде Яков числился баталером. Он, Грошков да еще с полдюжины таких же, выздоравливающих после ранения, ребят охраняли отрядный дом, инвентарь, несли дежурство. А ныне почти все они оказались в походе.

— Это не решето, а шлюпка, — сказал боцман бота, будто не замечая, что вода в ней добралась уже до банок.

— Эту дырявую посуду вы называете шлюпкой? Плавучий гроб надежнее. На ней только на дне раков кормить, — огрызнулся Аркадий Авакьян.

— Цепляй стропы, будем выбирать назад, — согласился боцман.

Шлюпку подняли, на талях наклонили на один борт, слили воду.

— Как вы на ней ходили? — допытывался Грошков.

— А мы не ходили, она стояла все время на кильбалках, — ответил боцман, закрепив шлюпку и вытирая руки ветошью.

— А проверить не могли? А вдруг бы понадобилась в море, вдали от берега… Как бы себя чувствовали? — не унимался Попов.

— Что наш бот, что шлюпка — оба одинаковы, и на той и на другом далеко не уйдешь, примеривайся ко дну, — отмахнулся боцман.

— Хватит болтать, — прикрикнул командир десантной группы, — делом занимайтесь. Как теперь с одной шлюпкой будем управляться?

— Как надо, так и управимся, — заявил Авакьян.

Бот на якорь-цепи болтало волной, он ходил ходуном, шлюпку от другого бота подвели к головному, но она ускользала то чуть не к днищу бота, то ее вскидывало к леерным стойкам.

Приловчился и первым прыгнул в нее Авакьян, сразу же ухватился за банку, удержался, выровнял шлюпку, чтоб не кренилась, перебрался к пеньковому концу, который на весу держал моряк на боте, поймал его, ухватился и держал руками как швартовый трос. Другой моряк продолжал удерживать шлюпку с кормы отпорным крюком.

Оттолкнулись от борта, навалились на весла.

Люди на ботах поглядывали то на шлюпку, то на берег. Шлюпку бросало вверх и вниз, вскидывало на гребень, опускало между волнами, но шла она довольно ходко.

Гребцы подогнали шлюпку к берегу на затихающем накате, десантники выпрыгнули на обсушку. Моряк напрягся и с откатной волной оторвался от камней, следующую волну встретил носом, его перекинуло через гребень, очередной отлив потянул еще дальше в море. Надавил на весла, напружинился, следующим откатом опять отбросило, но до бота все же дошел.

В шлюпку спустилась очередная партия…

Те, что высадились на берег первым рейсом, не стали ждать, пока соберутся все, полезли по откосу вверх, — то брели по снегу, ломая нетолстый наст, то натыкались на заледенелости. Скользкие места либо обходили, либо растаптывали, прокладывая тропу для остальных.

Гуськом, группа за группой, подтянулись к остаткам маяка. Тут ничего заметно не изменилось. Из-под снега выступали капониры, брустверы, огневые точки и ходы сообщений..

Пленный финн показал места, где, как ему помнилось, зарыты в снег орудия, боеприпасы и другое тяжелое имущество. Не покажи он, никогда не угадать, что там что-то схоронено, снег и снег, местами торчат бугорки, какие ветер надувает на открытых местах.

Откопали один ствол, вскоре из-под снега показался второй, оба от малокалиберных орудий, типа «сорокапяток». Не обманул пленный, не к пустому месту привел. Повеселели, дело пошло проворнее. Из снежного навала выгребли лафеты орудий другого калибра, раза в два побольше, нашли замки.

— Авакьян, Попов, спускайте стволы и лафеты вниз, — командовал лейтенант.

— Товарищ лейтенант, на такой волне утопить запросто, качнет посильнее — и булькнет за борт, — сказал Вася Горшков, знавший повадки моря.

— Я тебя самого булькну, не за тем сюда шли, чтобы в море топить. Все доставить в целости и сохранности. И пусть на ботах крепят как следует, чтоб не ерзало, никакой слабины в тросах, — приструнил командир.

Нашли ящики со снарядами, потянули их по снегу вниз, а их ни много ни мало — триста тридцать снарядов, потом наткнулись на цинковые коробки с винтовочными патронами, на бочку с бензином.

— Скатывай ее вниз.

Отрыли скатки телефонного кабеля, его оказалось семь километров.

Лейтенант Грачев подошел к переводчику:

— Спроси пленного, почему все это отсюда не увезли.

— Тащить на себе по горам тяжело. Да и незачем. Весной бы вернулись.

— А как сюда привезли?

— На катере из Титовки.

— Как на катере, на каком? — изумился лейтенант.

— Его на прицепе автомобилем прикатили из Норвегии. На катере сюда все тяжелое по заливу переправили. Он сломан. Стоит на обсушке.

Никаких сведений о том, что немцы ходят по заливу на своем катере, в штабах не было.

Перелопатили и истоптали снег вокруг, выгребли еще немало имущества, все спустили к берегу. Приближалось утро. Не управились и с половиной найденного.

— Все, на этом кончай! Пойдем на Рыбачий. Там переждем. Вечером снова придем, — объявил командир.

— Может, на часик-другой задержимся, все заберем, а потом уйдем в Эйну, — осмелился предложить Авакьян.

— Нельзя рисковать, на свету заметят — побьют из пушек или напустят самолеты.

Чижевский отстучал радиограмму, что отряд уходит с трофеями в Эйну. Как стемнеет — вернется, чтобы подчистить все на берегу.

Вечером перешли к Пикшуеву одним ботом. Подобрали с берега все до последнего ящика. Затеяли столкнуть на воду и немецкий катер.

— Зачем эта рухлядь? — возразил кто-то.

— В хозяйстве пригодится, корпус есть, машина тоже. Мастера вал заменят или нарастят, винт поставят. Еще нам послужит.

— Чего надрываться толкать? Заведи конец с бота, буксиром стянем…

— И верно!

Стянули катер в воду, взяли его на буксир и пошли в Эйну. Пристали к борту ждавшего их бота. Задерживаться долго не стали, выровняли груз, сменили буксирный канат к трофейному

катеру и отвалили от причала.

Шли в кильватере, головной бот буксировал катер, за ним, поотстав на кабельтов, пыхтел двигателем, временами выбрасывая искры из выхлопной трубы, второй бот.

Море не улеглось. В такую осеннюю пору оно редко бывает спокойным. Все ходит ходуном, ветры его раскачивают.

Трофейный катер без рулевого то зарывался, носом в волну, то подставлял ей бока. Со второго бота просемафорили, что двигатель у них барахлит, работает с перебоями, чихает, фыркает, ему делают вспрыскивания, подкручивают, он какое-то время снова постукивает поршнями, а потом опять замирает.

Отцепили буксир с трофейного катера, закрепили его на втором боте, немецкий оставили болтаться на волнах. Наблюдатели из Порт-Владимира позднее сообщили, что катер затонул.

Визгин остался доволен исходом операции. У отряда теперь есть много трофейного оружия и боеприпасов. И то и другое пригодится в походах по немецким тылам.

Глава XIV

Начальник штаба флота контр-адмирал Кучеров сказал начальнику разведотдела Визгину:

— Командующий дал мне сегодня полдня, предложил отключиться от всех дел, чтобы я мог получить четкое представление об основных направлениях деятельности разведотдела на перспективу, как минимум до весны.

Разговор шел в кабинете Кучерова, где на столе были разложены морские и сухопутные карты Заполярья.

Кучеров всегда держался строго, разговаривал резко и отрывисто, не допускал ни малейшей вольности со стороны нижестоящих.

Судя по хорошему настроению Кучерова, Визгин понял, что разговор предстоит доверительный и по этой причине ему, Визгину, не только позволительно, но и желательно называть начальника штаба флота по имени и отчеству.

— После обстоятельного обмена мнений, — начал Визгин, — у нас в разведотделе сложились довольно четкие планы дальнейшей работы. В условиях перехода немцев к жесткой и длительной обороне разведотдел считает необходимым сосредоточить внимание на двух норвежских провинциях — Финмаркен и Тромсё, где есть стоянки кораблей. Дело это очень трудное. Проникать туда можно только с моря или с воздуха. По суше зимой забираться в такую даль немыслимо. Людей там наших нет, прежние связи все нарушились.

Кучеров напомнил, что задача будет еще сложнее, так как от союзников пойдут к нам конвои с вооружением и грузами. Немцы не оставят их в покое.

Визгин ответил, что главная опасность для конвоев — немецкие самолеты.

Кучеров внимательно слушал, время от времени говорил: «Так, так!»

— Нельзя упускать, — продолжал Визгин, — на долгое время из-под контроля корпусные тылы врага, начиная от Титовки, кончая Петсамо. Будем время от времени ходить в эти районы, заведем, — как в инвентарной книге, учет каждого опорного пункта.

Кучеров посоветовал полнее привлекать авиаразведку, пользоваться данными, которыми располагают артиллеристы. Затем начальник штаба попросил поподробнее изложить план действий в тылу противника.

— Поход отряда Кудрявцева, — продолжал Визгин, —

многому нас научил. Я полагаю, и, думаю, вы согласитесь с нами, что партизанскую войну на Варангере разжечь невозможно. Горы голые, безлесные, спрятаться негде. Всего одна автомобильная дорога до Вардё идет по самому берегу моря. А в глубине полуострова только пешеходные тропы. Все поселки тоже прижались к самому морю. Селеньица мелкие. Все у немцев на глазах. Люди друг друга знают, всякий новичок сразу на виду. Никаких запасов продовольствия и одежды, все надо забрасывать морем или по воздуху.

— Что же по-вашему, не может быть никакой надежды на партизанскую борьбу на Варангере? — насторожился Кучеров. — Мы же не можем игнорировать указаний Центра.

— Просим согласиться с нами, — настаивал Визгин, — и доложить Центру, что ориентироваться на партизанские действия на Варангере не следует. Успех могут иметь только мелкие группы, по два-три человека.

— Два-три человека, — усмехнулся Кучеров, — что они смогут сделать, какой урон врагу нанесут?

— Два-три человека могут успешно вести разведку. По их данным будут топить немецкие корабли наша авиация и подводные лодки.

— Вы собираетесь ориентировать норвежцев на бездействие? — спросил Кучеров.

— Ни в коем случае. Норвежцы сами знают, что им делать. Недавно они сожгли два склада. Нам следовало бы помогать норвежцам оружием, особенно взрывчаткой.

Если они будут вести успешно разведку баз, портов, аэродромов, конвоев — это уже великое дело. В этом случае мы уничтожим больше фашистов. Диверсии поведут к провалам. Сейчас нужна строгая конспирация. Кудрявцев поторопился подбирать соратников, буквально через день разведчики пошли в селения. Правда, и мы не без греха: мало времени им отпустили, а задачи поставили сложные. Немцы и подсунули лазутчика.

Поход Кудрявцева заставил нас думать о том, что на каждую заброску следует отрабатывать варианты высадки и съемки: и с подводных лодок, и с катеров, и с воздуха. Кроме того, нужно выделять резервные продукты и снаряжение, забрасывать все это в тыл врага заблаговременно. Иметь деньги: и немецкие и норвежские.

— Так, так. Соображения очень важные. На мою помощь можете рассчитывать, — заверил Кучеров.

Визгин продолжал докладывать. Для забросок на Варангер готовятся пять групп, в каждой по три человека. Командир, как правило, норвежец, а радист наш. Надо еще позаниматься с ними

примерно с месяц. Дела идут пока неплохо. Люди между собой ладят, работают дружно. Норвежцы, как правило, намного старше наших по возрасту. Им по тридцать пять — сорок лет. На жизнь смотрят мудрее, оттого терпимее и спокойнее наших. Наши держат себя строго, понимают, что напарники — иностранцы. Общий язык стали находить, понимают друг друга с полуслова.

— Здоровый психологический климат, — заметил Кучеров, — это уже залог успешных действий.

— Первую группу, — сказал Визгин, — намечаем забросить на северное побережье полуострова Варангер в конце нынешнего года или в первых числах января. Вторую — через неделю-полторы после первой. Потом пойдут еще две группы в феврале в район Нордкапа и Тромсё.

— А что с Южным берегом Варангер-фьорда? Подходы к Киркенесу оставите без надзора? — забеспокоился Кучеров.

— Мы вам докладывали о неудачах, которые мы там потерпели. Примеривались и прилаживались так и сяк. И наконец пришли к такому выводу: раз невозможно подобраться туда, куда конвои приходят под разгрузку, надо нашим людям осесть в местах, откуда суда начинают плавание. Засечем выход, скажем, из Тромсё и будем продолжать наблюдение вдоль побережья от поста к посту. Немцы жмутся к берегу, идут фьордами, проливами, укрываются за островами, стараются не выходить из поля зрения своих постов, рассчитывают в случае опасности на прикрытие береговых батарей. Искать их с моря труднее. А наши люди обнаружат и наведут на цель.

— Это разумно! — согласился Кучеров.

Визгин высказал предположение, что норвежцы-эмигранты будут вхожи в селения и в порты. К отряду Кудрявцева помощники потянулись чуть не на второй день. Норвежцы нас ждут, на их помощь вполне можно положиться.

С радиосвязью все решено и отлажено. Радистов, по совету командующего флотом, подобрали превосходных, почти все окончили морской техникум, несли флотскую службу по радиоделу. Вахта в приемном центре обеспечена круглосуточная. Трудно сказать, как станем их слышать на большом удалении. Не решен пока один сложный вопрос…

— Какой? — поинтересовался Кучеров.

— Если групп будет работать сразу несколько, нынешний узел с непрерывной вахтой не справится. Надо развертывать еще один.

— Эту задачу сразу не решу, — ответил Кучеров. — Дайте расчеты.

Визгину удалось в этот день обсудить многие вопросы. Речь

шла о том, чтобы создать в отделе самостоятельную службу по связи с войсковой разведкой, авиацией, кораблями. Кучеров пообещал подкрепить разведотдел самолетами из ближайшего поступления, добиться, чтобы на кораблях были специалисты-разведчики, чтобы более активно помогала разведотделу бригада морской пехоты.

— Кого определили в норвежской группе старшим? — спросил Кучеров.

— Намечаем командиром этой группы назначить старшего лейтенанта Сутягина, а политруком Крымову. Она прислана к нам из запаса в первые дни войны. Отличный специалист. Много лет прожила в Швеции и Норвегии, знает Финляндию, Данию. Прекрасно владеет скандинавскими языками, говорит по-английски, по-французски, по-немецки.

Вечером Кучеров сообщил Визгину по телефону:

— Я доложил командующему о нашей беседе. Он в основном согласен с нашими выводами и предложениями. Приказал представить краткий, но мотивированный доклад по всем этим вопросам. Срок — два-три дня.

Через несколько дней Военный совет рассмотрел и утвердил основные положения о деятельности разведки на ближайшие месяцы. Не исключалось, что эти задания могут охватить лето и осень следующего года, если не произойдет какого-то коренного изменения оперативной обстановки.

Глава XV

К концу декабря сорок первого года завершилась подготовка второй группы разведчиков. Она состояла из двух норвежцев и одного русского. Если норвежцы не знали даже азов военного дела и надо было научить их стрелять, прыгать с парашютом, читать топографическую карту, распознавать типы самолетов, орудий, боевых кораблей — одним словом, преподать элементарные военные знания, то радисту Федору Крылову на это требовалось времени меньше. Он был моложе своих соратников по операции на добрый десяток лет, отслужил срочную флотскую службу, шесть лет отдал сверхсрочной, уволился в запас, не прожил гражданским человеком и полгода, как война снова вернула его на море.

Еще в мирные годы Федор Крылов много походил по чужим землям и водам, но в Норвегии не бывал и языка не знал, а без языка выполнять задание было трудно. Тем более что его напарники-норвежцы по-русски говорили плохо.

В этом деле Федору Крылову помог Рикард Эриксен. Еще в октябре сорок первого после стычки на Лангбюнесе несколько норвежцев ушли на шлюпке через море к советским берегам. Старшим из них, наиболее умудренным житейским опытом и образованием был Рикард Эриксен. Рикард помог отряду, особенно в походе по заснеженным горам. Раньше он был морским офицером, а потом школьным учителем.

Рикард разыскал кое-какие учебники на норвежском языке, попросил переправить из Норвегии пособия по грамматике, словари.

Рикард взялся обучать Крылова разговорной норвежской речи. Дело пошло резво: и учитель, и ученик прекрасно понимали друг друга, и через месяц Федор вполне сносно разговаривал не только на обыденные житейские темы, но и объяснялся с соратниками на профессиональном языке, мог вместе с командиром составить текст радиограммы на норвежском, перевести его на русский.

Командиром группы назначили соседа Рикарда из поселка на восточном Варангере, и тоже Эриксена, по имени Трюгве. Оба почти ровесники, им за сорок.

Трюгве исчез из-под надзора оккупантов на год раньше своего соседа. В предвоенном сороковом году осенью Трюгве и его пятнадцать односельчан с семьями пересекли на боте пролив на Рыбачий. В Норвегии у него осталось трое братьев, шестеро сестер, а один брат в ту же пору переправился в Англию.

Третий разведчик в группе — Франц Матисен — тоже односельчанин Эриксенов. Он моложе командира на два года, пересек морскую советскую границу в декабре сорокового года.

В первые дни сорок второго года на подводной лодке С-101 разведчиков доставили к северному морскому побережью полуострова Варангер. Приблизились к берегу восточнее Берлевога, к мысу Нолнес. Лодка прошлась под водой сперва на запад, потом на восток, в перископ осмотрели море, побережье. Ничего опасного не заметили. Всплыли и уже на дизелях проплыли вдоль берега мили две. Выбрали место для высадки.

Погода стояла хорошая, ветер небольшой, легкая волна почти не покачивала лодку. Правда, место это считается не из приятных, зимой пролив Эстхавет слывет безжалостным. В зимнюю пору рыбаки здесь не ловят. Небо было безлунным, серым от воды и от снега, но берег, до которого было всего с полкабельтова, просматривался хорошо.

За борт спустили две резиновые шлюпки, в одну сели разведчики с оружием и радиостанцией, у каждого в рюкзаках продукты на трое суток да еще небольшой запасец в отдельной упаковке.

Вторая шлюпка только начала грузиться, а первая уже отошла от борта. У берега накат все-таки вскидывал волны на скалы. Один разведчик удерживал шлюпку на не длинном лине, другой в момент, когда шлюпку поднимало волной, перебрасывал коробки и ящики третьему, а тот подхватывал их на лету и складывал на берегу.

Двое краснофлотцев-переправщиков доставили на берег санки, лыжи. На каждый рейс уходило минут двадцать. За это время подводную лодку течением отнесло в сторону, килем она коснулась грунта. Командир отвел корабль мористее еще примерно на кабельтов. Часы показывали четверть восьмого. Высадка заняла час десять минут.

Отнесли имущество метров на сто от уреза воды, уложили его на первое время штабелем, накинули палатки. Снега на мысу нет, его начисто выдуло безжалостным морским ветром.

Трюгве считал, что где-то поблизости должен быть рыбацкий домик.

Бродили по округе, протаптывая снег, часа три. Никаких человечьих следов, ни домика не увидели. Надо было оборудовать какое-нибудь примитивное жилье, чтобы хоть кое-как укрыться от ветра. Поставили стойки из лыжных палок, на них натянули палатку, растяжками из тонких льняных тросов закрепили за камни-валуны.

Влезли в это парусиновое жилье. Сперва показалось, будто

добрались до тепла. Но вскоре стужа пробралась сквозь одежду, ползла по всему телу.

Донесли в штаб, что открыли вахту у моря.

Палатки не спасали от холода. Принялись строить домик из снега. Утрамбованный плотный снег, слежавшийся в теснине между обрывистых каменных круч, резали кирпичиками. Держались они довольно прочно. Складывали дом весь день. В него перетащили все имущество. К сожалению, согреться не удалось, разведчиков одолевал озноб, к тому же переменчивая у моря погода обернулась дождем. Снег потяжелел, стал оседать, местами потекли ручейки. Кровля провалилась. Ветер рвал, шторм вздыбил огромные волны, они обрушивались на береговые утесы, грохот прибоя заглушал голос, приходилось кричать.

Так прошли первые четыре дня.

На пятые сутки в горах в направлении Конгс-фьорда засекли какой-то пост, но распознать, кто там, даже в бинокль не сумели.

Вскоре увидели, как немецкий дозорный корабль буксирует к берегу поврежденный транспорт. Буран бушевал настоящий, февральский. Волны яростно кидались на скалы, временами казалось, будто скалы не устоят перед свирепым, сокрушительным напором воды и рухнут в бездну.

Подоспело время осмотреть северо-западный берег, пройтись километра два-три в сторону Берлевога, заглянуть в крохотный поселочек. По пути наткнулись на построенную из досок и жердей легкую хижину, обшитую тесом с наружной и внутренней стороны. Правда, между тесинами не было никакой утепляющей прокладки. Растопили печку, поставили котелок. Пока варился суп, Крылов растянул антенну, связался с базой.

Утром Матисен открыл дверь и, не выходя наружу, огляделся по сторонам. Примерно в километре заметил человека. Затворил дверь и сказал Трюгве и Федору, что тут они не одни.

Эриксен тут же распорядился:

— Всем показываться нельзя. Только у меня одного могут оказаться тут знакомые.

Он отправился посмотреть на нежданно объявившегося соседа.

Вскоре за поворотом увидел дом, пошел к нему. Из дома навстречу вышла женщина.

— Меня бояться не надо. — сказал Эриксен. — Зла в ваш дом не несу. Если дома муж, позволь войти. Мне надо с ним повидаться и потолковать.

— Заходи.

Хозяин назвался Антоном Стенманом. Эриксен сказал ему, что он не один, с ним еще норвежец и англичанин.

— Нас сюда забросили с самолета. Будем разыскивать нацистов и пакостить им сколько сможем.

— Они у нас не бывают, — ответил хозяин, — в такие маленькие селения не ходят. Дороги к нам нет, не подъедешь, только пешком. Их много в Берлевоге. Это мили полторы-две отсюда.

— Не проведешь нас туда?

— С вами не пойду, неизвестно еще, что вы за люди. Прихватят вас немцы, а заодно и меня. С какой стати мне страдать из-за каких-то пришлых людей? Дорогу ты и без меня найдешь, по берегу не собьешься. Человек ты, как я понимаю, бывалый. Но ходить в Берлевог не советую. Там есть люди, которые сразу донесут немцам.

— Не скажешь, кто они?

— Пока помолчу, потом узнаете.

— Ты, что же, бошей боишься?

— А кто их не боится? В прошлом году сколько людей ни за что не про что покарали. И возле нас рыскают. Я их ненавижу. Не глядел бы на них, мог бы — в воде всех перетопил. Но ничего не поделаешь, против силы в открытую не попрешь.

— А если мы хорошо заплатим за услугу?

— Деньги возьму, не откажусь, и марки, и кроны, и фунты. Что дадите. Любые пригодятся. Но только за то, что вам сделаю. Не больше. Дорогу покажу, продукты или вещи продам. Все за плату. У себя вас держать не стану. Боюсь рисковать, семья у меня большая, детей пятеро. Как им без отца?

— Где нам лучше укрыться?

— В той хижине, откуда ко мне пришел.

— Там топить нечем, холод.

— Дров дам, дам топор. А впредь сами ищите обломки на берегу.

Хозяин рассказал, что недавно русская подводная лодка потопила в Сюльте-фьорде транспорт. Говорят, нынче в России ужасные холода, немцы под Мурманском мерзнут, им послали шубы. А под Новый год русские бомбили Киркенес. Бомбы попали в немецкий штаб и в кафе, где офицеры справляли праздник.

Разведчики остались жить в домике. Все лучше, чем на открытом берегу, на голых скалах. И море видно неплохо. Вражеский конвой можно засечь. Вскоре обнаружили, что совсем близко, метрах в трехстах, проложена телефонная линия. Пойдут связисты, могут и в хижину заглянуть.

Ушли обратно к своей снежной норе на мысу Нолнес. Подладили дом из снега. Входить в него можно было только согнувшись, вставать в рост не позволял потолок. Приходилось

сидеть или лежать, а выползать на четвереньках.

На десятый день после высадки заметили в море транспорт, шел он с небольшим охранением.

База поблагодарила за это сообщение.

Десять дней работали хорошо, слышимость в обе стороны как по заказу, вражеские корабли и суда ходили и на восток и на запад, курсы их операторы в Полярном прокладывали на морских картах. Вахту в эти дни несли вдвоем Матисен и Крылов.

Эриксен отправился в Берлевог наводить справки и налаживать связи. В вечерние сумерки незамеченным прошел к Эйстену Сиверсену. Знал его еще по довоенному времени. Но более двух лет не виделись и ничего не слышали друг о друге. Прежде Эйстен состоял в партии социал-демократов, симпатизировал коммунистам. Сохранил ли он прежние политические воззрения? Этот вопрос не выходил из головы Эриксена. И все же, когда шел в дом, надеялся, что порядочность Эйстена не могла толкнуть его на сотрудничество с нацистами.

Надежды Эриксена оправдались, хотя и не все получилось так, как он предполагал. Сестра жены Эриксена Ергун была замужем за Харальдом Сиверсеном, сыном Эйстена. Он и хотел сначала повидать свояченицу, от нее кое-что повыведать, а потом уже встречаться с Эйстеном. Но случилось так, что он сначала наткнулся на свекра. В прятки играть не было смысла.

Сиверсен встретил его тепло и радушно.

— Я ждал, что кто-то придет ко мне. Или из тех, кто уплыл в Англию, или из перебравшихся в Россию.

— Почему ты был так уверен?

— Мы по-разному смотрели на большую политику, но я не симпатизировал тем, кто ныне породил Квислинга. Мы не стреляем по бошам, не устраиваем взрывов, но не думайте, что со всем примирились. Глаз с немцев не спускаем. Где и что они делают — нам известно. Когда будет нужно — рассчитаемся сполна.

— Ты нас ждал. Мы пришли. Мог бы помочь нам?

— Не откажусь. Только надо взвесить, что вы хотите, хватит ли сил у меня и у моих друзей.

— Браться за ружье и за взрывчатку мы тебе не предлагаем. Это сделают другие. Чтобы топить немецкие суда наверняка, надо знать, когда и куда они плывут. Еще лучше, если разузнаем, что они везут.

— За всем этим отсюда уследить трудно. Часть конвоев идет далеко от Берлевога. А вот то, что фашисты поблизости что-то строят, — знаю точно. Выравнивают площадку, похоже, для аэродрома, может, для дальнобойных батарей. Склады забиты

грузами. Что в этих складах, выяснить несложно.

— Очень кстати эти новости, — сказал Эриксен. — Не худо бы документами немецкими обзавестись. Особенно пропусками. Мы тогда сможем ходить в селения.

— Это тоже проблема разрешимая. В конторах у ленцманов и в комендатурах не все норвежцы из «Националь самлинг».

Прощаясь, Сиверсен напутствовал Эриксена:

— Будьте осторожны. Не ходите днем. Не оставляйте следов. В Берлевоге особенно остерегайтесь. На днях туда пришел бот из Махавны, а на нем пятнадцать егерей. Ходили на лыжах по долинам, ищут каких-то разведчиков. Будто в этих местах засекли рацию.

Сиверсен сказал Эриксену, что он готов принять разведчиков в своем доме в Берлевоге или в доме своего отца, где пока живет с семьей. Пусть разведчики отдохнут, отогреются, отмоются.

Эриксен от этого предложения отказался: опасно приходить втроем, да еще с радиостанцией.

Вернулся около полуночи, рассказал обо всем, что узнал. Сообщение о егерях, которые искали рацию, настораживало.

Жить в снеговой норе был о очень трудно. Спали в меховых куртках, штанах и пимах. Консервы с крупяной приправой разогревали раз в четыре-пять дней. Вскоре сухой спирт кончился. Сожгли санки и на этом огне согрели себе последнюю крупяную болтушку.

С 23 февраля какие-то сильные магнитные помехи в атмосфере настолько заполонили эфир, что они не слышали базу, а база не слышала их. Особенно плохо было днем, в наушниках стоял сплошной свист. Ночью радиоволны на базу чуть-чуть пробивались. Крылов подтверждение о приеме получал не всякий раз.

Эриксен снова пошел в Берлевог. Разведчиков интересовал Конгс-фьорд. Требовался местный человек.

Таким человеком оказался Юлиус Ананиансен. Он почти ровесник Эриксена, года на два-три постарше, состоял в Компартии Норвегии. Искусный рыбак. Дети у него уже взрослые, самостоятельные. Эриксен из разговора понял, что Ананиансен рад встрече с разведчиками.

— Я знаю, что вы были на Варангере прошлой осенью, — сказал Юлиус. — Если ты не приходил, то другие из твоего Киберга высаживались. И что ушли они в Перс-фьорд и что взяла их подводная лодка, нам тоже известно из достоверного источника.

— Я рад это слышать. Мы на верных людей и надеемся. Теперь мы не просто земляки, а боевые соратники.

— Мы с тобой давно единомышленники. Я знаю, что ты был коммунистом в Киберге. Против фашистов поднимутся и некоммунисты. Есть социал-демократы, которые хоть сегодня возьмутся за автомат. Притихли лишь те, кто приспособился, чтобы выжить, трутся около ленцманов, возле немецких комендантов, примыкают к «Националь самлинг». Не все туда потянулись по убеждениям. Но есть и прямые прохвосты, они ничуть не стесняются и в открытую, вовсе не прячась, служат оккупантам.

— Их всех надо взять на учет. Придет время — будут рассчитываться за предательство и прислужничество.

— Квислинговцев мы уже учли. Браться за оружие нам опасно, хотя оно и есть. Куда уйдешь в наших холодных горах? Ни спрячешься, ни прокормишься. И в городах не лучше. В нашем Берлевоге все друг друга знают, любой на глазах, чуть появился новичок — сразу спрашивают, кто он, откуда.

— Каждый фашист, что найдет себе здесь могилу, не вернется в свою Германию. Кончать и уничтожать их надо тут. Если самому не удастся, сделают другие, — говорил Эриксен. — Сделаем и мы, и русские. Уведомим их, когда и куда пойдут германские корабли, а русские с ними управятся. У них есть чем.

Работа и документы позволяли Ананиансену ездить далеко, надолго покидать Берлевог, навещать селения и по побережью и в глубине полуострова. И людей он знал немало.

Условились, что он вскоре побывает в Конге-фьорде. Вскоре после встречи с Ананиансеном Эриксен почувствовал, что покалывающие до того боли в ноге становятся невыносимыми. Он рискнул пойти к Юлиану Сиверсену. Жена Юлиана достала какие-то мази, растирания, Эриксен массировал ногу, грел. Боль постепенно стала утихать. На пятые сутки почувствовал, что может ходить. Пошел к своим. Но шел тяжело, медленно. Только через десять часов доплелся до хижины, пролежал там до шести часов вечера; но никто из его группы туда не пришел. Решил своим ходом добираться до Нолнеса.

Добрел до снежного дома только к десяти часам вечера. Удивился, что никого нет. Осторожно подкрался поближе, боялся засады. Ничего тревожного не обнаружил. Но и своих тоже не разглядел. Крикнул пароль. Подождал затаив дыхание. Снова произнес пароль. И опять молчание. Позвал по имени сначала одного, потом другого. Ни звука.

Выждал, затаившись, уверился, что его соратников нет на месте, но нет и засады.

В хижине все было на месте: ни следов поспешного ухода, ни погрома. Совсем успокоился. Заправил керосином примус,

который принес с собой из Берлевога. После крепкого чая стало легче.

А Матисен и Крылов, встревоженные долгим отсутствием командира, пошли в разведку. Сперва навестили своих ближних соседей — семью Луэ. Вели себя так, будто у них все в порядке. Супруги Луэ — Освальд и Дагни — ни словом, ни малейшим намеком не показали, что они знают что-то об Эриксене.

На следующий день такой же визит нанесли к Стенманам. Ни Антон, ни его жена Нелли тоже никаких разговоров про Эриксена не затевали.

И все же до конца не успокоились, пошли бродить по округе, смотрели, не попадутся ли какие-нибудь следы. В Берлевог заглядывать не рискнули. Существовало строгое правило: без ведома командира никто не имел права ни с кем устанавливать какие-либо связи, тем более ходить в селения. Если только командир выбыл совсем из строя, Франц занимает его место и может принимать решения.

Возвращались по тропе, которая вела к их укрытию чуть сторонкой от домов Луэ и Стенманов. И хотя было совсем темно, все же разглядели следы. Они были очень похожи на отпечаток обуви Эриксена. Только смущало, что правый след был глубоко вдавленный, а левый — нет.

Когда в шалаше застали Трюгве, отлегла тревога, обрадовались, обняли командира.

В первых числах марта и на севере время повернуло на весну. Полярная ночь кончилась, день становился длиннее и светлее. С погодой и весной улучшилась слышимость, база хорошо принимала все их донесения о конвоях, о кораблях, все, что приносили их соратники из Берлевога и из Конгс-фьорда. А материалов насобиралось много и один интереснее другого. Иногда приходилось выходить на связь с базой по два, а то и по три раза в сутки.

Передали о гарнизонах в Киркинесе, в Тана-фьорде, в Махавне у Нордкапа, сообщили, что в Берлевоге ожидают, прибытия семисот человек. Для них строят новые бараки. Где и какие корабли и суда стоят в Бос-фьорде, в Конгс-фьорде. В гарнизоны прибывают все новые и новые солдаты. В Киркенесе роют окопы, проводят учения по отражению высадок с моря. Говорят: «Нельзя спать спокойно, в любую минуту можно ожидать десант».

Но удачи да везение не бывают постоянными, и блаженству, как его назвал Эриксен, если можно относить к блаженству жизнь зимой в неотапливаемой каменной норе, пришел конец.

В середине марта заметили двух человек, которые вышли из

той хижины, где разведчики провели несколько дней вскоре после высадки. А еще через несколько дней увидели охотника на куропаток в сотне метров от шалаша.

Эриксен пошел в Летвик узнать у Луэ и Стенманов, кто этот человек. Те назвали жителя Берлевога, состоящего в норвежской нацистской партии Квислинга. Приходил он в Летвик на три-четыре дня и вскоре после пасхи собирался появиться опять, но уже надолго, тогда намеревался ловить рыбу.

В Берлевоге было около сорока членов квислинговской партии «Националь самлинг». Главарь их, бывший миссионер Уле Элесеусен, недавно в выступлении перед горожанами говорил: «Если население не пожелает добровольно встать на правильный путь, его сомнут так, что оно никогда не сможет больше подняться».

Тем, кто вступит в их партию, обещали выдать охотничьи ружья. Записались двое. Но ружьями их не обрадовали.

В начале марта Квислинг дважды выступал в городе Шиен. Газета, захлебываясь, писала, что впервые за шестьдесят лет город переживает радость от посещения норвежского фюрера, вождя по происхождению и по крови. А вождь этот, выступая в ратуше перед местными руководителями партии, округа, ленцманами и высшими чиновниками, распинался в своем верноподданничестве перед Гитлером, угрожал своим соотечественникам: государство будет без колебаний вести борьбу против тех, кто пытается бороться с «Националь самлинг».

Норвежцы через припрятанные приемники слушали, советские передачи, знали о зимнем русском наступлении и не очень верили в победу Германии, считали, что немецкий «новый порядок» недолговечен.

В те же дни разведчики получили от своих товарищей в Берлевоге и Конге-фьорде очень интересные чертежи немецких укреплений и аэродрома. По радио их передать было невозможно.

23 марта кончились продукты.

Норвежцы ничем помочь не могли. Они сами жили впроголодь. Напротив, разведчики нередко угощали своих знакомых консервами, сахаром и маслом, а норвежцы снабжали разведчиков табаком, бумагой, батарейными фонарями.

Попросили базу подбросить продовольствие.

В ответной радиограмме командование приказало: с 27 марта по 1 апреля на связи быть ежедневно и четко. 29 марта разведчики узнали, что подводная лодка, которая их снимет, вышла в море. Ждать и быть готовыми подать условные сигналы.

Истекал второй месяц их сидения на Нолнесе. За это время они засекли, что на запад, к портам Варангер-фьорда, скорее

всего к Киркенесу и Петсамо, пришло двадцать три транспорта, обратным курсом — семнадцать.

На свидание с разведчиками пришли два соратника из Берлевога, предупредили, что с Нолнеса надо уходить, замести все следы. Ни в коем случае не оставаться здесь после пасхи. Сюда придут на весеннюю путину рыбаки. Запасное место они подобрали, сооружена хижина, есть запас продуктов, угля. Это запасное место, однако, не понадобилось.

Подводная лодка, Щ-403 подошла к точно назначенному месту. На мостике стояли ее командир и руководитель операции по съемке от отдела капитан Ульянов. Внизу, возле центрального поста, сидели, ожидая приказаний, разведчики-переправщики Оскар Ульсен и Альф Сиблюнд. Заметив с берега условные проблески фонаря, спустили шлюпку.

Эриксен, Матисен и Крылов на полпути остановились. Эриксен оглянулся, поклонился родной земле и быстрым шагом пошел вниз, к морю. Матисен и Крылов поотстали от него на шаг-два. Матисен тыльной стороной ладони провел по повлажневшим глазам. Крылову хотелось бежать, обогнать командира, он едва сдержал себя.

К берегу пошел на шлюпке Альф Сиблюнд. Хотя волнение в море было и не сильным, прибой накатывал на берег приличную, балла в три-четыре волну. Береговые скалы все еще отталкивали от себя разбушевавшиеся водяные громады.

Попробовал подойти в одном месте, не удалось, видимо, поблизости в заглублении скрылись подводные камни, вода билась возле них круговертью, большими и малыми волнами, откатывалась назад, закручивалась огромными воронками. В одной такой воронке шлюпку крутнуло несколько раз, она заюлила волчком, гребец одолел напор воды, сумел все-таки вывести шлюпку из водоворота.

Подгреб, повернул шлюпку кормой к берегу и, упираясь веслами назад, слегка выгреб обратно в море, чтобы не выбросило на камни.

Федор Крылов следил за шлюпкой, изготовившись к прыжку, как рысь, и, когда ее подбросило к берегу, первым прыгнул в пляшущую посудину, и она пошла к подлодке. Эриксен и Матисен остались ждать своей очереди.

Федора от радости подмывало поговорить с Альфом, но перекинулись они лишь несколькими фразами. Гребцу нельзя было и на долю секунды отвлекаться от бурлящих волн. Море несобранности не любит, за легкомыслие оно рассчитывается мгновенно и жестоко.

Подошли к подлодке. Федор прыжком перемахнул с

резинового борта на стальной. А Сиблюнд повернул обратно к берегу.

Накат с неослабевающей силой бросался на береговые устои. Вскочил в шлюпку Франц, подполз к гребцу, к самым его ногам, Альф снова погреб кормой к берегу, на нее прыгнул Трюгве, сел на кормовую камеру баллона, опустив ноги к резиновому днищу.

То ли от радости, что невредимыми добрались до подлодки, или же понадеялись друг на друга, но никто не сообразил закрепить швартовый конец шлюпки за леерную стойку или за приваренный к обшивке рым. Волна откинула шлюпку, и она поплыла, покачиваясь по воле волн. На дне ее остались батареи к радиостанции и полуавтоматическая винтовка. Перевернет волна шлюпку — и все казенное имущество утонет, прибьет ее где-нибудь к берегу, выбросит на отмель или на камни, будет лежать, пока не наткнется на нее какой-нибудь человек. На этих пустынных, малолюдных берегах могут пройти годы и годы, пока кто-либо заметит этот трофей моря.

В рубке лодки разведчики сердечно, по-братски обнялись с командиром по высадке и съемке капитаном Ульяновым.

Затем спустились в центральный пост, оттуда в кубрик-отсек. Поздоровались с принявшими их подводниками.

Первым делом сбрили колючую щетину с подбородков, не оставили на память даже усы, поели флотского борща, выпили наркомовскую.

И впервые за два месяца завалились спать, ни о чем не тревожась: ни о вахте, ни о фашистской облаве, ни о возможности обморозиться. Под одеялом, на простынях, раздетые до белья, уснули непробудным сном, рокот двигателей не будил, а убаюкивал их.

Лодка взяла курс к своим берегам.

Глава XVI

Несколько вечеров Люден беседовал с глазу на глаз с Изачиком, который вернулся из Мурманска, был несколько раз в штабе армии, — встречался с пограничниками.

После бесед с Изачиком два дня затворничал в своем кабинете, в столовую появлялся к самому концу обеда или ужина, когда там никого не было. Ходил хмурый, что-то обдумывал.

Наконец позвонил по телефону Визгину:

— Павел Александрович, у меня возникли предложения. Прошу уделить мне время.

В точно обусловленный час Люден появился в кабинете начальника разведотдела.

Визгин, опершись локтями о деревянные полированные подлокотники жесткого полукресла, приподнялся и ответил на приветствие Людена. Глаза Визгина с просинью из-под светлых, с едва заметной рыжинкой бровей были обращены на собеседника. Визгин у всех, с кем встречался, оставлял впечатление человека добродушного, уравновешенного, не подверженного острым эмоциям.

— Так что же за идея родилась у вас, Михаил Юльевич? — спросил Визгин после некоторой паузы.

— В отряде собралась хорошая лыжная команда. Я поглядел на них, ходят на лыжах как звери. Надо бы сходить к Никелю.

— Зачем? — Лицо Визгина не изменило выражения, осталось таким же невозмутимым, но сам он весь напрягся. Визгин будто сделал вдох и замер. Китель плотно обтягивал его довольно плотную фигуру, шея покраснела, нависла над плотным стоячим воротником.

— Как зачем? — удивился Люден. — Основные поставки никеля Германия получает отсюда. А без никеля немцы не смогут делать ни оружие, ни корабли.

— Для чего немцам нужен никель — я знаю. Но как вы собираетесь помешать добывать никель и вывозить его?

Визгин выдохнул, как будто обмяк, расплылся в кресле.

— Ни помешать добывать никель, ни вывозить его мы, конечно, не сможем, — сказал Люден. — Проведем только разведку. Это нужно штабу и армии. Такую просьбу мне передали через Изачика.

— Нашли посредника в таком важном деле, — проворчал Визгин.

Люден не смутился. Он говорил о том, что в отряде есть классные лыжники, они сидят без дела, им осточертела жизнь в

Полярном.

Визгин знал, что люди рвутся в бой, но он знал и другое — разведчикам нужна передышка, нужно время, которое снимет нервное перенапряжение. Он знал и то, что моряки гору свернут, если они чувствуют разумность задания. Люден же предлагает какую-то нелепую вылазку.

— Может, я что-то действительно недодумал, — оправдывался Люден. — Но я нутром чувствую, что поход в Никель нужен.

— Нутром это и не надо чувствовать. Что должен делать отряд — Военный совет нам четко определил.

— Военный совет дал общие директивы. А вот когда и как проводить эти директивы, решать не кому-нибудь, а нам, работникам отдела.

— Все это так, Михаил Юльевич, но как вы мыслите провести эту операцию?

Люден развернул на столе кальку.

— Ничего себе! И кальку уже вычертил! — удивился Визгин.

— Да, прикидочный вариант.

— Оставьте, я все посмотрю, почитаю! — заключил Визгин, положив кальку и письменные соображения Людена в сейф.

Визгин встал, прошелся по кабинету.

Люден сравнил Визгина с его замом — Добротиным. Как же они не похожи друг на друга! Добротин выше ростом, сухопар, подтянут, хотя ему за сорок. Продолговатое, худощавое лицо со впалыми щеками (он не поправился еще после ранения) было совсем иного склада, чем у Визгина. Вспомнилось, как жена Добротина с радостным юным блеском в глазах рассказывала, какого стройного, подтянутого кавалерийского командира с шашкой она встретила в гражданскую войну в Таганроге, как стал этот краском для молоденькой гимназистки, увлекавшейся балетом, спутником ее жизни.

— Какая же еще у вас идея? — спросил Визгин, возвратившись к столу.

— Предлагаю послать группу на левый берег губы Лицы, примерно в то место, куда ходили в середине ноября, когда погиб лейтенант Карпов.

— А туда зачем?

— Начнутся активные действия — флоту наверняка прикажут высаживать туда десанты. Какая у немцев вдоль морского берега оборона — нам полагается знать ничуть не хуже армейского командования.

— Что ж, подумаем, доложим командующему. Подготовьте план-задание и расчеты и на эту операцию, — сказал равнодушно

Визгин.

Головко к предложениям Визгина отнесся неодобрительно.

— Я вас не один раз предостерегал от пристрастия к дальним сухопутным маршрутам. Вам поставлена задача работать на морском побережье. А вы опять смотрите куда-то вдаль от моря.

Головко говорил нетерпеливо, с нотой раздражения.

Замечания командующего больно задели Визгина. Может, и не стоило ему поддаваться натиску Людена, но снять свое предложение при первом же возражении — означало показать, что отдел подошел к вопросу легковесно, не учел все «за» и «против». Так выглядеть перед командующим ему не пристало. С настойчивостью выкладывал свои доводы Визгин.

— Никель немцы везут в Германию морем. Если уточним, сколько они его добывают, как и куда доставляют в порты, мы сможем лучше знать, когда груженные рудой суда топить в море.

— Такие сведения не добываются набегом даже самых опытных моряков. В Никеле, насколько я понимаю, нужно иметь постоянную агентурную разведку. И не ваше это дело.

— Вы правы, товарищ командующий. Но детальное ознакомление с обстановкой в Никеле ведет разведка армии. Они просят нас помочь на первом этапе. Нашу лыжную группу можно туда послать.

— Это уже другой разговор. Помочь, да если еще просят, можно и нужно.

О том, как отнесся командующий к предложению сходить к Никелю, Визгин рассказал своим заместителям и комиссару. У руководства отдела во взглядах на этот поход единства тоже не обнаружилось. Добротин считал, что надо скрупулезно придерживаться позиции, которую записал Военный совет в своей директиве. Людена и Изачик говорили, что могут быть разные подходы к выполнению директивы. Когда, нет возможности пройти к цели через море, не стоит напрочь отбрасывать и сухопутные маршруты.

Визгин и Добротин в конце концов согласились, что для похода на Никель есть только один важный аргумент: просьба штаба армии.

В январе сорок второго года лыжная группа в составе двадцати пяти человек во главе с командиром Николаевым и политруком Барминским вышла на задание.

До цели и обратно надо было пройти на лыжах через сопки, низины, по снежной целине, одолевая кустарники, а местами и приличный лес, более трехсот двадцати километров.

Утром четвертого января дошли до Зимней Мотовки. Этот первый переход был пробой сил для каждого разведчика. У кого-

то оказалось не в порядке снаряжение, кому-то надо было половчее переложить харчи и боеприпасы, кому-то надо было поменять общеотрядный груз. Все перебрали, подтянули, поправили, подладили лыжные крепления, перемазали лыжи.

Все ненужное на дальнейший поход сложили на оленьи санинарты, старший из погонщиков оленей Нечаев и двое его помощников груз плотно увязали, перетянули плетеными кожаными ремнями.

На другой день в сумерках вышли по маршруту к Никелю. Погода все эти дни стояла ясная, морозная, настоящая январская. Столбик термометра опустился ниже тридцати.

Шли всю ночь с двумя короткими привалами. Мороз подгонял, не давал надолго остановиться. Утром, как рассвело, залегли: на свету идти было рискованно.

Кругом лежала нетронутая снежная целина. Вершины и склоны сопок, лощины, болота и озера — все под толстой снежной пеленой. И нигде ни следочка, ни черного пятнышка. Снег искрится, как будто кто-то щедро рассыпал по белому полю множество крохотных зеркальных осколков или разбросал алмазные камешки из бездонных сундуков. Солнечные блики от снега слепят глаза, они устают, слезятся, слезы скатываются и тут же превращаются в льдинки. Светозащитными очками никто не обзавелся, да их и не было в запасе у флотских снабженцев.

То один, то другой докладывал командиру группы Фролу Николаеву, что от неподвижности стынут руки и ноги, душит кашель. Всем один ответ: вставать и разминаться нельзя, опасно.

Походное обмундирование — ватные брюки и фуфайки — для лежания в снегу при такой стуже было явно непригодно, оно не уберегало тепло, не предохраняло от пронизывающего мороза. Лучше пригодились бы сшитые для отряда в Ловозере оленьи куртки, штаны, шапки и пимы. Но все это на себе тащить немыслимо, и так в рюкзаках набито килограмм по тридцать пять — сорок.

Охотники-промысловики весь свой провиант, продукты и одежду волоком тащат на санях. Сани эти делают узкие, длинные, а полозья широкие, как лыжи. Груз привязывают к саням веревками или ремнями.

— Такие сани называют чунками, — пояснял товарищам пришедший недавно в отряд помор Семен Агафонов.

— И нам бы нашу оленью одежду сложить вот на такие саничунки да и тащить за собой на постромках. Как бы хорошо было на привалах, — поддержал Семена Виктор Леонов, служивший когда-то с Семеном на одной подводной лодке.

— Вернемся на базу — закажем такие сани. Оленеводы или

охотники быстро сделают. Для нас и свои не пожалеют, отдадут. Финны на похожих санях таскали в прошлую войну пулеметы, а для одиночного автоматчика-кукушки и теплые вещи. Жаль, вовремя не догадались, не заказали, — поддержал бойцов Николаев.

Лежать недвижимо в снегу невтерпеж. Командир группы Николаев и политрук Барминский приняли решение идти вперед по свету, даже в короткие январские дни. Это было нарушение запрета, но они не видели иного выхода, иначе все бы поморозились.

Головное отделение торило лыжню в снежной целине. Снегу за зиму насыпало много, он лежал глубокий, рыхлый, а местами превратился в крупнокалиберную картечь. Передовому дозору приходилось топтать глубокую тропу. После разведчиков оставалась глубоко пропаханная лыжня.

На небольшой высотке перешейка между озерами Большой и Средний Чепьявр остановились. Подошел час сеанса радиосвязи.

Разведчики, отойдя чуть-чуть в сторону от лыжни, не снимая маскхалатов, разлеглись на снегу, подсунув под головы рюкзаки, а под спину лыжи.

Радист Палкин стал налаживать антенну между лыжными палками, воткнутыми в снег. Халат его, покрывшийся леденистой корочкой, мешал работать. Палкин сбросил маскировку, оставшись в ватной фуфайке.

Вдруг нежданно-негаданно раскатом грома хлынул с небольшой высоты грохот самолетных моторов. Снег возле разведчиков завихрился, взметнулся белой пылью. Сотни пуль вскинули его бураном. Через минуту-другую самолеты развернулись и устремились в новый заход, опять поливая из пулеметов и пушек. И так прошлись один за другим над отрядом четыре раза. Огонь был настолько плотным, что натянутую антенну перерубило в нескольких местах. В пятый заход самолеты пронеслись развернутым строем, не стреляя.

Бойцы поднялись. Вся поляна взъерошена, перепахана пулями и снарядами. Гладкая снежная равнина превратилась в пахоту. Местами снег алел от крови.

Радиста Палкина и старшину II статьи Матвеева прошили пули. Старшину II статьи Павла Богданова и краснофлотца Бориса Иванова тяжело ранило. Получили ранения политрук отряда Барминский, старший краснофлотец Леонов, краснофлотцы Бакешин, Ильчук, Карху и Литвиненко.

Раненых перевязали. Для Богданова и Иванова соорудили волокуши. Зарыли в снег погибших, сверху лыжами нагребли высокие снежные холмы.

Собрали имущество, раскиданное из разорванных пулями рюкзаков.

Командир группы и политрук думали, что делать дальше. Позвали к себе уже ходивших летом и осенью в этих местах Радышевцева и Головина.

Картина вырисовывалась безрадостная. Выходило, что они, едва отойдя от маневренной базы на три десятка километров, видимо, попали под наблюдение горных егерей. Теперь немцы из-под надзора их не выпустят. Весь путь к Никелю может оказаться под контролем.

Группа лишилась боеспособности. Продолжать марш к Никелю не имело никакого смысла. Приходилось возвращаться.

Двоих, самых ходких и выносливых лыжников — Бориса Абрамова и Павла Люкшина — Николаев послал на Зимнюю Мотовку и велел им привести оленьи упряжки. Шли одной группой, без дозора. Впереди — Николай Зубков, за ним политрук Барминский, раненный пулей в левую ногу, возле него держался командир группы Николаев, следом — Саша Манин, потом остальные. Замыкали цепочку самые выносливые лыжники — Радышевцев и Агафонов.

Шли медленно. Волокуши с ранеными приходилось тащить очень осторожно, особенно на кручах, с больших уклонов спускались зигзагами. Идущие в пристяжке лыжники, топтали снежную целину.

Быстро стемнело, но вскоре небо прояснилось. Из-за редких облачков вывалилась луна и повисла холодным светильником над заснеженной тундрой. Весь небосвод окрасился в синеватый цвет, а по нему от самой верхушки над головой и до края горизонта, прерываемого изрезанными зубьями силуэтов сопок, рассыпались бесчисленные звезды. Снег искрился миллиардами мерцающих светлячков, вспышками крохотных искорок. Будь другое время — любовался бы и любовался этой красотой.

От места обстрела самолетами ушли порядочно, вражеской погони бояться перестали.

Первая группа раненых, с которой шел политрук Барминский, добралась до промежуточной базы под утро. Политрук связался с Мурманском, продиктовал телефонограмму, просил передать ее в отдел в Полярное. А еще примерно через час дозвонился по телефону до Полярного, отыскал Людена, поднял его с постели.

Люден, узнав о случившемся, ничего вразумительного не сказал. При разработке плана операции никакие варианты срочной эвакуации не были предусмотрены. Сообщение Барминского застало его врасплох.

— Раненые лежат на морозе. На наших трех оленьих

упряжках мы всех не вывезем, да и путь займет не меньше двух суток, — объяснял Людену Барминский.

— Будем думать, как вам помочь, — повторил несколько раз Люден.

— Я отвечаю за людей, с которыми пошел в поход. Нам надо знать, на какую помощь рассчитывать, — горячился Барминский.

— Я вам ясно сказал: разберусь, сообщу, — продолжал свое Люден, — Не впадайте в истерику, не паникуйте!

— Вы, как всегда, жуете резину. Нам сейчас нужна не ваша осмотрительность, а конкретный ответ, — напирал Барминский.

— Тогда я вас спрашиваю: почему вы раньше своих людей пришли на Мотовку? Вам известен флотский закон: командир и комиссар первыми с корабля не сходят?

— Раньше, чем вам… Я подольше вас служу на флоте, — Барминский сгоряча кольнул Людена.

— Вот и держитесь флотского правила: оставайтесь с моряками, выводите их, а мы будем помогать!

К десяти часам утра на Зимнюю Мотовку пришла последняя группа с тяжелоранеными. Всех отогрели в землянке у бойцов поста ВНОС, сменили повязки.

Ночью на Мотовку прибыл младший лейтенант Синцов с группой лыжников отряда. Весь следующий день готовились к маршу до автомобильной дороги.

Поздно вечером восьмого января на пяти оленьих упряжках — две упряжки дал на время командир вносовского поста — вся группа тронулась с промежуточной базы к дороге на Мишуков.

На следующее утро встретились с лейтенантом Догадкиным, который пригнал автомашины. Раненых оставили в армейском полевом госпитале, остальные доехали на Мишуков, оттуда на катере в Полярное.

В первых числах января Люден повел вторую группу разведчиков на левый берег губы Западной Лицы. На время похода своим заместителем Люден назначил Инзарцева. Высадкой с «малых охотников» и съемкой с берега на катера командовал капитан-лейтенант Смирнов. Ему теперь предстояло курировать отряд. Но, как оказалось, надолго.

На лыжах прошли вдоль берега губы, приблизились к левому флангу немецкой обороны. Залегли, зарылись в снег. Сквозь серую сумрачность ночи вглядывались во вражеский опорный пункт, пытались распознать назначение каждого сооружения. По дыму от топящихся печек определили три землянки, четыре пулеметных точки с амбразурами, накрытыми каменными колпаками.

Люден долго рассматривал землянки и блиндажи, молча, шевеля губами, размышлял, вставал, садился, даже походил немного взад-вперед. Потом сказал Инзарцеву:

— Мы установили точное место этого узла обороны. Нанесем его на карту, отметим все обозначения. Атаковать егерей не станем, скомандуйте отход на катера.

— Егеря нас не чувствуют, ведут себя спокойно. Спят в землянках безмятежно. Если с двух сторон подобраться, можно крепко их погромить, — предложил Инзарцев. — Каждый убитый тут фашист воевать больше не будет.

— Мы скрытно подошли, так же и уйдем. Будем знать об этом опорном пункте, отметим его на картах.

— Немцы утром пойдут — увидят нашу лыжню. На том и кончится наша скрытность.

— Может, разыграется пурга, заметет…

— В крепкий мороз пурги не бывает.

— Нападать рискованно, — стоял на своем Люден, — можно не добиться успеха, а себя зря раскрыть. Будут преследовать, в море накроют самолетами.

— Волков бояться — в лес не ходить…

— Нам приказано разведать. А нападать — только тогда, когда все очень удачно сложится. Нас мало, к тому же половина новичков.

— Может, обойдем их стороной, пройдем еще километра полтора, разведаем, что там, вдруг обнаружим что-то важное, — Инзарцев пытался уговорить майора.

Люден прервал его:

— Мое решение окончательное и не подлежит обсуждению. Мы в боевой операции, а не на собрании. Я не могу рисковать людьми. И потому приказываю отходить.

К восьми утра дошли до катеров и возвратились в базу.

Командующий флотом пригласил к себе члена Военного совета Николаева, начальника штаба Кучерова и начальника политуправления Торика.

Докладывали капитан II ранга Визгин и батальонный комиссар Орлов.

— В последнем лыжном походе, — начал Визгин, — нас постигла неудача.

— Не она вас постигла, а вы сами по своей охоте в нее влезли!

Тон у командующего был хоть и сдержанный, но раздражение почувствовал всякий, кто его хорошо знал. Головко нарушил свое же с годами устоявшееся правило — дать человеку высказаться,

спокойно и доброжелательно выслушать, а потом уже принимать решение.

— Мы согласны с вами, товарищ командующий, что обе операции проводились без острой необходимости.

— Вы что ж, боялись, как бы вас не обвинили в пассивности, в бездействии? — спросил Николаев, умевший говорить строго и взыскательно.

— Нет, мы этого не опасались, но держать людей долго без дела смысла не видели.

— Такие неудачи, как эти две, только отбивают охоту к боевым операциям, — ответил Николаев, давая понять, что не одобряет позицию руководителей разведотдела.

Николаева поддержал начальник штаба Кучеров, сказавший резко и сурово:

— Мы вас и раньше поправляли, да вы гнули свое, не проявили твердости, когда Люден и Изачик настаивали.

Визгин пытался доказать, что операция сорвана по вине командира группы Николаева, он разрешил идти по маршруту в дневное время, хотя очень сильный мороз в какой-то степени и оправдывает такое решение. К этому добавилось самовольство радиста, скинувшего маскхалат. Вражеские наблюдатели и засекли группу.

— Я считаю, что ни с каких наблюдательных пунктов группа не была засечена, — не согласился с объяснениями Визгина командующий. — Немцы и финны не дураки: если бы они обнаружили группу с земли, они бы подпустили ее ближе, устроили бы засаду в каком-нибудь узком месте и перебили бы всех или постарались бы пленить. Разведчиков обнаружили самолеты по лыжне, они и нанесли по лыжникам удар, растрепали их. Николаев и Люден выдумывают себе оправдание.

— Нам, видимо, надо было более скрупулезно расписать маршрут по этапам, предусмотреть опасность с воздуха, предупредить людей.

В разговор снова вступил Головко:

— Все детали в базе не предусмотришь, маршрут с точностью до часов и минут на такое дальнее расстояние не вымеришь. В походе возникает масса непредвиденностей. На то и голова у командира, чтобы все решать на месте. Вы продолжаете выискивать оправдание своим оплошностям. Конечно, существуют наставления, перечень основных положений, которые надо учитывать разведчику, особенно командиру. Но к ним еще нужна голова, находчивость и сообразительность.

— К недостаточной требовательности и нехватке распорядительности у Николаева добавились неопытность и

паникерство Барминского, — сказал Визгин.

— Я пока не усматриваю у Барминского паникерства, — отрезал Николаев.

— Но требовал же Барминский, — доказывал Визгин, — чтобы была оказана немедленная помощь, непозволительно грубо говорил с отделом по телефону.

— Так квалифицирует поведение политрука Люден, а проверить это сейчас трудно. Сам Барминский не отрицает, что говорил в повышенном тоне, но объясняет это тем, что в голосе Людена почувствовал безразличие к судьбе разведчиков. В политуправлении успели побеседовать с Барминским и доложили Торику.

— Я думаю, — вмешался командующий, — Барминский показал себя не с лучшей стороны. Не надо было ему уходить от группы первым, комиссару положено быть с бойцами до конца. Вы, Александр Андреевич, все же разберитесь в нем до конца. Я считаю, что его следует отстранить от должности.

— Я уже приказал комиссару отдела Орлову побеседовать с ним и доложить свои выводы и предложения.

— Позвольте! — встал и попросил слова Орлов. — Я одновременно просил бы направить в отряд комиссара, который подходит для разведки. Больше, чем на одну операцию, политработники в отряде не остаются. Их сразу куда-то перемещают. Не успеют ни людей узнать, ни боевого опыта набраться. Много операций проводили вообще без комиссара.

— Это справедливо, — согласился Николаев, — давайте, Николай Антонович, — обратился он к Торику, — найдем в отряд молодого комиссара и с характером. Для такого дела не надо жалеть стоящего человека, хоть с корабля, хоть с берега. Лучше, если найдется доброволец. Посмотрите рапорты тех, кто просится на фронт. Разведчики теперь с норовом, походили по тылам, поколотили фашистов, пообстрелялись. Не всякого политработника сразу примут в свою семью.

— Такого нелегко сыскать, кто погиб, кто ранен. Из корабельных, из плавсостава, многие разведку нюхом не нюхали, но будем искать, — заверил Торик.

— Ходить по этим маршрутам вам и впредь наверняка придется, — напутствовал Головко. — Но руководство отдела не извлекает уроков из походов, не из летних, не из нынешних, зимних. Все важно: выбор маршрута, скрытность, умение не навлекать на себя вражескую авиацию, подбор командиров и политработников. Все тщательно и профессионально должно быть проработано.

— Я думаю, Арсений Григорьевич, — вступил в разговор

Николаев, — в этой операции наряду с теми минусами, о которых вы только что сказали, есть и нечто положительное: вдали от базы, на трескучем морозе, при восьми раненых, при недостаточной распорядительности командира группы разведчики проявили себя с наилучшей стороны. Я читал объяснения, разговаривал с людьми. Я считаю, что Радышевцева, Леонова, Манина, Абрамова, Агафонова надо поощрить.

— Заготовьте приказ с благодарностью им от имени Военного совета.

Командующий предложил разобраться с операцией, которую проводил Люден на левый берег Лицы.

— Товарищ командующий, — вставил Визгин, — мы считаем, что боевое задание в этой операции не выполнено. Никакого противодействия со стороны противника не встречено. Наша группа врагом не обнаружена. Однако вражеский левофланговый опорный пункт у устья губы досконально не разведан. Мы не ставили задачу боем выяснить ситуацию, однако «языка» отряд должен был захватить. Но даже попытки взять пленного группа не предприняла.

— Об этом случае вы докладываете более самокритично, — заметил Головко. — Эта высадка без боевого результата еще более поучительна.

— Мы этот вопрос тоже у себя обсудили, сделали внушения, — сказал Визгин, желая на этом закончить рассмотрение вопроса.

— Внушение? Кому? — озадачился командующий.

— Людену и командиру отряда Инзарцеву.

— Инзарцев тут ни при чем, — поправил Головко. — Кому в голову пришло снарядить в поход столько командиров: майор, капитан, младший лейтенант, плюс к тому капитан-лейтенант, занимавшийся высадкой и съемкой отряда. Я уже говорил вам, Визгин, что у Людена есть пристрастие окружать себя солидным походным штабом. Но и это не главное. Инзарцев не командовал операцией, он находился в оперативном и в прямом подчинении старшего командира Людена, который и принимал решения.

— Люден широко мыслит, — попробовал оправдаться Визгин. — Но излишне осторожен, чересчур ко всему примеривается.

— Я бы сказал полнее и точнее. Он не ищет боевого результата, уходит от дела, если чувствует хоть малейшую опасность. Так воевать и вести разведку нельзя. На войне невозможно без риска и без опасности. Мы поручали вам сделать ему замечание. А результатов не видно. В своем объяснении Люден пишет, что половина группы — молодые, неопытные

бойцы. Если не с кем было идти, зачем пошли? Ради счета? Или хотели показать боевую активность? Для такой задачи достаточно было пяти человек, а он взял с собой тридцать пять. Впредь с предложениями о таких операциях не приходите, — сказал Головко. — А о Людене подумайте. Мне кажется, пора поискать для него другое место. Пусть не ходит в операции, не стесняет людей.

— У нас небогато с кадрами, в отделе много вакансий, большие потери, а работники в основном молодые.

— На них и опирайтесь, они смелее, решительнее. К моему совету о Людене прислушайтесь. Я пока не приказываю. Все оставляю на ваше усмотрение.

— Я все понял, товарищ командующий, — отчеканил Визгин.

— На этом сегодня с разведкой закончим, — подвел черту Головко, — займемся другими делами.

Глава XVII

В народе говорят, что шила в мешке не утаишь. То, что и Визгину и Орлову на Военном совете намылили шею, большой огласки не получило, но в отряде это поняли. Последние неудачи заставили всех задуматься, как скорее и успешнее решить задачу, поставленную командованием флота: добыть точные сведения о береговой обороне и постах наблюдения немцев в районе Петсамо и Киркенеса.

Долго обсуждали эту проблему командир отряда Инзарцев, лейтенант Догадкин, капитан-лейтенант Смирнов. Они вспомнили, что еще в ноябре пытались морем проникнуть в те районы, но вражеские прожекторы и огонь из укрытий не позволили высадиться на берег. Не менее опасно было идти и сушей. Лыжный след не спрячешь. На такой поход потребуется суток двадцать. Лыжникам всю поклажу на себе не унести. Нужен олений обоз. А с громоздкой кавалькадой в немецкий тыл нечего соваться.

Есть экипажи катеров, которые знают Варангер как свои пять пальцев. Это и Шабалин, и Лозовский. Так и пришло решение ориентироваться на высадку катерами. Пройти по берегу придется километров пятнадцать-двадцать. С одной группой стоит послать Лосева. Парень опытный, боевой, в отряде с первых дней. Сам не суетится и других попусту не гоняет. В другую группу можно включить Леонова, Кашутина, Чемоданова, Еремина. Все уже высаживались с моря, бывали в пеших походах. Из лыжной команды решили взять Головина, которому люди верят, уважают за смекалку и распорядительность.

В группу Лосева Догадкин предложил включить Харабрина и Полякова. Тот и другой в отряде с первых дней. Харабрин рассудительный, осторожный, а Поляков острый, все схватывает на лету. А к ним бы добавить двух бойцов помоложе. Семен Флоринский освоил немецкий пулемет. Чистит, смазывает. Пулемет тяжеленный, а в лапищах Флоринского как игрушка. Все согласились, что такие, как Флоринский, нужны в операции.

Включили в группу человека, знающего язык. Рикард Кеньева — карел, но по-фински говорит свободно. Как сойдутся с Параевой, калякают, будто всю жизнь говорили по-фински. Рикард и лыжник классный. В отряде всего два месяца, а вошел как в свою семью, приняли его ребята. Ему всего восемнадцать, но здешние места успел исходить и изъездить. Родом он из Белокаменки, совсем недалеко от Полярного. Пришел в отряд добровольцем, а до того работал председателем райсовета

Осоавиахима.

— Если Головина да Абрамова с Агафоновым собрать в одну группу, никакие финны их не догонят. Не лишним будет и Люкшин. Пригодится и «тяжеловес» Матвеев. Коль придется тянуть что-то на буксире, Матвеев сойдет за бурлака.

Слово за слово, а вышло, что Инзарцев, Догадкин и Смирнов скомплектовали две боеспособные группы, которые можно было высадить на вражеский берег.

Доложили начальнику разведотдела Визгину.

Несколько дней обе группы готовились к походу. 21 января вышли из Полярного. Сделали остановку в Кувшинской салме. У причала собрались все катера, которым полагалось в ближайшую ночь незаметно проскочить в Варангер-фьорд. Катер Миронова должен был высадить разведчиков, Бабанов — прикрывать высадку в случае внезапного нападения с моря. Еще два катера должны выставить мины у входа в залив Петсамо, отвлечь на себя внимание, а если противник появится с моря, увести преследователей за собой.

В сгустившейся ночной темени, в безлунье, при низко опустившихся снежных облаках подошли к Вайда-губе. Оставалось обогнуть еще один мыс, а там и Варангер-фьорд. В условленном месте их ждал тральщик. Два катера подошли к его борту и сгрузили тяжелые ощетинившиеся множеством торчащих как рогатые присоски взрывателей якорные мины с длинными минрепами.

Катер с разведчиками, «охотник» и катера прикрытия обогнули мыс и прошли горловину входа в Варангер-фьорд.

Ветер разогнал снежные тучи. Небо прояснилось, появились звезды, сбоку повисла яркая луна. Теперь был виден южный берег Варангера и вход в залив Петсамо.

Катера приступили к минированию.

Сигнальщик доложил, что с южного берега взвилась зеленая ракета. Все, кто был на мостике и на верхней палубе, обернулись в сторону берега. Примерно через полминуты взмыла вторая ракета, И тут же к тральщику и катерам понеслись трассирующие снаряды противокатерных автоматов.

Катера резко врубили скорость и, посигналив на тральщик, устремились на выход через горловину Варангера. Тральщик, набрав полный ход, уходил за ними.

Катера Миронова и Бабанова плавно покачивались на небольших волнах, ожидая прояснения обстановки.

Догадкин, обязанный принимать в данный момент решение, посоветовался с Бабановым.

— Давай замрем, поболтаемся с заглушенными моторами,

если не разглядят, то наверняка и не услышат, — предложил Бабанов.

— Если они заметили след катеров и тральщика, то могли подумать, что ушли все, — предположил Догадкин, приняв доводы Бабанова.

Решено было подойти к катеру Миронова на голосовую связь, так как ратьером писать было нельзя.

Догадкин скатился по трапу в кубрик, чтобы проинформировать разведчиков.

Рулевые старались держать катера носом на ветер, но с выключенными двигателями они плохо слушались рулей, катера поворачивало то бортом к волне, то кормой, дважды сближало настолько, что казалось, вот-вот придется отталкиваться отпорными крюками или руками. Моряки стояли вдоль бортов наготове, держали кранцы: с волной можно не справиться, тогда она так ударит бортами, что все раскрошит в щепки. Ветер начал стихать, зыбь плавно поднимала и опускала катера.

Прошел час. Вокруг было тихо. Решили постоять еще с часок. Время шло к рассвету. Может, удастся в какой-то момент проскочить к берегу тихо, на подводном выхлопе.

Догадкину становилось не по себе. План операции явно ломался. Катера, которые должны были их прикрывать, ушли. Если их обнаружат, то обстрела или погони не миновать.

Лейтенант спустился в кубрик. Разведчики повернулись к нему. В глазах их он увидел вопрос: «Ну, что? Как там, на море и на берегу?»

Первым нарушил молчание Головин. В его вопросе не чувствовалось ни тревоги, ни сомнения.

— Ничего нового, — ответил Догадкин, подумав, что ему не следовало появляться сейчас среди разведчиков. Ребята не должны помышлять о возвращении, но вскоре Догадкин почувствовал, что поддержка более всего нужна ему. Лейтенант начал говорить о том, что надо попробовать выбраться на берег незаметно. А это уже больше, чем полдела. Потом, самое главное, действовать скрытно, идти там, где обычно лыжники не ходят.

— Попадутся накатанные немецкие или финские лыжни — ступайте по ним. Днем, на свету, ни в коем случае не подниматься, непременно отлеживаться в снегу. И смотреть во все глаза. Всеми силами стараться не доводить дело до стычек и перестрелок. Мы должны быть особенно внимательны, ведь мы на чужой земле.

Разведчики дали понять Догадкину, что все это они усвоили и запомнили еще на базе. Вот как быть, если обнаружат вдали от моря, километров за двадцать, за тридцать, где-нибудь возле

дороги на Петсамо? Оповестят по радио. Тогда ведь как в мышеловке: ни туды и ни сюды.

— Тогда вся надежда, как ты, Боря, говоришь, «на мотыли», — шутя ответил Догадкин Борису Абрамову. — Ночью, в темноте, вас не догнать. Уйдете. А днем лежать, хоть ноги будут отмерзать, а лежать.

— Но ведь фрицы могут обнаружить конец лыжни.

— А вы перед привалом делайте ложный след, завязывайте петлю. Или ищите нагромождения камней, перелесочки. Ни в коем случае не останавливайтесь на болотах, на озерах. Не поднимайтесь на сопки.

— Перейти бы дорогу на Петсамо, а там уйдем, — сказал Борис Абрамов.

— С твоими ходулями убежать от егерей не мудрено. Мослы как у лося. А что делать мне с моими коротышками, ты шаг катанул, а мне три семенить, — сокрушался Матвеев.

— Поживее ногами двигай, накатом пользуйся, скользи, — советовал Абрамов. — В тебе энергии как в аккумуляторе. Не ленись, с умом расходуй силы, тогда на весь маршрут в избытке хватит, — наставлял Абрамов.

Харабрин, хорошо знавший Матвеева, видевший его в разных ситуациях, добавил:

— Ни от кого наш Матвеев не отстанет, а как почувствует, что фрицы пятки подпаливают, поддаст так, что всем жарко будет.

— Жареным запахнет, сам побежит и других на буксир возьмет, — откликнулся Агафонов, знавший, какой силищей наделен Матвеев.

Шутили Люкшин, Флоринский, пытаясь растормошить Полякова, который в разговор не вступал.

— Всех вас душой чувствую и обнять готов оптом и в розницу, — ответил Поляков, — но веселиться мне что-то не хочется, видно, израсходовалась моя веселость ещё в базе или наперед хранится, про запас.

— Женьку Уленкова или Алеху Шерстобитова сюда — веселые ребята, — сказал кто-то из разведчиков.

— Ты, товарищ лейтенант, это на заметку возьми, — на правах ровесника обратился к Догадкину на «ты» старшина Лосев, — будешь снова группы подбирать, не подыскивай таких скучных, как сегодня. Я как погляжу на физиономию Шерстобитова да услышу, как скажет он голосом Ивана Ивановича Бывалова: «В моей системе…», икота разбирает.

У лейтенанта полегчало на душе.

С мостика донесся сигнал, вызывающий Догадкина наверх.

Через минуту лейтенант спустился обратно и сказал, чтобы

приготовились к высадке. Все одели фуфайки, шапки, взвалили на плечи рюкзаки, разобрали по рукам оружие.

Моторы завыли, разок-другой стрельнули скопившейся в трубках смесью, чихнули и равномерно заурчали, забулькала выплескиваемая за борт вода, за кормой взвились поднятые винтами буруны.

Катера на средней скорости пошли к берегу. Спокойно перекачивались на волнах минут пятнадцать. Несколько правее по курсу разорвался осветительный снаряд, за ним второй, третий. По небу пополз луч прожектора, потом опустился к воде и стал шарить вправо и влево. В направлении катеров пролетело несколько белых ракет. Один за другим разорвались с полдюжины шрапнельных снарядов.

Головной катер Бабанова резко повернул вправо, на развороте циркуляции бортовым фонарем отсигналил ведомому, чтобы следовали за ним. Катер Миронова завалился в кильватерную струю ведущего.

Командир отряда катеров и командир по высадке поняли, что тайком к берегу не подойти. Немцы, затаившись, выслеживали их. Выходит, что окрестности Петсамо и Киркенеса охраняются неусыпно.

Опять неудача. Когда же наконец повезет. Об этом думали командиры групп, об этом же думали и разведчики.

Глава XVIII

Командующий флотом вызвал к себе командира бригады подводных лодок контр-адмирала Виноградова и начальника разведотдела Визгина.

— Комбриг, докладывайте, — сказал Головко, не назвав Виноградова по имени и отчеству. Такое бывало очень редко: при разборе неприятностей. — Докладывайте, что случилось с подводной лодкой Коваленко?

— Лодку, — сказал Виноградов, — привел в базу помощник командира Шипин. Я говорил с ним, просмотрел походные документы, прокладку курсов штурманом по карте, прочитал записи в вахтенном журнале. Вырисовывается следующая картина.

Лодка Коваленко подошла к острову Мегерей, северное побережье Камё-фьорда, где намечалась выброска разведчиков. Было это в 18 часов 14 февраля. Долго осматривались на перископной глубине. Всплыли часа через полтора. В рубку поднялись командир, комиссар, представитель разведотдела старший лейтенант Сутягин. Поднялся также весь комсостав лодки, кроме того, рулевой, сигнальщики, артрасчет и четверо краснофлотцев для подготовки шлюпок.

— Высыпали все как на парад. К чему это? — прервал Головко Виноградова.

Комбриг сказал, что ответить на этот вопрос он не может.

При всплытии осмотрелись, сверились с прокладкой штурмана. Выходило, что к месту высадки прибыли с большой точностью. На материке — ни огонька. Пусто и в море. Волнение около пяти баллов. Это было в порядке вещей. По лоции и по описаниям, моряков море здесь никогда не бывает спокойным, почти всегда встречные восточные и западные потоки. Сказывалась близость Нордкапа.

Командующий встал, подошел к карте, взял лупу, вгляделся в Мегерей. Виноградов шагнул было к нему, но Головко махнул рукой, возвращая его на место, положил лупу, сел в кресло и приказал:

— Продолжайте, комбриг.

— Коваленко и Сутягин, хотя и видели, что волна у берега грохочет, взлетает пеной и брызгами, приняли решение высадку произвести. Подали команду, чтобы наверх поднимались разведчики, выносили свое имущество. Когда все было поднято и размещено в шлюпках, на веслах пошли к берегу. К каждой шлюпке был закреплен пеньковый линь, который все время

потравливали с лодки. А после того как разведчики и переправщики управятся с грузом, шлюпки этим тросом можно будет оттянуть обратно, загрузить новой партией груза и отправить вторым рейсом. В этом случае справится и один гребец.

По времени выходило, что шлюпки достигли берега. В ночной темноте за волнами невозможно было разглядеть, высадились ли разведчики. Подлодку в этот момент течением и ветром поднесло к берегу, она килем коснулась грунта. Коваленко приказал дать ход, переключить двигатели на винты и отойти мористее. Трос выбрали, шлюпки подняли на борт лодки. Командир попытался на малом ходу снова подойти к берегу, но на прежнее место приблизиться не смог. Тогда он принял решение уйти в море, зарядить батареи, после чего переправить разведчикам остальной груз.

Днем дежурили в квадрате в подводном положении. А наверху, на поверхности, разыгрался сильный шторм. Три ночи подряд шторм не подпускал к берегу. В ночь на 18 февраля, когда лодка в надводном положении шла из Порсангер-фьорда к месту, где оставила разведчиков, ее обнаружили вражеские эсминец и сторожевик, осветили прожекторами, обстреляли из пушек и пулеметов. Эсминец вышел на таран, командир приказал срочно погружаться. Коваленко в люк не спустился. Крышка захлопнулась, лодка пошла под воду. В этот момент таранящий удар форштевня эсминца пришелся по рубке лодки. Ее сильно тряхнуло, повалило на бок, но цистерны забирали воду, и она продолжала уходить на глубину. Пробоины ни в рубке, ни в корпусе не обнаружили. Перископ полностью смяло, он не вращался и не выдвигался.

В лодке от удара погас свет. Двери отсеков были задраены. На запрос из центрального поста отовсюду доложили, что люди на месте, целы, лишь местами сочится вода.

Моторы были заглушены, лодка остановилась, набор воды в цистерны прекратился, ее отдифферентовали, аварийные команды выясняли и устраняли повреждения, включили аккумуляторное освещение.

У последних спускавшихся в центральный пост спросили про командира. Те отвечали, что видели Коваленко на мостике рубки, он убит. Лодке требуется большой ремонт, — заключил комбриг и сел.

Подошла очередь давать объяснения начальнику разведотдела. Визгин сказал, что имеет при себе докладную Сутягина. Многие детали, о которых говорил контр-адмирал Виноградов, совпадают. Некоторые вещи Сутягин подает либо чуть иначе, либо разъясняет обстановку более подробно.

Сутягин подтверждает данные о плохой погоде, о сильном волнении моря. Они обсуждали с Коваленко, стоит ли проводить высадку. И все же решили высаживаться, так как были совсем у Нордкапа, всего километрах в десяти. Это место не минует ни один вражеский караван. С моря сюда подступиться трудно. Здесь множество рифов, берега обрывисты. К тому же казалось, что враг не заметит нашей высадки.

В первой шлюпке ушел краснофлотец-переправщик с подводной лодки с двумя разведчиками-норвежцами, на второй шлюпке — переправщик и радист группы. Разведчики взяли с собой два рюкзака продуктов, личное оружие, полуавтоматическую винтовку, ножи. Разведчики пошли в полушубках и сапогах, а переправщики — в робах, сапогах и ватных куртках.

Когда шлюпки пристали к берегу, Сутягин покричал, как, мол, дела. Ему ответили, что все благополучно. Через некоторое время спросил вновь, в ответ крикнули, что скоро управятся. Сутягин ждал, пока шлюпки разгрузят и подадут команду их отбуксировать. Но подлодку отнесло, шлюпки подняли на борт, вылив воду, которая заполнила их почти до краев. Моряков-переправщиков в шлюпках не оказалось, не было и весел, Сутягин и Коваленко решили, что переправщики остались на берегу, чтобы помочь разведчикам поднять груз. Никому и в голову не приходило, чтобы весла могло выбросить волной и унести в море. Командиры решили позднее послать к берегу других гребцов, а пока уйти в море.

В шесть часов утра подлодка вернулась к месту высадки. Идти на берег на этот раз собрался Сутягин, захватив оставшийся груз разведчиков. Взял весло, которое за ночь выстругали из доски. Договорился с командиром лодки: если к рассвету не управится, его снимут завтрашней ночью. Однако и его быстро сносило в сторону, хотя он изо всех сил правил шлюпку наискосок к берегу. Грести одним веслом наперерез было тяжело. Весло сломалось. Шлюпку несло на отмель, там накатная волна ее наверняка бы опрокинула. Сутягин напряг последние силы, греб обломком весла, стремясь не попасть на отмель. Посигналил фонарем. Подлодка приблизилась к нему. Швартового конца ни на шлюпке, ни у моряка, что стоял, держась за леер, и готовился принять шлюпку, не оказалось. Волной шлюпку подкинуло, ударило о борт подлодки и перевернуло. Сутягина, шлюпку и часть груза моряки выловили баграми, подняли на палубу. Тюки с тяжелым грузом утонули.

Снова ушли в море.

В следующую ночь шторм так разгулялся, что приблизиться к

берегу оказалось немыслимо, да и держаться в надводном положении в открытом море было тяжело: лодку бросало волнами как скорлупку. Уходили под воду и зависали на глубине или лежали на грунте. К вечеру шестнадцатого февраля шторм утих, только «мертвая зыбь» еще раскачивала покатую волну.

Приблизились к Мегерею менее чем на два кабельтовых, ближе подходить не рискнули из-за подводных рифов. Теперь Сутягин собрался идти на шлюпке вдвоем с помощником командира лодки Шипиным, попытаться переправить оставшееся продовольствие и имущество.

Два командира оттолкнулись от борта и навалились на весла. Но и на этот раз до берега дойти не смогли, чем ближе к береговым утесам и отмелям, тем сильнее, яростнее кидалась волна. Повернули обратно.

Еще через сутки, следующим вечером, опять подошли к берегу, но уже в подводном положении. Лодка коснулась грунта. Всплыли. Сигнальным фонарем несколько раз посветили к тем береговым обрывам, куда ушли шлюпки вечером четырнадцатого. Но в ответ ни звуков, ни проблесков.

Ушли в Порсангер-фьорд. Там и попали под таранящий лодку миноносец. Вот все, что мог доложить Сутягин.

— Сколько разведчики смогут продержаться без дополнительного продовольствия? — спросил командующий.

— У каждого разведчика был при себе запас на аварийный случай. Но едоков на берегу вместо трех стало пять.

— Значит, продукты у них уже кончились. Во что одеты краснофлотцы с лодки?

— Налегке, чтоб сподручнее управляться на шлюпках: обычное матросское рабочее платье, сапоги, фуфайки, шапки. Могли сохранить и рукавицы, хотя при погрузке и гребле их нередко сбрасывают. На подлодке остались меховые костюмы, валенки, лыжи, легкие сани и еще много всего.

Головко высказал предположение, что взять переправщиков из личного состава подводной лодки придумал Сутягин. Это не предусматривалось планом операции. Он, Головко, отлично помнит, что на резиновых лодках обязаны были работать разведчики, а не подводники.

— Именно так, — подтвердил Визгин. — У нас есть люди, умеющие хорошо орудовать веслами, но неспокойное море заставило Сутягина прибегнуть к помощи экипажа.

— Вы не оправдывайте Сутягина. Дополнительно разберитесь в деталях.

Командующий поинтересовался, есть ли какие-либо сведения о группе разведчиков, оставшейся на берегу?

— Пока никаких, товарищ командующий, — ответил Визгин.

— Дайте задание слушать немецкие, норвежские и финские радиопередачи. Может, еще что-то прорвется. Если не выйдут на связь разведчики, что-нибудь обнародуют немцы, финны или норвежцы. Прикажите следить за их прессой, вдруг появится какой-нибудь материал. Держать это на жестком контроле и докладывать мне. Надо также подобрать аварийно-спасательную группу, срочно ее подготовить, экипировать. Предупредите всех, чтобы никакой болтовни, особенно об обстоятельствах исчезновения двух краснофлотцев. Надо о случившемся донести в Центр. О таких событиях мы не имеем права молчать. К тому же Центр может найти возможности помочь разобраться в этой нелепейшей истории.

— Проект радиограммы заготовлен, пойдет сегодня.

Командира бригады подводных лодок и начальника разведотдела обязали взять ото всех, кто участвовал в высадке, объяснения и тщательно проанализировать их. Следует поинтересоваться, не дошли ли до группы, работающей на Нолнесе, какие-нибудь слухи.

Командующий напомнил Визгину, что еще до операции он строго-настрого предупреждал: при любых обстоятельствах не допустить, чтобы противник смог использовать радиопередатчик для ложной информации. Об этом, по-моему, я даже написал в задании.

— Так точно! О вашем задании знает руководство радиоцентра и радисты, которые следят за событиями на Мегерее. Наши хорошо знают почерк радиста своей группы. Однако пока круглосуточная вахта ничего не дала. Сергей Щетинин не выходил в эфир.

Через три дня после тяжелого разговора у командующего Визгин снова стоял перед Головко.

— Прежде чем докладывать сводку, товарищ командующий, у меня есть внеочередное сообщение: опять произошла неудача с высадкой группы с подлодки.

— На Арней?

— Так точно.

— Что случилось?

— Группа высажена не в полном составе: радист остался на лодке и вернулся в базу.

— Где радиостанция?

— При нем. Доставил сюда.

— Значит, оставшиеся на берегу опять без связи с базой?

— Там два норвежца. Они не обучались радиоделу. Нет и запасного канала связи.

— Продовольствие и имущество им переправили?

— Только минимальный запас на несколько суток. Весь основной груз остался на лодке.

— Почему не высадился радист, струсил?

Визгин докладывал, что группа пошла на четыреста четвертой «щуке». Погода и в Лоппском море, и у Арнея стояла неважная: сильный ветер, большая волна. Только 21 февраля море несколько успокоилось, лодка всплыла у Арнея.

Двое норвежцев с частью груза оттолкнулись от борта подлодки и налегли на весла. Следом потравливали пеньковый линь, чтобы вернуть шлюпку обратно к лодке. Однако троса до берега не хватило. Радист Чижевский взял еще две бухты троса и вместе с краснофлотцем поспешил следом за первой лодкой. Трос к большой шлюпке успели нарастить, и теперь они обе удалялись от подлодки. Однако ветер и волна разнесли лодки в стороны, одна от другой были примерно на кабельтов.

Шлюпка с радистом достигла берега раньше, волной ее опрокинуло и выбросило на сушу. И радиста, и моряка-подводника, и имущество окатило водой. Радист кричал гребцам на большой шлюпке, чтобы они приставали осторожнее, но за шумом ветра и волн они этого предупреждения не слышали. Радист выстрелил из пистолета, чтоб обратить на себя внимание. Его не поняли, а может, просто ничего не могли сделать — вторую шлюпку тоже перевернуло.

Моряк-подводник ушел на малой шлюпке обратно на подлодку, а Чижевский побежал к своим товарищам на берегу.

Подыскали, как и показалось, удобное место для приема шлюпки, и радист пошел обратно к подлодке. Оставшиеся на берегу переносили повыше доставленный груз.

Радист вернулся на подлодку, переоделся и переобулся. Гребцы-подводники еще дважды пытались одолеть бурлящее море, но не смогли, волна опять чуть не вывалила их в воду. Повернули к лодке. В это время корабль коснулся килем отмели, следующая волна накинула бы на банку. Командир приказал уйти от берега мористее. На этом высадка группы прервалась. Лодка вернулась в базу, а с ней и радист.

— Почему не попытались высадить радиста и забросить остальной груз в следующие ночи? — спросил командующий.

— Погода опять ухудшилась, разыгрался шторм, подойти к берегу не могли.

— Сигналов с берега не подавали?

— Световые сигналы на такой случай не были предусмотрены. Радиосвязи у разведчиков нет. За эту группу я беспокоюсь меньше, чем на Мегерее.

— Почему?

— Командир группы местный, из Тромсё, находчивый, опытный моряк. Он найдет выход из положения.

— Но какой толк от разведчиков, если они без связи?

— Не пойдет ли вскоре туда лодка на крейсирование?

— А что? — вопросом на вопрос ответил командующий.

— С ней бы и забросить туда радиста. Они найдут друг друга.

— А груз?

— Груз доставить воздухом, когда радист сообщит о месте и времени, — ответил Визгин.

— Там одна лодка дежурит, вторую смысла нет посылать. С воздуха бросать опасно, туда мы летаем редко.

— Но что-то надо предпринять, иначе группа будет бездействовать.

— Не провалятся?

— Думаю, что нет.

— Если так, рисковать не будем. Пока забрасываем радиста, разведчики от берега уйдут. У соседей там нет своих людей? — поинтересовался командующий.

— Готовят группу, чтобы выбросить недалеко от Арнея, на остров, но пойдет она позже.

— Ищите способ подать разведчикам сигнал и снять их обратно. Вы в радисте уверены?

— Абсолютно. Можем послать с любой группой.

— Плохо, Павел Александрович, — сказал командующий, — столько труда, затрат, надежд, и две группы выброшены впустую. А нам так надо знать о движении немецких конвоев вдоль всего того побережья…

Визгин, видя, что командующий озабоченно потер лоб рукой, еще острее ощутил, сколь серьезные надежды возлагал он на эти группы и как тяжело переживает случившееся.

— Мы поработаем с подводниками, подумаем, как отладить это дело, чтоб дальше шло без сучка и без задоринки, — заверил Визгин.

— Мне кажется, вам надо серьезно продумать и процедуру высадки. Подводники не умеют хорошо ходить на резиновых шлюпках, их этому не учат. Разведчиков, по сути дела, переправляют случайные люди. Надо подобрать людей, умеющих хорошо работать веслами. Подобрать не одного человека, а группу, отделение.

— Мы об этом думали. Конечно, лучше, если выбрасывать на берег и людей и груз и возвращать обратно будут сами разведчики из нашего отряда. Но тогда придется на подлодку брать еще по два-три лишних человека, да и рейсов делать

больше.

— Это не сложно. Вы не хотели пользоваться своими переправщиками, надеялись вернуть шлюпки обратно в обоих случаях тросом. А ничего не получилось. Этот вариант надо отбросить.

Прошло несколько дней. Визгину пришлось снова связаться с командующим по телефону.

— Товарищ командующий, есть сообщение неотложной важности.

Не прошло и десяти минут, как Визгин вошел в кабинет командующего, раскрыл папку и молча подал вице-адмиралу листок с какими-то красными штампами и оттисками в верхних углах.

Головко прочел.

В депеше из Центра сообщалось, что глава английской военной миссии в Москве генерал-лейтенант Макформан информировал, будто по совершенно достоверным сведениям от источника, находящегося в тесной связи с германской разведкой, стало известно, что немцы захватили в плен и допрашивают командира советской подводной лодки, который пытался высадить небольшую группу людей вблизи Мегере. Люди эти, по слухам, потонули.

Головко, оторвав глаза от документа, пристально посмотрел на Визгина.

— А меня убеждали, что Коваленко погиб. Говорили даже, что, когда лодка погружалась, он лежал в рубке мертвый.

— Так считали и докладывали старпом, комиссар и другие, кто был в центральном посту. На последний вопрос своего помощника Шипина Коваленко уже не отвечал. Коваленко мог потерять сознание. Но если бы командира ранило, то в холодном море он не мог остаться на плаву. Здесь и здоровый-то несколько минут едва выдерживает, — высказал сомнение Визгин.

— В сообщении есть косвенные сведения о группе. Если все потонули, то с кем на берегу переговаривался Сутягин?

— Англичане же не уверены в этом сообщении, подают как слухи, — сказал Визгин.

— Откуда и как возникли слухи? Кто погиб, тот ничего сказать уже не мог. Местного населения в тех местах нет. Если Коваленко высаживал разведчиков, то откуда он знал, что его люди погибли? Ведь команда подлодки пыталась выбросить разведчикам груз?.. Откуда этот слух? Вообще, кто дал немцам и англичанам знать о разведчиках? Вот сколько возникает вопросов, Павел Александрович. Немцы ничего не могли придумать. Значит, кто-то знал, что группа разведчиков была на

подлодке и высаживалась. Не от нас ли это просачивается? — командующий в упор смотрел на Визгина.

— Мы предпринимаем все возможные в наших условиях меры конспирации, даже стараемся скрыть разведчиков от всего экипажа лодки, никто, кроме командира, старпома и штурмана, не знает места выброски.

— Кто же мог донести немцам о попытке высадки группы?

— Я пока не могу предположить, — признался Визгин.

— Прошло около десяти дней после неудачи, на Мегерее. Немцы ничего не публикуют? — спросил Головко.

— Никаких сообщений ни в печати, ни по радио. Полное молчание, все как воды в рот набрали.

— Это еще более настораживает. Ведь они точно знают, что эсминец таранил лодку. Если командир подлодки в плену, почему они молчат?

— Может, надеются еще отловить группу?

— Не исключено. Могут рассчитывать и на другое: они молчат, будто ничего не знают, мы пойдем на выручку, попытаемся вызволить группу, а они устроят засаду, — рассуждал вслух Головко.

— У нас группа к заброске готова, нужны лишь погода и плавсредства.

— Воздержитесь пока от высадки. Нас действительно могут заманить. Думаю, что наши разведчики-норвежцы найдут выход из сложного положения.

— Я тоже на это надеюсь, — признался Визгин.

— Вы себе и мне поставили задачу со многими неизвестными. Немцы молчат. И мы пока будем играть в молчанку. Но думать, думать надо, соображать! Все анализируйте, проверяйте. И никому ни слова. О случившемся должен знать только узкий круг людей. Идите, думайте, решайте задачу, все взвешивайте. Но не торопитесь действовать, не предпринимайте никаких шагов без нашего одобрения, — заключил Головко.

Глава XIX

Кончался февраль. Зима, даже в Заполярье, повернула на весну. Солнце день ото дня поднималось выше, светило ярче.

В разведотделе все чаще задумывались над тем, где и как добыть сведения о вражеских планах на весну и лето. Можно было предполагать, что до таяния снегов, при мартовской и апрельской морозной погоде, начнется новое немецкое наступление. Зимой морем и по суше фашисты тянули через Киркенес и Петсамо свежие резервы, перебрасывали много грузов, которые нужны были не только для обороны. Конвои, хотя и не всегда полностью, все же добирались до Киркенеса. Стало известно, что в Альпах немцы демонтировали подвесную дорогу и приступили к перевозке ее под Мурманск.

Сведения, полученные разными путями и добытые многими разведчиками, надо было перепроверить, уточнить и обновить.

Визгин пригласил к себе подполковника Добротина, батальонного комиссара Орлова, майора Людена, капитан-лейтенантов Смирнова, Кондрашкова и Ферапонтова.

Разговор шел о том, что почти три месяца разведчики не бывали на Мотовском побережье. Между тем аэрофотосъемка засекла оживление противника на этом участке фронта. Похоже, что немцы вернулись и на Пикшуев. Следовало бы посмотреть на эти места свежими глазами.

— Михаил Юльевич Люден подготовил свои соображения. Давайте послушаем его, — сказал Визгин.

Люден поправил очки, взял указку и подошел к карте Мотовского побережья.

Докладывал он долго, говорил, что изучил и сопоставил сведения аэрофотосъемки и артразведки.

— По-моему, — сказал Люден, — за зиму обстановка на Мотовском побережье существенно изменилась. Картину, по моему мнению, можно прояснить в течение одной ночи, высадив не менее трех групп.

Орлов, не дождавшись конца доклада, задал вопрос:

— Почему одновременно три группы, а не по одной с разрывом во времени?

Люден ответил:

— Последовательные высадки будоражат противника, заставляют его держаться настороже. Поскольку мы давно не тревожили врага, он меньше всего ждет нашего появления. Тем более сразу в трех пунктах.

— В этом рассуждении есть определенный резон, — заметил

Добротин.

Поскольку людей в отряде мало, Люден предлагал взять один взвод из 12-й бригады. Бойцы в нем опытные, почти все участвовали в совместных операциях, последний раз ходили за орудиями на Пикшуев. Командовать взводом будет Авакьян.

— У нас случились неудачи при совместных походах с людьми из других подразделений. Стоит ли рисковать на этот раз? — спросил Орлов.

Людена смутил намек на самую крупную неудачу: августовский поход к аэродрому Луостари, которым он командовал. Майор стал доказывать, что хорошее оперативное взаимодействие не вредит делу, такое отлаженное взаимодействие пригодится, особенно в крупных десантных операциях. А они наверняка будут.

Майор повернулся к карте и остановил указку на мысе Пикшуев. Он предлагал обследовать мыс и, если противник снова поставил там орудия, уничтожить их. Для этого достаточно двух взводов.

— Вы, Люден, настойчиво не хотите учитывать предостережение командующего и мое, — заметил Визгин, — вас так тянет стрелять и взрывать.

— Если противника на Пикшуеве нет, — продолжал Люден, — мы пройдем по берегу губы Западной Лицы, уточним ситуацию, постараемся захватить пленного и документы.

— И чтобы никакого шума и грохота, — предупредил Визгин.

Люден продолжал излагать далее свой план действий. Группа во главе с младшим лейтенантом Синцовым пройдет от места высадки до Титовской губы и разведает то место, где в ноябре потрепали авиабазу.

Третья группа, по мнению Людена, разведает местность в районе острова Кувшин.

Визгин, закрывая совещание, предложил обдумать план, предложенный Люденом, связаться с командованием армии, чтобы в этом районе в ближайшее время никаких операций не планировалось.

Вечером третьего марта три «малых охотника» с разведчиками на борту вышли из Полярного.

Еще на выходе из горла Кольского залива катера встретила накатная волна — остатки недавно затихшего шторма. Катера резали волну поперек, их раскачивало от носа к корме. Погода улучшилась, поворот в Мотовский залив ожидался благополучным. Видимость была приличная, хотя небо висело темное и сумрачное. Темень радовала: противнику труднее разглядеть катера на подходе к берегу.

Позади остался Порт-Владимир.

В рубку, где с командиром катера стоял Люден, поднялся старшина Лосев.

— Товарищ майор, у меня, один боец заболел.

— Что с ним?

— Мается какой-то болью в животе, говорит, режет нестерпимо. Побледнел весь, глаза впали.

— Вашу высадку отменить. Будете на катере, в моем резерве, — сказал Люден.

К месту высадки несколько восточнее Пикшуева подошли около одиннадцати часов вечера.

В километре от морского берега есть небольшое безымянное озерцо. Оно принимало в себя талые и дождевые потоки с окрестных гор, излишки воды круглый год стекали в море. За тысячи лет эти воды проточили через гору путь к заливу, пробили ущелье в несколько десятков метров. Невдалеке от него и пристали катера.

Глубина и небольшое волнение позволили подойти вплотную к берегу, разведчикам не пришлось даже спускать надувные шлюпки. Моряки-катерники выбросили трапы, они не дотянулись до сухого берега, тогда краснофлотцы из экипажа вынесли на сушу короткие катерные трапы. Можно было спускаться, не замочив ног.

Прибой то вздымал, то опускал катера, трапы тоже покачивались вверх и вниз, бежать по шатким доскам, хотя он и и с балясинами и поручнями по одному краю, без тренировки не очень-то ловко, не всякий добежит, да еще груз в руках: оружие, лыжи. О поручень, если сильно качнет, можно придержаться только локтем.

Первыми спустились разведчики взвода Головина. У береговой кромки, намытой морем возле гранитных обрывов, следов на камнях не было. И дальше по краю береговой полосы, куда не докатывались ни приливная вода, ни штормовые волны, лежал нетронутый снег.

Прошли по каменно-галечной отливной полосе, полезли по снегу. Он рыхлый, комковатый, напитанный морской соленой сыростью, но нетоптаный. Попробовали идти без лыж — удалось: нога, утонув в снегу до середины голени, упиралась в каменную твердь. Взвод двинулся стеной ущелья вверх по откосу, шаг за шагом удаляясь от моря.

Местами от оттепелей и подтекающей сверху воды каменные лбища заледенели, на них снег не держится, идти в нешипованных ботинках было скользко. Приловчились упирать в лед лыжную палку, к ней ставить ногу и держать, пока для другой

ноги не попадется такая же опора.

Вслед за взводом Головина подали команду высаживаться взводу Авакьяна. Бойцы сбежали по трапам на сушу, потоптались возле того места, где стоял взвод Головина, встали на лыжи и начали подниматься правым, чуть более пологим краем ущелья.

Остальные разведчики сидели еще на катерах. Люден и Николаев с несколькими бойцами сошли на берег и стояли на берегу, ожидая, когда сверху Головин даст сигнал. Тогда начнет высадку взвод Шелавина и другие разведчики.

Передним во взводе Головина шел Еремин. За ним, поотстав на несколько шагов, взбирались остальные из головного дозора, а следом вытянулся в цепочку весь взвод.

Петр Еремин по крутому угору дошел почти до кромки каменной ложбины, еще несколько шагов — и он будет на плато, вылезет на поверхность. Шаг-другой — и голова его высунулась из оврага. Еремин разглядел, что левее его всего метрах в тридцати идут люди в сторону Пикшуева, шепнул товарищам:

— Тихо… Немцы… Вижу человек шесть.

Еремин оперся на локти и приподнялся повыше, чтобы осмотреться. В тот же миг с немецкой стороны раздалась стрельба. Тарахтели два пулемета, верещали автоматы, отрывисто постреливали карабины.

Люден, услышав стрельбу, послал к Головину связного с приказом выбраться на плато и отсечь вражеским солдатам путь к береговой полосе. Другой связной побежал к Авакьяну с приказанием перекрыть немцам путь в глубь материка. Лейтенант Николаев получил задание догнать Авакьяна, помочь ему быстрее выдвинуться и зажать немцев в клещи.

Головин видел, что немцы в сторону Пикшуева не рвутся, наперерез ему не спешат, они отходят в глубь материка, видимо, там у них база. Авакьян, выбравшись из ущелья, явно не поспевал перерезать немцам дорогу. Головин развернул взвод в погоню за егерями.

Из-за завала камней длинными очередями частил пулемет, прижимал бегущих моряков к земле. Абрамов и Флоринский подобрались к пулеметчику и метнули гранаты. Пулемет отбросило в сторону, возле камней распластался убитый пулеметчик, невдалеке, скрючившись, сучил ногами и скреб руками снег другой немец.

Радышевцев заметил, как два немца уходят вдоль края оврага.

— Я вас, гадов, отучу бегать, ползать будете, — крикнул Алексей и нажал на спусковой крючок. Бежавший позади, сделав несколько шагов, упал, второй не остановился.

Радышевцев выстрелил, немец замахал руками, закричал и свалился с обрыва.

У убитого Радышевцев забрал документы.

Перестрелка стала затихать, фашисты отходили в глубь материка, отстреливались, перебегали. Разведчики видели, как они выносили раненых, но из автоматов достать их было уже невозможно.

Когда бойцы Авакьяна поднялись из ущелья на равнину, там шла перестрелка между немцами и взводом Головина, надо было выручать своих. По дороге разведчики наткнулись на раненого егеря, подняли его и повели вниз, к катерам. По пути увидели четырех убитых солдат. Забрали их документы и личные знаки. В ущелье получили ранения два разведчика, старшина отправил их к месту высадки, там должен быть фельдшер Заседателев.

Николаев, прихватив с собой старшину Лосева, поднимался вверх с бойцами Авакьяна. Догнали пулеметчика Росинского. Однако немцы оторвались от погони, ушли, скорее всего, к своему опорному пункту.

Внизу, под скалой, на полосе отлива у катеров собрались командиры. Визгин спросил, какими силами располагал противник. Большинство сходилось на том, что немцев было примерно пол взвода. Скорее всего, это патрули, совершающие по пешеходной дорожке досмотр берега с востока на запад и обратно. Они заметили приближение катеров, наблюдали за высадкой, а когда головная группа разведчиков стала выбираться из ущелья, встретили ее огнем, а затем отошли вглубь, прикрывая друг друга.

Осмотрели документы убитых. Автоматная очередь Радышевцева прикончила лейтенанта Винцена, в пулеметном гнезде гранатами убило ефрейтора Эттериха, у второго убитого — рядового солдата — был только личный знак. В кармане одного из погибших егерей оказались документы ефрейтора Пауля Книллинга. У остальных погибших были только солдатские знаки. По документам все числились в запасном батальоне.

Визгин спросил собравшихся возле него командиров, что они думают о дальнейших действиях. Первым высказался Николаев. Он считал, что надо немедленно, не откладывая времени, становиться на лыжи и догонять уходящих егерей. Далеко они уйти не могли, идут с ранеными. Добить их, а если удастся, то добраться на их плечах до опорного пункта и разведать его.

Люден не согласился с соображениями Николаева, сказал, что егеря не подпустят отряд к себе, наверняка успеют подготовить оборону. Отряд понесет ненужные потери.

Военфельдшер Заседателей доложил, что раненый немецкий

солдат умер.

Головин, Авакьян и Шелавин, хотя и командовали взводами, своего мнения не высказывали.

Заключил обсуждение Визгин:

— Внезапность утрачена. Мы скрытно никуда уже не подойдем. Приказываю операцию прекратить.

Ясно было одно: на мысе Пикшуев снова немцы. Враг неусыпно следит за всем, что происходит в Мотовском заливе.

Глава XX

Командующий приказал повторить операцию на Мотовский берег.

Начальник разведотдела Визгин и его заместитель Добротин решили поставить во главе группы опытного командира Шелавина. Вторую группу поручить Синцову. Он — спокойный, рассудительный, горячку не порет.

В отряде был теперь новый военком — старший политрук Дубровский. Он произвел на всех хорошее впечатление. Решено было послать и его. Пусть набирается боевого опыта.

Тринадцатого марта в двадцать один час группы на двух «охотниках» вышли на боевую операцию.

В начале двенадцатого ночи на малой скорости стали приближаться к берегу южнее Пикшуева, где собирались высадить группу Шелавина. До берега оставалось примерно полтора кабельтовых, когда наблюдатели заметили пятерых лыжников. Шли они в южном направлении, в сторону губы Лица. Катера повернули к Рыбачьему, удалились из видимости и легли в дрейф.

Через час вернулись к месту высадки. На этот раз ничего настораживающего на берегу не заметили. За пять минут группа высадилась на сушу. Катер отошел мористее. На материке и в море все было спокойно.

Катера пошли к Могильному.

Вихрила пурга. Береговая полоса просматривалась плохо. Подходили к месту высадки по расчету, на ощупь. Ручаться, что причалили точно в назначенное место, никто не мог.

По трапу спустились младший лейтенант Синцов, старшина Тарашнин, помкомвзвода Чинговатов, разведчики Даманов, Широков, Шерстобитов. На берег сошли двенадцать человек.

Катер походил вдоль берега часа полтора, понаблюдал за обстановкой. Сигналов от разведчиков не поступало. Они растворились в снежной круговерти.

Синцов вел людей, поглядывая на компас.

Наткнулись на линию телеграфных столбов. Провода гудели — значит, были под током. Вдоль опор немецкие связисты натоптали торную тропу. Пересекать тропу не стали, сделали крюк влево, по-заячьи попетляли, попался незаснеженный скат сопки, сняли лыжи, прошли по камням, чтобы не оставлять своих следов.

Шли по азимуту. По времени и по пройденному пути прикинули, что Титовская губа должна быть недалеко. Выбрали

для привала пологую северную сторону, посчитав, что немецкие посты или точки могут прятаться только по южным, укрытым от наблюдения с Рыбачьего и защищенным от пронизывающих морских ветров скатам. Лыжами нагребли снегу, зарылись в ячейки.

Небо посветлело, буран утих, заснеженные сопки порозовели от восходящего солнца. На соседнем склоне сопки заметили струйку дыма, она поднималась из чуть различимой на снегу трубы. Сообразили что к чему. Около трубы появился немецкий солдат. Под-снегом оказалась землянка.

Стало совсем светло. Теперь отчетливо просматривался узел немецкой обороны, С моря он был прикрыт сопкой. Разведчики, сами того не ведая, попали в ловушку. Теперь не только уйти, даже встать было нельзя.

Командир группы приказал лежать, не шевелиться, ждать, пока стемнеет. Под покровом ночи можно будет скрытно отойти. Около восьми часов обитатели землянки начали выходить на улицу. Дым теперь тянулся чуть ли не из десятка труб.

За колючей проволокой немцы расхаживали в полный рост, говорили громко, хохотали.

Разведчики лежали в снегу. Случилось так, что ночью командир группы Синцов оказался на левом фланге, а политрук Тарашнин на правом. Разговаривать между собой они могли только по цепи разведчиков. Ребята, наблюдая за немцами, ворчали:

— Сами себя в западню засунули: ни вздохнуть, ни охнуть, ни встать, ни поползти!

— Живут, гады, в тепле! На улицу выходят раздетые, будто распаренные.

— Ржут как застоялые жеребцы!

Тарашнин, самый старший из группы, опытный в житейских делах, приструнил ребят, шикнул, чтобы не очень-то болтали. Обнаружат немцы — тогда не избежать беды.

Немцы, видно, позавтракали и, одевшись в шинели, ушли по тропе в восточную сторону, потом вернулись с плахами и брусьями. Другие в белых халатах ушли по дороге к мысу Могильному. Из строения, похожего на обмурованный камнем блиндаж, вышел солдат с овчаркой на поводке и скрылся за выступом скалы.

В час дня, после обеда, немцы высыпали на улицу, закурили. У разведчиков засосало под ложечкой.

С Рыбачьего, со стороны Эйны, донеслись взрывы бомб, через три-четыре минуты оттуда пролетел «юнкере» и зашел на посадку куда-то за Титовкой. Через некоторое время этим же курсом

прошел второй самолет, но летел он на малой высоте, буквально на бреющем. Ушел на снижение туда же, куда и первый.

К вечеру отгороженная проволокой площадка опустела. Только часовой в маскхалате размеренно ходил по тропинке.

После ужина немцы переносили камни, возводили из них высокую стенку, ячейки для стрельбы стоя. Похоже, что егеря строили прочный опорный пункт. С него минометами и орудиями можно обстреливать окрестности Могильного и подходы к Титовской губе.

Это было большой новостью для разведчиков. Осенью минометов и орудий здесь не было.

Стемнело. Синцов сказал:

— План у меня такой: идем к месту высадки, оставим тех, кто поморозился, возьмем у Шелавина несколько человек, вернемся на тропу, по которой егеря ходят на Могильный, схватим часового или разводящего и быстро назад к катерам. Тогда успеем уйти от преследования.

За день халаты смерзлись. Как только тронулись с места, халаты зашуршали, заскрипели. Залаяли собаки. Разведчики затаились, полежали, пока овчарки успокоились. Потом поодиночке тихо-тихо поползли вверх по склону. На связанных в волокушу лыжах тянули Широкова, который отморозил ноги.

Вскоре наткнулись на хорошо накатанную свежую лыжню. Повернули по ней влево, взяли направление в сторону Пикшуева. Во втором часу ночи оказались на берегу Мотовского залива невдалеке от того места, где высадились предыдущей ночью.

Возле Могильного засветилось несколько белых ракет, ответные ракеты взлетели всего в полукилометре от разведчиков. Заподозрили засаду, затаились в снегу. Ракеты больше не загорались.

Не дождавшись условленных четырех часов, посигналили в сторону моря. Повременили немного, поморгали фонарем еще раз. Никакого ответа.

Синцов и Чинговатов прошли вдоль берега в сторону Пикшуева в надежде встретить группу Шелавина. У Пикшуева время от времени небо подсвечивали ракеты.

Было двадцать минут пятого, когда возле берега показались два катера, обменялись условными позывными и подошли вплотную к месту, где укрылись разведчики. Быстро поднялись по сходням на катер. Командир катера был встревожен тем, что вторая группа почему-то к берегу не пришла. Ее придется идти искать.

Ходили вдоль берега от Могильного до губы Западная Лица полтора часа. Исчерпав запас ночного времени, катер взял курс в

главную базу.

Планом операции предусматривались следующие рейсы к разведчикам через сутки, то есть в ноль и в пять часов шестнадцатого марта. Но море заштормило, снежные бураны принесли непроницаемую пелену. Доложили начальнику штаба флота Кучерову. Контр-адмирал ответил, чтобы шли искать группу, несмотря на погоду. Позвонил Платонову, чтобы ОВР[2] выделила катер с опытными командиром и экипажем.

Кое-как дошли до мыса Выев-наволок. Надстройки, леера, пушки, принайтовленные к леерам трапы — все обледенело, катер походил на ледяную глыбу, готовую в любую минуту перевернуться. Шести-семибалльная волна кидала его как скорлупку, то обнажая днище и винты, то зарывая до бака в воду, волна перекатывалась с носа до кормы. Кругом снежная мешанина, ни зги не видно, и в полукабельтове не заметишь даже сигнальные огни.

Повернули назад в базу.

Выходить в море на «малых охотниках» больше не имело смысла. Кучеров приказал отрядить более мореходное судно. Около семи вечера при такой же погоде вышел дрифтер-бот. Держался он на волне лучше, но шел намного медленнее.

Только в одиннадцать ночи оказались в Мотовском заливе на траверзе губы Эйна. Четырежды прошли вдоль берега в полутора кабельтовых от острова Овечьего до губы Западная Лица. С берега никаких сигналов не поступило. Снежные заряды не прекращались, пурга бушевала и на суше и в море. Временами материк вовсе не просматривался. К утру несколько посветлело, сопки, лощины и на севере и на юге смотрелись довольно отчетливо. Побороздив волны до пяти утра, повернули в базу.

Следующим вечером, семнадцатого марта в шестнадцать часов, на этом же боте на поиски группы вышел командир отряда капитан Инзарцев, с ним отправились лейтенант Николаев и пятеро разведчиков.

В начале первого ночи кабельтовых в восьми-девяти от Могильного бот сел на банку. Была пора отлива. Рассчитывать на то, что удастся сняться с мели самим, было бесполезно. Вода убывала, а бот все более и более кренился. Ходить по палубе стало невозможно, так как по заледенелой обшивке можно запросто соскользнуть за борт.

Наконец начался прилив, вода стала прибывать. Бот потихоньку, еле-еле начал выравниваться, стрелка кренометра почти незаметно для глаза поползла влево. При полной воде без малого через пять часов бот снялся с мели. Пошли к Могильному. Весь мыс, губа Кислая, вход в губу Титовку и берег левее

Могильного виделись отчетливо. Никто оттуда не сигналил.

В шесть часов повернули на восток, в сторону Пикшуева. Шли на расстоянии, не досягаемом для ружейного огня, в бинокли вглядывались в расщелины, сопки, промоины, лощины между горными складками, в береговой урез. На Пикшуеве разглядели двух человек, которые, замаскировавшись, следили за ботом. Но никаких сигналов те не подавали. Три вражеских самолета пролетели вдоль залива на небольшой высоте.

Совсем рассвело, ходить стало опасно. Повернули в Полярное.

Командующий флотом приказал начальнику отдела Визгину отправиться на поиски группы самому. В четыре часа утра девятнадцатого марта Визгин вышел с двумя катерами. С ним отправился лейтенант Николаев и группа обеспечения.

Через два с небольшим часа на траверзе острова Кувшин наблюдатели заметили группу. Сбавили ход и одним катером стали не спеша подходить, чтобы снять разведчиков.

Второй дрейфовал мористее. Поблизости стали рваться мины, минометная батарея с Пикшуева открыла огонь по катеру. Из-за сопок вывернулись два «мессершмитта» и обстреляли его. Командира катера старшего лейтенанта Фролова тяжело ранило, ранение получил и лейтенант Николаев. От пуль и осколков мин пострадали еще семеро краснофлотцев, двое погибли. Один мотор на катере получил повреждение и заглох.

Визгин распорядился повернуть в базу.

Начальник штаба флота спросил:

— Вы уверены, что немцы не затеяли игру?

— Такая вероятность не исключена, но я убежден, что разведчики живы, — говорил Визгин.

— На чем основан ваш оптимизм?

— Они подавали условные сигналы.

— Но сигналы могли подавать и по принуждению, могли и сами немцы, если кого-то захватили и допросили.

— Я верю в своих людей, там стойкие разведчики. Хотя они давно без связи и без пищи, на морозе, но они понимают, что их не бросят, вызволят. Такой дух в отряде с самого начала.

— Что ж, идите. Будьте осмотрительны. Мы вас поддержим.

В половине двенадцатого двумя катерами Визгин вышел в море. Это была шестая попытка найти и вызволить группу.

Как только прошли Сеть-наволок, появилась семерка наших истребителей, они ходили кругами, прикрывая катера на всем маршруте. На этот раз немцы не посмели завязывать бой, съемке разведчиков больше не мешали. Катера прошли к Кувшину без помех.

В половине пятого вечера они возвратились в Полярное. Сразу же на причале прибывших осмотрели врачи. Пятерых разведчиков — Серикова, Ситнова, Ковалева, Шмакова и Грошкова — прямо с причала увезли в госпиталь. Все они поморозили ноги.

Шесть суток группа лейтенанта Шелавина находилась под огнем неприятеля. Почти сразу после их высадки в небе стали загораться одна за другой осветительные ракеты. По глубокому снегу, пережидая вспышки ракет, шли медленно. Сперва берег был пологий, но вскоре перед разведчиками встал обрывистый подъем, тянувшийся до самого уреза воды, обходной путь, не просматривался. Пришлось лезть в лоб. Примерно две с половиной сотни метров преодолевали более двух часов.

Поднялись на ровное плато, с него виднелась хребтина Пикшуева. Наткнулись на четыре полуразрушенные землянки и домик. Возле них лежали недавно распиленные, еще не потускневшие доски и плахи. Но натоптанных следов поблизости не увидели, вокруг все было запорошено снегом.

В полуразвалившихся без дверей землянках все-таки меньше пронизывал ветер. Поочередно выходили наблюдать за Пикшуевым и округой. На мысу ходили вражеские солдаты. С мыса стреляли орудия. Снаряды рвались на Эйне. Над Энной появился и «юнкерс».

На соседней скале засекли вражеский дозорный пост, старательно замаскированный снегом.

Нанесли на карту все, что разглядели на Пикшуеве и возле него. Семен Флоринский заснял всю панораму мыса и подходы к нему.

Около девяти часов вечера двинулись к Пикшуеву, но спокойно прошагали всего лишь с километр. Засветилась ракета, а следом раздалось несколько винтовочных выстрелов и пулеметных очередей.

Шелавин понял, что идти на выстрелы нет смысла. Решили сделать крюк, подойти к немцам по Мотовскому берегу, с западной стороны.

Шли полчаса. Прямо по курсу разведчиков взвились одна за другой три ракеты, которые на столько освещали местность, сколько наводили на цель.

Шелавин предположил, что немцы держат их под наблюдением с поста, замаскированного снегом.

К посту подкрались скрытно. Видели и дозорных. Оставалось только, затаившись, выбрать момент для броска.

Тут разведчик Дмитриев случайно нажал на спусковой крючок и выстрелил.

Постовые ответили осветительными ракетами.

Пришлось не солоно хлебавши отползти назад.

Весь день пятнадцатого марта провели на небольшой сопке, через лощины с нее виднелись и Пикшуев и Эйна. Звуки выстрелов из орудий слышали, но разрывов в Эйне не наблюдали: все скрывала метель. Днем два «мессершмитта» около часу кружили на малой высоте возле сопки, где укрылись разведчики.

Из снега разведчики соорудили себе укрытия, чтобы держать круговую оборону. На самом опасном направлении поставили пулемет, все держали под рукой гранаты.

Продукты подошли к концу. Комиссар предложил поровну разделить содержимое рюкзаков на всех едоков. Каждому в этот день выдали по одной галете и по кубику масла. Флоринский из сгущенного молока, перемешанного со снегом, делал мороженое: из чайной ложки сгущенки получалось граммов пятьдесят сладкой смеси, которая утоляла жажду.

Военком в своем рюкзаке нашел резиновый мешочек, а в нем — пачку «Беломорканала» и коробку спичек. Это было выше всяких наград.

В полночь должны были прийти катера, чтобы снять разведчиков, но ни катеров, ни сигналов не было видно. Погода совсем разладилась. Буран застелил снегом сопки и лощины, спрятал и море.

Разведчики ослабели от холода, от пустоты в желудках, не было даже воды. Временами жевали снег, но он холодил до мурашек на коже.

Днем 16 марта над Эйной летали «юнкерсы», потом они пересекли Мотовский залив и долго кружились над тем местом, где ходили разведчики и где они укрылись.

Ночью комиссар и Михеев пошли к морю. Наткнулись на разбитую лодку, корму ее разнесло разрывом мины или снаряда. В лодке двое погибших: мужчина и женщина, по одежде — люди гражданские, рыбаки или служащие маяка. Погибли, наверное, прошлым летом.

На берегу нашли крупную треску. Нарезали тонкими ломтиками и без соли, без хлеба съели.

На следующий день-пурга разыгралась с новой силой, метель выла и кружила, сыпала снегом, наметала сугробы. Согревались, пытаясь мутузить друг друга, наваливаясь кучей. Командир и комиссар не позволяли лежать, заставляли ходить.

Из губ сочилась кровь. Глаза у всех покраснели. Самый младший из разведчиков — восемнадцатилетний Сережа Шмаков тихо плакал, иногда скулил, просил брата пристрелить его. Тот сперва его уговаривал, потом надавал по щекам, Сережа затих.

На рассвете восемнадцатого заметили бот. Шел он вдоль берега. Чувствовали, что он их ищет. Выстрелили красными и зелеными ракетами. Но бот в этот момент укрыло снежным зарядом, ракету не заметили.

Даже очень стойкий и крепкий парень Георгий Лазько, моряк богатырского сложения, с обвислыми черными запорожскими усами, и тот спрашивал:

— Узнают ли наши, где и как мы погибли?

— Жора, мы выдюжим, еще расстреляем свои патроны, — подбадривал комиссар, — бесславно замерзать не станем, с фрицами схватимся. Тогда звон пойдет, наши услышат.

Вечером на Пикшуев прошла колонна — тридцать пять человек с винтовками и ранцами за плечами. Большинство шли пешими по тропе, тянули за собой узкие длинные сани, груженные каким-то имуществом. Лишь несколько человек катились на лыжах.

Ночью метель стала стихать. Ветер переменился, потянуло холодом, начало сильнее подмораживать.

На рассвете вражеская батарея открыла стрельбу по квадрату, где отсиживались разведчики. Но стреляли по площади без корректировки, снаряды падали в стороне.

Утром девятнадцатого увидели катера. Шелавин подал три сигнальных ракеты. Катера замедлили ход, потом один быстро пошел к берегу. Разведчики, прихватив оружие, лыжи и пустые рюкзаки, поспешили к воде.

С Пикшуева завыли мины. Они рвались и в воде возле катеров, и на берегу, отрезая разведчикам подходы на посадку. С катеров сигналили, чтобы отходили южнее, к губе Западная Лица.

Пока шли четыре километра к устью губы и к острову Кувшин, мины рвались по всему пути.

Прислушавшись к стихающему вою мины, Дубровский плюхнулся на снег, широко разбросив лыжи. Мина разорвалась где-то невдалеке, но глубоко в снегу, выбросив смесь сажи и почерневшего снега. Комиссара оглушило. Из уха потекла кровь, отнялась правая рука. У правой лыжи отбило носок. «Легко отделался для первого раза», — подумал, очнувшись, старший политрук. Дубровский поставил палки между креплениями лыж, прицепил к ним гранату, отогнув усики предохранителя. Достаточно взяться за палку, граната взорвется. Отполз к обрыву и свалился к урезу воды, там встал на ноги и пошел по отливной обсушке.

Немцы попались в ловушку Дубровского: разорвавшейся гранатой двоих ранило, одного убило. Разведчики были уже у воды.

Один катер вошел в устье губы Западная Лица, но тут из-за сопок вынырнули два «хейнкеля» и обстреляли его с бреющего полета. Зенитчики катера сбили один самолёт на первом же заходе, он упал между сопками на глазах разведчиков.

Все видели, как на одном катере что-то взорвалось, вспыхнуло, пламя. Вскоре оба катера отошли от берега, взяли курс на выход в море и исчезли за горизонтом.

Но горевать и отчаиваться не было времени. По следам разведчиков с Пикшуева шла группа преследования, навстречу ей другая двигалась со стороны устья Западной Лицы. Враг замышлял с двух сторон прижать разведчиков к урезу воды.

И Шелавин нашел выход, казалось бы, из безвыходного положения. Напротив острова Кувшин в море высунулась островерхая высокая скала. Этот безымянный утес, с трех сторон ополаскиваемый морскими волнами, был удобной позицией для обороны. На него и забрались разведчики. Немцы могли подойти только с западной стороны, с материка, по долине шириной метров в триста. Долина ровная, заснеженная, ее скрытно никак не проскочишь.

Днем появился «хейнкель», завис над разведчиками. Вскоре начали рваться снаряды. Самолет, видимо, корректировал стрельбу. Но стреляли орудия от Лицы на предельной дистанции. Снаряды рвались с большим рассеиванием. Ни одного прямого попадания на скалу, где угнездились разведчики.

Из-за скатов ближних сопок егеря ползли к разведчикам.

— Агафонов и Курносенко, — приказал Шелавин, — из снайперских винтовок бейте на выбор и наверняка.

Флоринский стрелял из пулемета очередями, не давая немцам делать перебежки, прижимал их к снегу.

— Если не подтянут миномет — удержимся, — сказал Юра Михеев.

— Их очень много, по десятку на каждого из нас приходится, — прошептал Дмитрий Ковалев.

Держались час, второй…

Егеря медленно, но упорно подползали. Если немцы приблизятся на ружейный выстрел, будет очень и очень туго.

В этот момент появились наши самолеты. С первой же атаки сбили немецкого корректировщика, прошлись на бреющем полете над вражескими солдатами, поливая их свинцом. Много темных точек на снегу осталось лежать неподвижно.

Немецкие самолеты в небе не появились, батарей ни с Пикшуева, ни от Лицы больше не стреляли.

К утесу, где держались разведчики, подошел «малый охотник». На радостях ребята скатывались по отвесной скале

прямо к берегу.

Шелавин попытался докладывать Визгину по форме, приложив руку к шапке, но тот прервал:

— Ладно, Федор, потом, потом обо всем по порядку расскажешь.

Военфельдшер Коля Заседателев, Андрей Головин и Степан Мотовилин оказывали первую помощь поморожeнным и застуженным.

— Не забыли, выручили! — еле шевеля губами, говорили ребята.

— А вы как думали? Головко своих орлов в обиду не дает! — отвечали моряки.

— Это точно! Мы еще дадим немцам по зубам!

Глава XXI

Сверре Сёдерстрем…

Эта фамилия и это имя останутся в памяти народа.

У норвежцев есть такое обращение: Сверре, сын Матеа из Киберга, — так иногда представляются люди друг другу и теперь.

Уже шла речь о Трюгве Эриксене и Франце Матисене, еще не однажды встретятся в этом повествовании другие Матисены, Микельсены, Утне, Ларсены, Эриксены…

Братья, отцы и сыновья, родственники, односельчане. Они много раз, вплоть до самого конца войны, с моря и с воздуха или по суше забирались в фашистский тыл, разузнавали о планах оккупантов, помогали Красной Армии и своему народу изгонять ненавистных захватчиков.

Не все они дожили до Победы. Бывало и так: погибал муж, и за него в строй становилась жена. За содействие разведчикам оккупанты покарали немало женщин.

Были среди сражавшихся люди в зрелых годах, были и совсем юные. Сражались коммунисты, но брали оружие и те, кто придерживался совсем других политических взглядов.

И так, Сверре Сёдерстрем.

Ему сороковой год. Родом он из Киберга. У него пятеро братьев и две сестры. Одна — старше его — живет в Осло, вторая — в Киркенесе, братья тоже не остались в родном поселке: двое поселились в Тана-фьорде, два его соратника по борьбе с фашизмом. Только один — самый младший — живет в родительском доме в Киберге. Ральф и Гюннар сперва ушли в Сопротивление, потом покинули родину, взяли в руки советское оружие, чтобы драться за освобождение Норвегии от фашистов.

Киберг — небольшое селеньице на юго-восточном берегу полуострова Варангер, невдалеке от Вардё. Не всякое более крупное поселение, а может быть и городок, дало столько активных борцов против фашизма. Отсюда уходили целыми семьями, грузились на бот с женами и детьми и переплывали Варангер-фьорд.

После Октября росло и крепло в Норвегии молодежное коммунистическое движение. Одним из создателей коммунистической ячейки в Киберге был Сверре. В тридцатом году он вступил в Норвежскую компартию, тогда же побывал с делегацией рыбаков в Советском Союзе.

Последние предвоенные пять лет был партийным вожаком в Киберге.

Шестнадцатого августа сорокового года фашистские ищейки

провели обыски у коммунистов Киберга, конфисковали много литературы и документов, потребовали дать подписку о прекращении коммунистической деятельности.

Сверре вместе с односельчанами Францем Матисеном и Арне Эриксеном бежал через море в Советскую страну и добровольцем пришел в норвежскую группу отряда флотских разведчиков.

За опасное дело разведчика взялся со всей присущей его характеру основательностью и ответственностью.

Командир норвежской группы отряда Сутягин и политрук Крымов, представляя его Визгину для назначения командиром группы, идущей на длительное время во вражеский тыл, писали о Сёдерстреме, что он прошел всю необходимую подготовку, прыгал с парашютом, по характеру уравновешенный и выдержанный, наделен спокойным, аналитическим умом. Исключительно дисциплинирован и серьезен. Убежденный коммунист. Прекрасно разбирается в политических вопросах и умеет разъяснять их своим собеседникам.

Напарником и помощником Сёдерстрему назначили его односельчанина Оскара Юнсена. Он моложе Сверре почти на десять лет. В Киберге состоял в коммунистической молодежной организации. Дома оставил жену.

Радистом группы отплыл Владимир Чижевский. За два месяца до того, в начале февраля, он должен был вместе с Аспосом и Микельсеном высадиться на острове Арней. Но случилось так, что норвежцы остались на берегу без связи и с мизерным запасом продуктов, а подлодка возвратилась в базу, и на ней Чижевский.

Чижевский — самый молодой из группы, ему около двадцати четырех. Прекрасный специалист-радиооператор. Окончил учебный комбинат Мурманрыбы, плавал радистом на тральщике «Архангельск», в разведку пришел добровольцем на второй день войны.

О нем говорят, что он очень строг к себе и к товарищам, не по годам серьезен. На характере, скорее всего, сказалось семейное воспитание, его растили в дружной и трудолюбивой семье.

Был он суховат, не очень общителен и разговорчив, но комсомольцы судна видели в нем толкового специалиста и удачливого моряка, умеющего повлиять на других, и потому избрали его комсоргом.

В прошлогодних летних операциях он сумел «понюхать пороха», прислушаться к свисту пуль и разрывам мин, поползать на животе по камням и болотной грязи.

Тогда командиры поняли, что он не из робкого десятка, в бою голову не теряет. Перевели его в группу, которая вместе с норвежцами должна была вести многомесячную разведку на

берегах норвежских фьордов.

В первые дни после неудачной высадки на Арней Володя Чижевский корил себя за то, что не вовремя решил переодеться и оттого задержался на лодке. Он присматривался и прислушивался: не попрекают ли друзья и начальники, не думают ли, что он с умыслом уклонился от выполнения боевой операции. Но никто ни словом, ни намеком не потревожил его. А вскоре горевать и мучиться угрызениями совести стало некогда, его включили в группу Сверре Сёдерстрема, задание заставило день и ночь готовиться к новой выброске. С Аспосом и Микельсеном он начал понемногу учить норвежский язык, теперь с новыми товарищами по будущей высадке нарабатывал навыки разговорной речи.

К концу марта подготовка группы закончилась.

В ночь на четвертое апреля сорок второго года подводная лодка «малютка» М-173 подошла к горловине Сюльте-фьорда. В перископ осмотрелись: море на севере и фьорд на всю протяженность и ширину к югу выглядели пустынными: ни корабля, ни огонька. Повернули к юго-востоку, приблизились к небольшой бухточке Итре-Сюльтевик на восточном берегу фьорда. Командование облюбовало это место для поста разведчиков.

В начале двенадцатого лодка подошла к месту высадки. Затем две шлюпки сделали от ее борта по два рейса к берегу, переправили разведчиков и все имущество.

Разведчики оборудовали шалаш, разложили продукты и другие грузы, укрыли все палатками, обложили камнями. На это ушло несколько дней. Снега возле берега было немного, он лежал сырой, отяжелевший, перемешанный с песком, напитавшийся соленой влагой. Лыжи по нему не скользили.

Осмотрели округу. Опасности не заметили.

На шестой день Чижевский передал в базу первую радиограмму, установилась надежная двусторонняя связь. Чтобы вражеские радиослухачи и пеленгаторщики не привыкали к его передачам и почерку, Чижевский менял позывные при каждом сеансе связи с базой; шифрами его снабдили такими, что внешне они походили на немецкие, которыми те пользовались в Норвегии.

Через две недели по сигналу разведчиков летчики утопили в Перс-фьорде транспорт на шесть тысяч тонн, спустя пару дней — два транспорта, причем один из них вдвое большего тоннажа, чем первый.

Вахту несли почти круглосуточно, время наступало светлое, видимость день ото дня улучшалась, обзор с высоты на мысочке

открывался широкий, проскочить многомильный путь незамеченным можно было только в пургу или туман.

Суда, идущие и на восток и на запад, не могли пройти далеко в стороне от Сюльте-фьорда, они прижимаются к берегу, к проливам, к батареям, к аэродромам, стерегутся от подводных лодок и самолетов.

Правда, место это было не только удобным, но и весьма опасным, всего в шести-семи километрах к востоку — Хамнинберг, а там оккупанты строят большие укрепления, на другой стороне фьорда немецкие казармы, до Вардё тоже недалеко — всего два десятка километров. Разведчики уселись на бойком перекрестке. Этот отрезок пути с каждой милей на восток по мере приближения к Вардё, где суда начинают поворот к входу в Варангер-фьорд, становился для немцев все опаснее: разведчики сообщали о всех передвижениях.

Группа Трюгве Эриксена ушла с Нолнеса, а на следующий день вахту приняли Сёдерстрем с Юнсеном и Чижевским.

Подошло время налаживать связи с местными жителями на которых можно было вполне рассчитывать как на соратников, с теми, кто уже включился в Сопротивление.

Сверре пошел в Перс-фьорд, там жил Гудвар Ульсен, который в ноябре помог разведчикам, укрывшимся в поселке после стычки на Лангбюнесе.

Гудвар сказал, что поблизости от разведчиков — всего в километре — на хуторе в Инре-Сюльтевике живет Андреас Бруволд, на него и на его жену Альфхильд вполне можно рассчитывать. Мимо них с материка к базе разведчиков незамеченным не пройдешь. Сейчас Андреас по трудовой повинности, наложенной немецкими властями, работает в Хамнинберге на строительстве укреплений, но Альфхильд живет дома.

Сверре ответил, что они за этим домиком уже наблюдали несколько дней, убедились, что там живет одна женщина. Сама ведет хозяйство, к ней никто не ходит. Но идти туда одни, без провожатого или без доверительной рекомендации не рискнули, побоялись испортить все дело.

Гудвар взялся свести разведчиков с Альфхильд. Для такого ответственного посещения он специально добрался к разведчикам из Перс-фьорда.

Альфхильд знала Гудвара и встретила его спокойно. Родом она не здешняя, с Лофотенских островов, плавала на рыболовном судне, приглянулось ей в Перс-фьорде, вышла тут замуж да так и осталась навсегда.

Хотя гости были незваными, она поняла, что пожаловали они

неспроста.

Женщина знала многих людей в других селениях вплоть до Киберга. В первый же вечер Альфхильд рассказала кое-что из того, что знала об оккупантах, стоявших поблизости, на другой стороне фьорда, и в Хамнинберге, где работал ее муж, и подальше. Она пообещала помогать разведчикам, сказала, что муж не только не будет иметь ничего против, но и сам с готовностью поможет соотечественникам, которые борются с бошами.

Поблизости, всего в километре, в Инре-Сюльтевике появился свой человек, через него можно поддерживать связи с дальними соратниками. Альфхильд могла принести любую весть из Хамнинберга, предупредить и о надвигающейся опасности.

На короткую побывку домой пришел Андреас Бруволд. Альфхильд рассказала мужу о соседях, поселившихся возле них, в пещере. Андреас сказал, что не гоже людям, которые рискуют жизнью, вступив в тайную войну с нацистами, мерзнуть в пещере, пусть живут в их доме, места всем хватит.

Альфхильд сходила к разведчикам, передала, что муж просил их перейти к ним. Сверре и Оскар сердечно поблагодарили за приглашение, решили сходить и посмотреть: если с хутора обзор за морем будет не хуже, то они переедут. На самом же деле им требовалось спросить разрешение базы. Командование согласилось.

Четырнадцатого апреля тройка дозорных перешла в дом Бруволдов, им выделили комнату, из окон которой просматривался не только фьорд, но и море. В непогоду лучшего не придумаешь.

Большую часть своего имущества оставили в пещере, чтоб в доме держать минимум улик на всякий случай.

Сверре в одном из разговоров с Андреасом спросил, не знает ли он в Хамнинберге человека, который работает где-нибудь вблизи комендатуры или у ленцмана, не вызывает у оккупантов никаких подозрений, а сам может отлучаться на несколько дней. Андреас такого человека назвал. По всем статьям подходящим был Хедли Гренберг из Хамнинберга. Там живут его родители и родственники. Сам же Хедли поселился в Санд-фьорде. Четыре километра, отделяющие городок от поселка, для него не расстояние, работает он в Хамнинберге, иногда остается у своих родственников на несколько дней, его поездки домой не вызывают ни у кого подозрений. Его отлучек из дому или из города никто не учитывает.

Сверре выбрал время, сходил в Санд-фьорд, подыскал удобный предлог и встретился с Гренбергом. Хедли поблагодарил

за доверие и сказал, что он все сделает ради изгнания оккупантов из Норвегии.

— Но ни в Хамнинберге, ни у меня дома в Санд-фьорде никаких встреч с вами не должно быть, — сразу предупредил Гренберг.

— Почему?

— Я знаю, как карают немцы тех, кто вступает с ними хоть в тайную, хоть в открытую войну. У меня голова одна.

— А если мы будем посылать к тебе нашего гонца?

— Ни с какими посредниками я говорить не буду. Лишний свидетель в таких делах вовсе ни к чему.

— Как же ты предлагаешь с тобою видеться?

— Выберем место в горах. Есть домики на сенокосах, кое-где поставили себе лачужки охотники и рыбаки, можно бывать и на запасных стоянках саамов. Они ведь не живут на одном месте, кочуют. Если и находят следы наших людей возле своих становищ, не беспокоятся, у нас с ними все как у добрых соседей. Они очень гневаются, только если оленя убьешь или зверя из ловушки кто вынет. А так они люди добрые, не злобивые.

— Нам они мешать не будут?

— Будем стараться им на глаза не попадать, найдем пустующие стойбища.

— А тебе приходить далеко не рискованно?

— Есть опасность. Но будем менять места. Договоримся сегодня, где и когда увидимся в следующий раз, а на той встрече о будущей.

— Ты, как я понимаю, заранее думал о работе с нами.

— О работе с вами я ничего не думал, но чувствовал, что могут ко мне прийти. Я немцев не жалую, но не кричу об этом. Кто вам на меня указал или сами выбрали — не знаю и знать не хочу. А за доверие спасибо. Одного от вас хочу — не вмешивать в наши дела никого лишнего.

— Это я тебе обещаю.

— Что буду знать и видеть нужное для вас — у меня не залежится.

— Что ж, я рад, что мы так дельно с тобой договорились, — сказал, прощаясь, Сверре, — давай условимся, когда увидимся.

Хедли назвал время и место, Сверре согласился. Так у группы появился еще один соратник в тайной войне с оккупантами.

В конце первой декады мая Гудвар Ульсен послал весть, что в Перс-фьорде появились двое норвежцев, которые пришли на боте с запада, с острова Арией, куда были высажены с подводной лодки, но лишились связи, поскольку радист остался на подлодке и вернулся в базу. Ищут своих, которые должны быть где-то

поблизости.

Гудвар спрашивал, как ему быть. Сверре знал, что Аспос и Микельсен заброшены на Арией без радиста Чижевского, который теперь работал с ним. И он без колебаний согласился принять товарищей.

Ингольф Аспос и Ингвальд Микельсен пришли в Инре-Сюльтевик и рассказали о своих приключениях.

Тогда, в последних числах февраля, оставшись на берегу острова Арией без радиста и без продовольствия — семидневный резерв на экстренный случай, разведчики в первое время не могли себе даже представить, что они будут делать без связи и как смогут выполнить задание.

Побродив сутки в поисках пристанища по острову, на который их высадила подводная лодка, они поняли, что надо искать помощь у норвежцев: только они могут свести с людьми из Сопротивления.

Подошли к небольшому поселку, залегли и набрались терпения на многочасовое наблюдение. Следили сутки. Убедились, что немцев нет, жители заняты хозяйственными делами, ухаживают за скотом, ловят рыбу. Решили зайти в ближайший дом. Познакомились с хозяином. Им оказался пожилой рыбак Альф Йоргенсен. Побыли у него некоторое время, а потом Йоргенсен переправил их ночью на своем боте в Тромсё. Однако устроиться и укрыться там не удалось, хотя это и был родной город Аспоса. Строгие пропуска, множество постов, комендатура, проверки документов, облавы, недоверие жителей друг к другу, которое оккупанты успели посеять, заставили разведчиков через неделю вернуться на остров.

Йоргенсен, приютивший их сразу, после высадки, снова спрятал у себя. Первое время жили на сеновале, на скотном дворе, в дворовых хозяйственных постройках. Ни семья, ни тем более, соседи пока ничего о них не знали. Через некоторое время старик посвятил в тайну приемного сына, его жену, дочерей и их мужей. Эта большая рыбацкая семья делилась с разведчиками последним, из своих скудных продовольственных запасов.

Пробыли они тут почти два месяца. Постепенно через хозяев дома наладили связи с нужными людьми и в Тромсё и, на соседних островах. Теперь они уже не жили вслепую. Все, что делалось в округе, доходило до них. Какие корабли и транспорты отстаивались в Тромсё, в каких местах у входа в порты выставлены минные заграждения, где установлены зенитные и береговые батареи — все по крупице собиралось у разведчиков. Но, оставшись на острове без радиста и рации, передать своим ничего не могли.

Вражеские солдаты были совсем недалеко. Гарнизон стоял в Тромсё. Поблизости на батареях жили сотни артиллеристов, поисковые группы время от времени прочесывали поселки на побережье. Но хозяин упрятал своих опасных гостей надежно, те немногие из соседей, что знали о их пребывании, умели молчать.

Дело подошло к весне, наступило светлое время. Оставаться в селении стало опасно, а жить в горах без продовольствия и связи смысла не было. Посоветовались с Йоргенсеном и решили: надо подаваться в ту сторону, откуда ближе до советского берега, там искать связь, оттуда ждать помощи.

Третьего мая они погрузили на бот хозяина сети, бочки и вместе с ним вышли в море. Вполне можно было считать, что отправляются на путину. Они и делали вид, что ловят рыбу. Забрасывали сети, выбирали их, а сами все дальше и дальше двигались в обход Нордкапа и Варангера. И никто на всем пути не усомнился, что они старательные рыбаки.

Но чем ближе подходили к знакомым и родным Ингольфу местам, тем большую приходилось ему соблюдать осторожность. Ведь во многих селениях по восточному Варангеру он раньше бывал не однажды, было у него тут немало знакомых.

Ингольф шел на боте за мотористa, ему и раньше приходилось работать на катерах и ботах. Условились, что моторист изредка будет показываться в рубке и на палубе, а на стоянках у причалов отсидится в машинном отделении. На всякий случай, если вдруг заглянет в машину нежданный посетитель, он так перемазался в масле и в гари от выхлопных газов, что его и мама родная не узнала бы.

Дошли до Вардё. У Ингвальда еще по мирным годам были в городе хорошие знакомые, в прошлогоднюю осеннюю высадку через Гюнара Берга удалось послать им весточку. Теперь они посоветовали вернуться в Перс-фьорд, там отыскать Гудвара Ульсена, он может помочь.

Перешли в Перс-фьорд, а оттуда в Сюльтевик. Здесь Йоргенсен расстался с ними и четырнадцатого мая отплыл домой. Путь выдался далеко не легким: один управлялся с машиной и стоял за рулем, глаз не сомкнул несколько суток за всю обратную дорогу.

Через три месяца Аспос и Микельсен встретились со своим радистом. Володя Чижевский доложил командованию, что к ним присоединились норвежцы, с которыми его разлучила неудачная высадка. За несколько сеансов передал самые важные сведения, которые они принесли. База приказала пришедшим влиться в группу Сёдерстрема и совместно продолжать выполнять задание. Когда наступит темное время, их снимут.

Вахту по наблюдению за морем нести стало легче, не сводили глаз со входа в Варангер-фьорд почти круглосуточно. У Сверре и Оскара больше стало времени для продолжительных и дальних поездок. Добирались до Вадсё и Нюборя, находили там нужных людей, те помогали им, все больше становилось сторонников, готовых на любое дело ради изгнания оккупантов. Полицейские и военные кордоны пропускали их, не задержав ни разу, документы не вызывали подозрений. Но больше ездили по городам и селениям их гонцы.

Продовольствие, что взяли с собой на берег при высадке с подлодки, теперь, когда добавилось едоков, быстро подошло к концу. А разведчики еще и поддерживали продуктами и хозяйку, которая жила на скудном карточном рационе.

Отправились на поиски тех тюков с грузом, что были выброшены на парашютах еще в октябре прошлого года. Долго ходили по лощинам и высотам, но так ничего и не нашли. Гористая тундра не выставляла попавшее ей добро напоказ.

В последнюю неделю мая самолет сбросил груз с продуктами невдалеке от маяка Маккаур. Оттуда предполагалось переправить их на каком-нибудь рыбацком боте. Но тюки с продовольствием достались немцам. Узнали об этом от своих людей. Встревожились основательно: немцам и без разъяснений было понятно, что русские бросают продукты не просто так.

Альфхильд приходилось готовить на большую ораву, на пятерых мужчин. Она говорила, что приготовила бы и еще на пятерых, будь продукты. Только в непогоду, в туман да в дождь, когда с моря рыбацкий баркас не просматривался, разведчики могли помочь ей управиться с сетями. В остальное время она все снаряжала сама. На лов рыбы ей приходилось выходить почти каждый день.

Альфхильд была женщиной с твердым характером. Когда в ее дом пришли еще двое постояльцев с пустыми рюкзаками, она только нахмурила брови и плотно сжала побелевшие губы. Но продолжалось это всего несколько мгновений, она быстро справилась с собой: все равно нежданных гостей в светлую пору никуда не выгонишь. И она постаралась быть радушной хозяйкой, хотя давалось это ей совсем нелегко. Она собирала птичьи яйца, варила рыбу. И сокрушалась, что вовсе нет картошки.

Не реже раза в неделю она ходила в Хамнинберг — больше десяти километров в одну сторону, — навещала мужа, а обратно приносила покупки и те сведения, что удавалось собрать Андреасу. Чижевский сразу же передавал их на базу.

Когда все пятеро собирались в доме Бруволдов, Аспос и Михельсон подыскивали себе какое-нибудь дело на стороне: они

обследовали не только окрестности хутора, но и забирались далеко на материк, подыскивали там места, где группе можно будет укрыться, если срочно придется уходить с хутора в горы, осматривали тропы и пешеходные дороги, следили за новыми немецкими постами: не выставили ли оккупанты вдали от моря свои заставы, чтобы наблюдать за заброскими с самолетов.

В базе опять подготовили тюки с продуктами и отправили их на аэродром. На этот раз летчики скинули чисто, разведчики все получили в целости и сохранности.

В середине июня Сверре и Оскар пошли в сторону Перс-фьорда, чтобы возле небольшого селеньица в устье реки Вестер-Эльв повстречаться с Эрлингом Малиным. В Сюльтевике остались Чижевский и двое пришедших с Арнея разведчиков, с вахтой по морю в это даже круглосуточно светлое время они вполне управлялись.

Эрлинг Малин прошлой осенью, в октябре, когда произошла стычка группы Кудрявцева на мысе Лангбюнес, приходил к спрятавшимся в домике разведчикам и предупредил их об опасности. Односельчане, с которыми он должен был сегодня встретиться, в сороковом году исчезли из Киберга и ушли через море к русскому берегу.

Эрлинг, видимо, пока не попадал в поле зрения оккупационных властей. Ездил он вдоль побережья на своем велосипеде довольно далеко. Но излишне не рисковал, связь в основном держал через одного посыльного к другому по цепочке. Патрули иногда наведывались к нему, но он раскусил их интерес к мехам и ловко отводил досмотр продажей ценных шкурок по дешевке.

Командование перед выходом на задание поручило Сёдерстрему встретиться с Малиным с глазу на глаз, обговорить положение дел. Момент для такой встречи настал: в недавней радиограмме база сообщила, что пора выполнить эту часть задания.

Встреча была долгожданной и оттого теплой и дружеской. И не только потому, что они односельчане, земляки, но и оттого, что единомышленники, соратники по опасному, грозящему смертью делу.

Сошлись у небольшой удаленной от селений избушки. Эрлинг пришел раньше и ждал, пока появятся Сверре и Оскар. Пришли они часа через три.

Два военных года всех заметно изменили, но узнали они друг друга сразу. Погода стояла солнечная, теплая. Сели у избушки. Нашлось на такой случай и угощение.

Эрлинг рассказал, как живут их родственники и соседи, кого

подкосили болезни, а кто еще крепок и может быть с ними в одном строю. Он недавно побывал и в Вардё, и в Вадсё, там тоже жили их общие знакомые. Какие порядки в городах, какие состоят там вражеские гарнизоны — все это четко запечатлелось в его памяти. Он рассказал, что на мысу Кибергнес немцы строят большое укрепление, уже привезли дальнобойные пушки.

Дошла до Киберга печальная весть: оккупанты казнили Альфреда Мачисена, одного из организаторов Сопротивления в восточном Финмаркене. В прошлом году его схватили, когда он шел на встречу с Кудрявцевым и Ершовым. Просидел в тюрьме он восемь месяцев.

Сверре и Оскар порадовали Эрлинга, что все их земляки пока живы и здоровы, живут они уединенно, обуты, одеты, не голодают, готовятся к боевым делам. Семьи их вывезены далеко в тыл, за Урал.

Разговору, казалось, не будет конца. Перебрали многое, а все всплывало что-то новое. Засиделись далеко за полночь.

Рано утром, наскоро перекусив, разошлись каждый в свою сторону. Прощаясь, сказали друг другу: «До встречи!» Но каждый понимал, что в нынешнее время она может наступить не скоро, а то и вовсе не состоится.

В Киберге жили братья Карл и Сигурд Эриксены. На виду, на людях они держались вне политики, никто не замечал их связей с ушедшими за море, в Советскую страну, односельчанами или земляками. В прошлогоднюю осеннюю историю у Лангбюнеса, которая наделала немало шуму, никакие подозрения на братьев не пали, никто их контактов с разведчиками тогда не засек.

Они и теперь вели себя с Сёдерстремом очень осторожно. В поселке продолжали считать, что ни о чем, кроме своего хозяйства и рыбной ловли, братья не думают.

Каждый раз встречи с ними проходили в уединении и непременно с каждым по отдельности.

Как-то в середине лета подошел срок встречи с братьями. Ни Сёдерстрему, ни Юнсену идти было нельзя. Стояли белые ночи, пришла пора сенокоса, в лощинах между горами ходило много людей, они заготавливали корм, собирали ягоды, уже поспела морошка.

Сверре переговорил с Альфхильд:

— Сходи на рейсовом боте в Вардё и в Киберг.

— А как же Андреас? Я должна появляться тогда, когда меня привыкли там видеть.

— Пойдешь в этот раз и скажешь при людях, что у тебя дела, надо поехать и даже покажешь для убедительности письмо, в котором тебя туда зовут. Андреас поймет.

— Сделаю, — коротко, без дальнейших расспросов согласилась Альфхильд.

Когда наступил назначенный день, она, собрав все нужное в сумки, отправилась в Хамнинберг, там приставал рейсовый бот. Как самая обычная пассажирка, она отплыла на боте в Вардё. Немецких солдат на боте не было, а своих она не боялась, умела разговаривать с ними.

В Вардё встретилась с Сарой Хауген.

Они почти ровесницы. Женщины друг друга поняли с первых слов. Чтоб не вызывать излишнего любопытства долгим сидением в доме, ходили по магазинам, кое-что купили, старательно разглядывая и приценяваясь, зашли в аптеку, на почту.

Перед отходом бота, явно демонстрируя торопливость, наскоро попили у Сары кофе, и Альфхильд побежала на пристань. В сумке, в свертке с покупками, лежал материал для Сёдерстрема.

Труднее было в Киберге. Напрямую идти к Сигурду нельзя. Они раньше видели друг друга, в лицо знали, но близко не знакомы.

Альфхильд появилась в поселке заблаговременно, за сутки, чтобы успеть все сделать без спешки и сесть на рейсовый бот, который будет возвращаться из Вадсё.

Проследив на следующее утро, когда Сигурд прошел в молельню, она тоже там появилась и встала рядом с ним. Шепнула пароль. Сигурд внимательно посмотрел на нее и ничего не сказал. Из молельни он вышел первым, она пошла за ним следом.

Сигурд зашел в магазин, народу было немного, он неторопливо рассматривал товары, читал цены, заглядывал в свои промтоварные карточки. В магазине появилась Альфхильд. Они оказались рядом. Никто не заметил, что свертки перепутались, купленное Сигурдом легло в сумку Альфхильд.

На рейсовый бот она пришла ко времени.

Летом с большим риском самолетом забрасывали для группы продукты. Трижды посланное им попадало, однажды все разбилось и погибло, два вылета закончились возвращением самолета без выброски: видимость стояла отличная, опасно было демаскировать группу — вблизи ходили вражеские сторожевики.

Шел пятый месяц, как группа работала в Сюльтевике. По ее наводке было потоплено уже девять транспортов.

В отделе обсуждали, как быть дальше с разведчиками. Визгин спросил:

— Сигналов, что просят вернуться, не подают?

— Нет.

— Пусть работают. Дело идет у них успешно. Поблагодарите

в радиограмме и сообщите, чтобы подождали до глубокой осени, до полной темноты.

Пятерка разведчиков в Сюльтевике пережила весну, лето, встретила осень.

Глава XXII

Настала пора, про которую говорят: солнце на лето, зима на мороз. Солнце день ото дня поднималось все выше и выше. Полярная ночь кончилась, дни становились длиннее и длиннее. И хотя до настоящей весны в Заполярье было еще далековато, все же воздух менялся, он стал гуще, не столь разряженный, как зимой, кислорода в нем прибавилось. Дышалось легче. По ночам трещали морозы, лопался лед, а за день с крыш домов повисали огромные сосульки, такие же ледяные потоки текли по южным обрывистым склонам гор, ночью они замерзали.

По традиции довоенных лет в Мурманске отмечался праздник Севера с лыжными гонками, спусками с гор, с состязаниями оленьих упряжек. Мурманчане радовались многолюдному празднику. За окраиной города, по пути в Колу в долине Уюта, как и в довоенное время, собрались тысячи горожан.

Разведотряд выставил на соревнования три команды: две группы гонщиков и одну горнолыжников. Конкурентов у отрядных лыжников не нашлось, все призовые места в беге на десять и двадцать километров и по скоростному спуску с гор достались отряду. Абсолютным чемпионом праздника поднялся на пьедестале почета Борис Абрамов, на него надели красную шелковую рубашку победителя. Отряду вручили почетный приз (через тридцать лет на спортивном празднике на стадионе в Мурманске этот почетный приз был передан в городской музей).

На фронте заканчивалось зимнее противостояние. Множество признаков указывало, что на Лице вскоре могут разыграться новые большие бои. Горный корпус врага, подтянув значительно большие, чем прошлой осенью, резервы, готовился до распутицы прорваться в Мурманск.

Ставка Верховного Главного Командования своей директивой предписала подготовить и провести наступательную операцию. Предложения командования Карельского фронта, 14-й армии и Северного флота на этот счет Ставка утвердила.

Операции предстояло вести не только на суше, но и высаживать крупные десанты с побережья Мотовского залива во фланг вражеской группировки. За зиму этот фланг от Пикушева продвинулся на запад. Сетью опорных пунктов был опутан весь берег вплоть до Титовской губы.

Флот теперь мог высаживать уже не отдельные сводные батальоны, наспех собранные из разных частей, а бригады морской пехоты. Они стояли в готовности возле главной базы и на побережье вплоть до Ура-губы.

Разведотдел откомандировал на время майора Людена во главе оперативной группы из шести сотрудников отдела в бригаду морской пехоты. Им вменялось в обязанность развернуть в полосе боев разведывательную службу. (Потом, после завершения весенних боевых операций, Люден так и остался заместителем командира одной из бригад морской пехоты.)

Во второй половине апреля уже чувствовалось, что та и другая стороны ждут сигнала.

Начальник разведотдела сообщил командиру отряда капитану Инзарцеву, что в связи с выполнением в скором времени особо важного задания командования флотом отряд всем своим составом временно прикомандировывается к 12-й отдельной бригаде морской пехоты и поступает в оперативное подчинение командира бригады.

— Позвольте спросить, товарищ капитан II ранга: меняется ли дислокация отряда и надо ли брать с собой все отрядное имущество? — спросил Инзарцев Визгина.

— Отряд как был при штабе флота, так и остается. Он лишь временно выводится в оперативное подчинение командования 12-й бригады. Постоянным местом дислокации остается Полярное, — ответил Визгин. — С собой взять только нужное для выполнения боевой задачи имущество, все остальное по-прежнему содержать в отряде. Для его охраны выделить отделение, которое в боевую операцию не выводить.

На следующий день Инзарцев встретился с начальником штаба бригады полковником Родионовым.

— Вам, капитан, — сказал полковник, — ставится следующая боевая задача: завтра, то есть 27 апреля, на двух «малых охотниках» в девятнадцать ноль-ноль выйти в Мотовский залив, высадиться на берег противника в губе Кислая, к западу от мыса Могильного. На берегу не задерживаться, сразу же предпринять маршевый рывок через высоту 160,7 к высоте 415,3 и к шести часам утра овладеть ею. Там держаться до тех пор, пока не последует приказ покинуть ее. Вы будете обеспечивать крайний правый фланг десанта.

Инзарцев попробовал уточнить задачу:

— Непременно ли надо высаживаться в Кислой? Мы эти места хорошо знаем. Этот участок под прицельным обстрелом артиллерии и минометов и с Титовки и с перешейка на Средний Берег для десантирования неудобный, мелководье и камни. Нельзя ли высадиться чуть восточнее Могильного? Там скорее можно оторваться от берега и укрыться в сопках.

— План предусматривает высадку именно здесь. Нам важно отвлечь внимание противника на этот участок.

— Понятно. Значит, нам не надо особо соблюдать скрытность высадки?

— Сам момент выброски желательно провести незаметно, чтоб не пострадать от вражеского огня у берега. Потом противник вас наверняка обнаружит. С той минуты ваша роль существенно отличается от той, какую вы исполняли прежде. Вам нельзя с боем пробиваться обратно к берегу. Уходите от противника только вперед. Если на пути будут попадаться отдельно огневые точки противника или подвижные посты, ликвидируйте их и двигайтесь дальше.

— На маршруте от места высадки до указанной вами высоты есть вражеский опорный пункт с орудием и минометами. Он называется «Обергоф». Наши люди хорошо его разведали в марте. Обойдите этот опорный пункт стороной. В бой за овладением им не ввязываться.

Инзарцев поинтересовался, кто исчислял расчет времени на продвижение от берега до высоты 415,3.

Оказалось, что все расчеты велись в штабе бригады. Предполагается средний темп продвижения, включая возможные короткие стычки.

Инзарцев сомневался в правильности расчетов: от места высадки до высоты даже по прямой было километров восемь. В горах прямых дорог не бывает. А здесь, как хорошо известно, их вообще нет. Надо обходить высоты, подниматься, спускаться, огибать болота, озера, преодолевать ручьи, в которых бушует вешняя вода. Наступила оттепель, снег осел. На лыжи не станешь. Придется идти пешком по мокрому снегу. За шесть часов этот путь преодолеть очень и очень трудно.

— Надо уложиться в расчетное время, — сказал, как отрезал, полковник Родионов. — В действие вступят другие силы. Вы с ними взаимоувязаны. Занять на высоте оборону. Держаться там столько, сколько потребуется. Уйти оттуда можно только по приказу. Ваш ближайший сосед с левого фланга — разведрота нашей бригады. Она займет двести пятнадцатую высоту. Как видите по карте, разрыв между вами и нашими разведчиками два километра.

— Как предполагается поддерживать связь с вашим штабом, с командным пунктом? — не унимался Инзарцев.

Полковник пояснил, что предусмотрена переговорная связь по радио. Во избежание расшифровки противником передаваемых сведений разработана система условных выражений. Ее вам вручит капитан Глухов.

Инзарцев возвращался в отряд раздосадованный. Уж очень общей, неконкретной была задача, поставленная отряду. Он

привык к порядку, сложившемуся у них: с командиром, который выполнял задание, все разбиралось до тонкостей, прорабатывались возможные варианты, маршрут вычерчивался на кальке.

Инзарцева смущал тон, каким с ним разговаривали. Чувствовалось, что полковник неукоснительно соблюдает правило: должна существовать дистанция между старшим и младшим по званию, между командиром и подчиненным. Доверительность вредна для дела.

Капитан понимал, что в большой задаче, которая поставлена перед бригадой, кто-то должен отвлекать противника на себя. Ничего он, Инзарцев, изменить не может. Но чувствовать себя второстепенным, прикомандированным было тошно. Однако никому из своих разведчиков об этих огорчениях и сомнениях даже не обмолвился.

Инзарцев пошел за советом к Визгину. Они разложили на столе большую карту и прошлись по всему маршруту, выбрали путь в обход опорных пунктов, обговорили, как стоило бы построить оборону на высоте.

Инзарцев сказал, что его беспокоит намеченная штабом бригады связь. Набор условных терминов и фраз для переговоров, который ему дали, крайне узок, беден. Если случится осложнение обстановки или надо будет передать что-то, не предусмотренное разговорником, то не стоит даже пытаться выходить в эфир, так как радисты ни сведения, ни просьбы, кроме утвержденных фраз, записывать не будут.

Визгин принял решение выделить Инзарцеву рацию и радистов, чтобы в крайнем случае можно было связаться с узлом связи в Полярном.

Теперь, после встречи с Визгиным, Инзарцев хоть и не знал всех деталей, но понимал, что операция затевается внушительная. Привлекаются большие силы. Разведчикам отдела отводится особая роль. Какое-то время немцы должны думать, что поймали их в мышеловку, они будут прилагать все силы, чтобы уничтожить отряд.

— Мы, — пояснил Визгин, — готовимся к тому, чтобы отразить возможный набег немецких крупных кораблей для поддержки своих войск на Лице. В фьордах Северной Норвегии сейчас стоят линкор «Тирпиц», крейсеры «Лютцов», «Шеер» и «Хиппер». Если они двинутся сюда, нам будет трудно. Их орудия не оставят в покое четыреста пятнадцатую высоту. За последнее время у немцев прибавилось самолетов, они почти восполнили прошлые потери. Об этом должны знать только вы лично, чтобы лучше ориентироваться и принимать правильные решения.

— Благодарю вас, товарищ капитан II ранга, за доверие!

Два «малых охотника», приняв каждый на борт по взводу разведчиков, в девятнадцать ноль-ноль 27 апреля сорок второго года отошли от причалов губы Кислая, что примыкает к Полярному со стороны Кольского залива. Отряду для посадки на катера по плану отпускался час, а фактически выделили только двадцать семь минут, но отряд управился и вышел вовремя. Провожал отряд до высадки на берег капитан II ранга Визгин.

Ровно в полночь подошли к Могильному, но не к западному его берегу, не к губе Кислой, а к восточному, к губе Сеннуха. До Могильного — рукой подать, он виделся как на ладони. Один катер приблизился к берегу для высадки разведчиков, а второй держался пока мористее и прикрывал выброску первого взвода младшего лейтенанта Шелавина.

Только успели вынести сходню и начали по ней спускаться, завыли мины и стали рваться на берегу и в воде, менее чем в полусотне метров от катеров. Каждый разрыв крошил камни, поднимал фонтаны воды все ближе и ближе к катерам.

— Капитан Инзарцев, ускорить высадку, — приказал Визгин.

Мина попала в корму катера, развернула обшивку, раскромсала большую зубчатую пробоину, к счастью, выше ватерлинии.

По совету Визгина командир катера написал ратьером сто двадцать четвертому, чтобы тот отошел левее на милю и там высадил людей.

Инзарцев побежал по трапу. Мины в воду больше не падали, они рвались по береговой кромке. Катера обстреляли из орудий вершины сопок, откуда виднелись вспышки минометных выстрелов.

Артиллеристы с Рыбачьего, наблюдавшие за высадкой, обнаружив артиллерийскую и минометную дуэль между катерами и берегом у Могильного, выпустили серию снарядов по Титовке и Овечьему. Немецкие орудия не отмолчались: с обоих сторон Мотовского залива снаряды летели навстречу друг другу.

Взвод Шелавина развернулся цепью и бегом взбирался по некрутому береговому откосу к гранитному материковому увалу. Мины неотступно рассыпали свои осколки позади них.

— Товарищ капитан, впереди обнаружены вражеские наблюдатели, — доложил Шелавин.

— Прикажи, чтоб шли осмотрительно. Может быть, это корректировщики минометов.

Взвод одолел подъем до прибрежной гряды. Вражеские дозорные убежали, но впереди, замаскировавшись между

камнями, лежали солдаты.

— Федор, веди людей левее, обойдем ущельем, — крикнул Инзарцев Шелавину, — ты не видишь второй взвод?

— Нет, не вижу.

— А катер?

— Катера сблизились, дрейфуют.

— Значит, Синцов высадился. Выдели человека, пусть, как заметит Синцова, даст ему знать, где мы.

Спустились в ущелье и, скрывшись от вражеского наблюдения, оказались на флангах неприятельского взвода. Шелавин предлагал атаковать.

Инзарцев ответил, что надо выждать, пока подтянется Синцов. Но лучше с немцами пока не связываться.

Немцы тоже, видимо, не очень хотели скрещивать оружие, снялись с занятого ими гребня и повернули к губе Кислая, и в этот момент со стороны, откуда должен был появиться взвод Синцова, послышалась стрельба из пулеметов и винтовок.

Шелавин направил в разведку Мотовилина и Агафонова. Они вернулись минут через двадцать и доложили, что взвод Синцова наткнулся на вражеский заслон. Там не менее роты, ребятам пришлось принять бой.

Взвод Шелавина навалился на немецкую роту с фланга. Дело шло к тому, что моряки возьмут врага в клещи. Немцы стали спешно отходить в сторону Кислой.

Взводы Шелавина и Синцова соединились, разведчики прошлись по позиции, которую только что занимали немцы. Насчитали до десятка убитых солдат. По документам выяснилось, что все они служили в одной роте 388-го пехотного полка.

Стычка с врагом сразу же после высадки порушила первоначальный замысел командования. Взвод Шелавина залег, пулеметный огонь не давал поднять голову. Командир отделения Николай Даманов пополз к пулемету с гранатами, подобрался к нему совсем близко, приподнялся и метнул одну гранату за другой. Пулемет замолчал, но струя свинца успела прошить Даманова.

Володе Шеремету перебило ноги. Он понимал, что бойцы не могут его ни с собой нести, ни возвратиться с ним к берегу.

— Товарищ капитан, — сказал Володя, — оставьте меня здесь, только дайте пистолет. Вы ведь там недолго задержитесь, заберете меня на обратном пути. Я буду ждать.

Времени явно не хватало, чтобы добраться до цели к назначенному часу. Надо было наверстывать часы, потерянные в бою. Пришлось дать Шеремету пистолет. Отряд прошел полторы-две сотни метров, как позади раздался одиночный выстрел.

Разведчики вытянулись в цепочку, шли друг другу в затылок. Головной дозор вел Радышевцев, в хвостовое прикрытие Инзарцев поставил отделение Кашутина. В середине цепочки ковылял раненый Яков Попов.

Курс держали на юго-восток. Параллельным курсом двигалась и вражеская рота. Этот параллельный марш продолжался час, другой, третий…

После высадки прошло уже четырнадцать часов. Цель марша — высота четыреста пятнадцатая — теперь виднелась отчетливо, но шагать до нее надо было еще часа два, не меньше.

Инзарцев приказал устроить большой привал. Командиры взводов и отделений заставили каждого переобуться в сухое, проветрить промокшее, лечь на спину, приподнять ноги, чтобы хоть немного оттекла кровь. Минут через пятнадцать-двадцать разрешили развязать рюкзаки и подкрепиться.

Однако подкрепиться не пришлось. На вьючной тропе из Титовки появилось до двух рот неприятеля.

Отряд спешно снялся с привала, но идти по маршруту уже не смогли. Маршевая колонна развернулась цепью и обрушила на разведчиков огонь из пулеметов и винтовок.

Инзарцев распорядился, чтобы каждый взвод выделил отделения прикрытия. Остальным быстро уходить. Заслоны пойдут по их следам.

На виду у егерей отряд устремился, в сторону Пикшуева, но, как только спустился в ущелье, снова повернул к цели своего похода. Уловка ввела преследователей в заблуждение. Немцы двинулись к Пикшуеву. Тем временем моряки шли в гору.

Вражеский пост на вершине пытался было отстреливаться из пулемета, но вскоре немцы на высоте поняли, что вот-вот им перекроют узкую лазейку для отхода, бросили оружие и побежали к дороге на Титовку.

Моряки оседлали высоту — задача была выполнена.

Командиры не успели прикинуть, где лучше занять оборону, как на склонах высоты появилась вражеская рота, которая тенью плелась за отрядом с самой высадки. Немцы шли в рост, не стреляли. Потом залегли, в трех точках выставили пулеметы, делали короткие перебежки. Стало ясно, что егеря или готовятся атаковать вершину, или бегают открыто, чтобы взять на испуг разведчиков, занявших вершину высоты. Двигались они по северо-западному скату, на более широкий охват сил у них явно было маловато.

Инзарцев приказал прикрыть пулеметами северо-западный склон, но огня до его команды не открывать. Из винтовок и автоматов вести только прицельный огонь.

Немцам подавали какие-то команды. Потом разом затараторили три пулемета, солдаты поднялись и, стреляя куда попало, пошли к вершине.

Инзарцев скомандовал:

— Пулеметам — огонь.

Флоринский, пофыркивая носом, разрядил пол-ленты из трофейного немецкого пулемета, Курносенко не выпускал из рук облюбованный им «суоми».

Наступавшие пробовали бежать, но через полминуты выдохлись, наткнулись, на завесу огня и залегли.

Через минуту-другую егеря один за другим начали отползать назад. Поднялись и побежали несколько человек, а еще через мгновенье бежала вся цепь.

— Пулеметам замолчать, огонь из винтовок на выбор по бегущим, — приказал Инзарцев.

Нападение отбили. Внизу вразброс лежали убитые солдаты в серо-зеленых шинелях.

О том, как проходит общая операция, разведчики не знали.

В утренние часы, когда отряд разведчиков после столкновения возле берега шел маршем к высоте, отдельная 12-я бригада морской пехоты завершила десантирование на южном берегу Мотовского залива и по берегу губы Западной Лицы. Выброска прошла успешно, вражеских сил прикрытия поблизости от залива не оказалось, подвижные резервы оттянулись от берега в погоню за разведчиками. Плацдарм достался бригаде без борьбы и потерь. Можно было с ходу развернуться для намеченных боевых действий.

Инзарцев обязан был доложить обстановку, сообщить о выполнении задачи, получить дальнейшие распоряжения. Однако подвижной радиоузел бригады не отзывался. Прошел час, второй, третий… Отчаявшись добиться прямого переговора, Инзарцев приказал передать радиограмму на свой узел связи и просил сообщить об этом на командный пункт бригады.

Через некоторое время из отдела поступила радиограмма, что сообщение отряда передано командованию.

Инзарцев не понимал, зачем нужна связь через посредника, если штаб бригады находился всего в нескольких километрах от отряда.

Ночь прошла относительно спокойно, немцы притихли до утра. Разведчики, откопали из-под снега некрупные камни-валуны, выложили небольшие огневые точки, потом, завернувшись в палатки, уснули. Вахту несли только дежурные посты. Мороз стоял не сильный, всего три-четыре градуса, но после дневной оттепели снег затвердел, покрылся коркой. На

голой вершине ветер, казалось, дует со всех сторон, от него нигде нельзя было укрыться.

С рассветом всю округу старательно осмотрели в бинокли.

К немецкой роте подошло подкрепление. Врага теперь по численности было втрое больше.

К юго-западу, в трех-четырех километрах разглядели батальон бригады морской пехоты. По плану там должен был занимать позиции батальон Симоненко.

Разведчики обозревали окрестности на многие километры, они видели, как вражеский батальон через ущелья и долины между сопками подбирался во фланг и тыл батальона морских пехотинцев. Но оповестить о надвигающейся опасности со стороны Титовки разведчики никак не могли. Прямая связь с бригадой по радио все еще не отладилась.

Как назло в те минуты нельзя было связаться и с узлом разведотряда.

Днем вышло солнце, заметно потеплело, снег подтаивал, между валунами местами потекла вода.

К полудню к немцам, стоявшим под высотой, подошло новое пополнение. Теперь их здесь было не меньше батальона. Немцы перекрыли все спуски. Они не стреляли, полагая, видимо, что из мышеловки моряки все равно не выйдут. Пусть себе сидят там на ветру.

Инзарцев, Дубровский, Шелавин и Синцов развернули карту, на которой был нанесен план операции бригады морской пехоты. То, что было обозначено на карте, отличалось от реального положения, которое они хорошо видели с высоты. Это вызывало беспокойство.

К югу в разрывах между горами просматривалась дорога из Титовки к Западной Лице. Там к фронту и обратно проскакивали то одиночные машины, то колонны. По тропе от Титовки к Пикшуеву егеря больше не ходили. Эту тропу пересекла и оставила позади себя бригада морского пехоты. К востоку и юго-востоку громыхала канонада. Линия, где сошлись бригада морской пехоты и егеря, угадывалась хорошо. Десант не предпринимал даже попыток, чтобы сблизиться с разведчиками на высоте.

У Шелавина, Дубровского, Синцова и других командиров возник один вопрос: вызволят ли разведчиков из кольца морские пехотинцы или им самим надо пробиваться к основному десанту?

Сами этого они решить не могли. Разведчики начали замерзать. Ноги, мокрые с самой высадки, не просыхали. Ребята без конца переобувались, проветривали носки и портянки, но толку было мало, так как сапоги промокли насквозь. Оставалось

одно — заставлять людей работать, двигаться, только не лежать — иначе придут вялость, сонливость.

Инзарцев предложил развести людей по секторам. Командиры осмотрели спуски и подъемы. Более уязвимым был склон со стороны Мотовского залива, другие скаты крутые, менее доступные.

Летом на этой высоте был вражеский наблюдательный пост. Тогда разведчики его разрушили, егеря восстановили, даже покрепче сделали. Зимой тут никого не было, на продуваемом всеми ветрами посту наблюдатели не усидели. Теперь, когда потеплело и стали вероятнее боевые действия, этот пост опять пригодился. У немцев здесь службу несло всего одно отделение, а тут привалил целый отряд — два взвода да группа управления.

Попробовали откапывать камни из-под снега, но они примерзли, а крупные отколоть было нечем: ни лома, ни кирки, те, что полегче и помельче, расшатывали, отдирали от ледяного припая, выкладывали из них брустверы, потом обваливали влажным снегом. Получилась стенка, она вполне могла защитить от пуль.

Радышевцев, Мотовилин, Леонов и Кашутин присели в кружочек. Из головы не выходил Даманов.

— Еще одного подводника взяла война на суше, — ни на кого не глядя, как бы про себя, сказал Леонов.

— К сожалению, Коля не последний, еще не одного моряка война приберет, — заметил Радышевцев. Он служил с Дамановым в мирные дни на подплаве, скорбел о нем, но не хотел, чтобы друзья сильно унывали. Впереди еще столько крови!

— Душевный был парень. Такому жить да жить. А тут один миг, глазом не успели моргнуть — и нет человека, — поддержал Леонова Вася Кашутин.

— Пули и осколки как будто нарочно хороших ребят отыскивают, — продолжал Леонов.

— А у меня не выходит из головы Володя Шеремет. Его бы сразу в госпиталь, мог бы жить, но от нас до госпиталя всегда очень и очень далеко. Нелегко, наверное, самому расстаться с жизнью. А Володя понял, что надо ради отряда, для боевого дела. Осознал и не дрогнул.

— Наступает, видно, в жизни такой момент, что сознание высвечивает — другого выхода нет. Так в октябре на Варангере случилось с Коре, — напомнил Степан Мотовилин прошлогодний случай возле Киреянок.

— Заладили! Сплошная панихида, — проворчал Кашутин, — затушив окурок каблуком.

Егеря, охватив с трех сторон высоту, стали подбираться к

позициям разведчиков. Шли они поодиночке, перебегали от валуна к промоине, от ложбины к валуну, выискивая малейшие укрытия. Ложились, приостанавливались, приседали, потом снова шли.

Все замерли, приникли к оружию, вжались в укрытия.

— Не забросают минами — к себе не подпустим, отобьем, сказал своему соседу Агафонову Вася Горшков.

— Самолеты бы не налетели, — высказал опасение Женя Уленков, посмотрев на небо.

— Не налетят: цель мала да и в своих попасть можно, — успокоил Жора Лазько.

Наступающие были метрах в восьмидесяти, вершина суживалась, поджимала идущих в цепи одного к другому.

Снова работали пулеметы разведчиков, били без промаха снайперы, вели прицельный огонь из автоматов и винтовок.

Егеря побежали вниз, бежали не пригибаясь туда, где отсиживались с утра.

— А трухнул я, когда близко подошли, побегут, думаю, сомнут — не удержим. Вжался меж камней, сразу маленький стал. При моем росте могли пробежать, не заметить, — признавался соседям Барышев.

— Ты что же, не стрелял?

— Стрелял! — Только с перепугу плохо видел. Не знаю, сколько раз и попал. А может, и ни разу, — продолжал Павел.

— А не ты, Паша, «ура» кричал?

— Не я. У меня на это духу не хватило. А я и не слышал, чтобы кто-то кричал. Тебе не почудилось?

— «Ура» ни у кого не прорезалось. А вот «лупи их» — это я точно слышал.

— Это я во всю глотку надрывался, когда они подальше убежали, — сказал Павел Барышев.

Барышев от рождения наделен чувством юмора. Подшучивает он прежде всего над собой. Не отличаясь геркулесовым ростом, он может приподняться на носки, вздернуть вверх одно плечо и сказать: «Я тогда был большой и красивый…» И всем кажется, будто Паша в самом деле только для разведки уменьшился ростом, чтобы не мозолить глаза ни своим, не немцу.

— Так ты, Пашенька, больше ни в ширину, ни в высоту не расти. Интенданты будут рады экономии в одежде и пропитании, — советовал своему другу Семен Агафонов.

Непонятно, как сдружились Барышев и Агафонов. Семен — молчун, слово из него редко вытянешь. А у Павла, наоборот, сплошные баечки-прибауточки.

Вразвалку, будто нехотя, надвигалась светлая весенняя ночь.

Командование бригады не подавало никаких сигналов, ближайшие соседи к разведчикам, не пробивались, но и вражеский батальон осаду не снимал.

Разведчики не знали о том, что бригаде морской пехоты в первый день после высадки предписывалось продвинуться на десять-двенадцать километров и местами выйти на рубеж, который занимал противник прошлым летом. События сначала развивались строго по плану. Батальоны заняли практически все намеченные рубежи. Определился первоначальный успех операции. Людские потери были минимальными.

Из частей 14-й армии наибольшее продвижение имели 10-я гвардейская дивизия и 6-я лыжная бригада.

Командование 12-й бригады и батальонов не воспользовалось неорганизованностью и отступлением противника, ночью преследование прекратили и расположились на отдых. Это позволило неприятелю подтянуть резервы и поставить заслоны. Против десанта выдвинулись дополнительно два батальона, противодействующие силы противника удвоились. И все же перевес в силах и инициатива еще сохранялись на стороне бригады. Четыре-шесть километров оставалось до поселка Большая Западная Лица и до дороги от Титовки к Лице. Но темп продвижения сильно замедлился.

Только Инзарцев да комиссар могли догадываться, что события перестали развиваться по плану, что деблокировать окруженных врагом на высоте разведчиков в ближайшее время некому. Никаких команд разведчикам на прорыв своими силами не поступало.

Командир отряда приказал с утра продолжать укреплять оборону, беречь боеприпасы, стрелять только прицельно.

Подобрали группу наиболее метких стрелков, двое из них со снайперскими винтовками, старшим назначили Семена Агафонова. Им велели старательно замаскироваться и поодиночке выбивать вражеских солдат.

Сидение на высоте явно затягивалось. С Ледовитого океана дул холодный ветер, разыгрывалась метель. Майские праздники разведчики встретили на высоте 415. Попробовали делать снежные шалаши. Первый сложили неудачно, наскоро сведенная на конус кровля рухнула. Другие возвели более умело. В них хоть на какое-то время можно было укрыться от пронизывающего ветра.

Кончилась вода, лужицы, из которых пили в первые дни, замерзли. Изредка жевали снег.

Прошел день третий, наступил четвертый. Люди слабели, начались обморожения. Подтаявший ранее снег покрылся коркой.

Ходить по нему стало неловко, ноги разъезжались. На припорошенных снегом камнях падал то один, то другой. Заледенелый снег блестел как зеркало, раздражал и слепил глаза, они слезились.

Егерям внизу тоже было несладко, но они не уходили от высоты, блокаду с разведчиков не снимали.

На пятые сутки капитан Инзарцев, не добившись связи с бригадой, решил послать тройку разведчиков, чтобы наладить контакт с каким-либо из батальонов. Установить такую живую связь поручили Лосеву, Мотовилину и Леонову. Ребята несколько раз обошли вершину высоты, поискали, где побольше валунов, впадин и ручьев. Самым подходящим оказался юго-восточный скат. По нему и пошли посыльные. В метельной пелене за спиной егерей они спустились в лощину.

Добрались до позиций третьего батальона, попросили командира поддержать разведчиков огнем, помочь вырваться из окружения.

Комбат связался с командным пунктом бригады. Оттуда дали согласие выделить стрелковый и минометный взводы, отделение станковых пулеметов, но покидать высоту отряду не разрешили.

Посыльные привели в отряд подкрепление. С вершины на егерей обрушился нежданный огневой удар. Они сперва огрызались, отвечали пулеметным огнем. Какая-то пуля, шальная или на излете, попала Леонову в щеку, застряла во рту.

Вскоре немцы перестали отвечать огнем, спрятались и затихли. Но со своих позиций не ушли, кольцо окружения не сняли.

Четвертого мая командование бригады приказало отряду прорвать блокаду и выйти на соединение с десантными частями.

В операцию пошли семьдесят разведчиков. Вернулось в полном здравии десять. Два разведчика погибли, еще два получили ранения. Остальные либо поморозились, либо ослепли от яркого весеннего солнца. Всех отправили в госпиталь.

— Отвлекающая операция! — ворчал Инзарцев. — Слишком дорогой ценой она нам досталась!

Глава XXIII

В мае — начале июня стало известно, что аэродромы Хебуктен и Луостари посетил Гиммлер. Его сопровождали генерал Дитль, командующий пятым воздушным флотом генерал Штумф. На аэродроме в Хебуктене дневал и ночевал начальник летной службы ставки фюрера.

Главнокомандующий военно-морскими силами Германии гросс-адмирал Редер совершил инспекционную поездку по Норвегии. Вместе с генерал-адмиралом Бемом и генерал-полковником Фанкельхорстом он побывал в Нарвике и в других базах.

В порты Варангер-фьорда пришли четырнадцать десантных судов. Некоторые из них недавно базировались в Сицилии. Из Тронхейма вышли на север линкор «Тирпиц», крейсеры «Шеер» и «Лютцов». На аэродромы Северной Норвегии и Финляндии прибыло более двухсот тяжелых транспортных машин.

В конце весны и в начале лета активность немецких военно-морских сил и авиации заметно возросла. Командование немецкими военно-морскими силами в Норвегии переместилось далеко на север — в Тронхейм. Поступили сведения, что руководство всеми боевыми операциями на севере Гитлер с 15 июня сосредоточил лично в своих руках.

Из Мурманска в Англию отплыл крейсер «Эдинбург». На его борту находился запас золота в уплату поставок по ленд-лизу. Немецкая подводная лодка его повредила. Крейсер все же остался на плаву и шел своим ходом. Его настигли три германских эсминца. Крейсер от прямого попадания торпеды затонул.

Немецкий самолет-разведчик обнаружил в водах Северной Атлантики английский крейсер и три миноносца. На перехват отряда кораблей вылетело пять бомбардировщиков и десять торпедоносцев. Крейсер серьезно пострадал. Английские моряки, решив, что ни своим ходом, ни на буксире крейсер до базы не дотянуть, потопили его.

На сухопутном фронте противник почти полностью сменил свои части. Шестую горно-егерскую дивизию и 388-й пехотный полк вывели на отдых в район Киркенеса — Петсамо — Салми-ярви. К Лице выдвинулась 2-я горно-егерская дивизия, а у перешейка на Средний у Мустамунбуро — занял позиции 193-й пехотный полк.

Северный театр военных действий привлекал к себе все большее внимание Советского Верховного Главного Командования. С заводов пришло несколько подводных лодок. Но

они не могли решить задачи летней кампании. Верховное Главнокомандование решило перевести в район Мурманска часть кораблей Тихоокеанского флота. Четыре подводные лодки вышли из Владивостока и, пройдя через Тихий океан, Панамский канал и Атлантику, в неполном составе (одну лодку потопили в Тихом океане) прибыл в Полярное, Северным морским путем из Владивостока шли лидер «Баку», эсминцы «Разумный» и «Разъяренный».

На перехват этого отряда кораблей вышел «Шеер». Он обогнул северную оконечность Новой Земли, спустился в южную часть Карского моря и приготовился атаковать корабли в стесненных льдами водах. Однако непредвиденная задержка кораблей на ремонте в одном из северных портов спутала карты немецких морских стратегов. Раздосадованный командир «Шеера» потопил гражданское судно «Сибиряков», обстрелял из орудий поселок на Новой Земле и вернулся в норвежские воды.

С наступлением тепла и таянием льдов конвои союзников шли через Белое море в Архангельск. Курс им прокладывали как можно севернее, ближе к кромке льдов. Конвои охраняли по две, а то и по три линии корабельного сопровождения. Первую, ближе всего к берегу, обычно составлял отряд линкоров, потом крейсеры и эсминцы, возле самого каравана — эсминцы, фрегаты. Над судами висели аэростаты заграждения.

Чем лучше становилась видимость в море и в воздухе, тем чаще и яростнее атаковали немецкие корабли и самолеты. Начинали они западнее острова Медвежьего и не прекращали даже в горле Белого моря.

На разгром одного из караванов вышел «Тирпиц». Крейсерская подводная лодка Николая Лунина торпедировала его. Линкор ушел на стоянку в норвежский фьорд и больше не высовывал носа в море.

С северного берега полуострова Варангер разведчики доносили, что подкрепления горному корпусу — боеприпасы, продовольствие, лошадей и горючее — доставляют вдоль побережья. Корабли прячутся за островами и в фьордах, надеясь на защиту береговых батарей. Немало транспортов топили, но артерию, питающую фронт, пока перерезать не удавалось.

Немецкое командование, раздосадованное тем, что к Мурманску не удается пробиться ни с суши, ни с моря, решило обрушить на город небывалые по силе удары с воздуха. Начались массированные налеты бомбардировщиков. Фугасные и зажигательные бомбы разрушили и сожгли город почти дотла.

Начало лета принесло крупные неудачи нашим войскам на юге, в донских и приволжских степях. Немецкие армии ринулись

к Волге, к Сталинграду, на Северный Кавказ. Батальон моряков Северного флота отправился под Сталинград. Несколько человек, передал в этот батальон и разведотряд.

К этому времени разведчики избавились от последствий обморожения, подлечили глаза. Наступило время действовать. Прошло более семи месяцев после похода лыжной группы отряда к аэродрому Луостари. Командование интересовало, что там за это время произошло, откуда лучше всего подбираться летом к аэродрому, какова охрана.

В поход, рассчитанный почти на три недели, отправилось полсотни разведчиков. Им предстояло пройти около четырехсот километров. В рюкзаках несли по тридцать с лишним килограммов продуктов, оружие, боеприпасы, запасное обмундирование. Те, кто в отряде давно и не однажды хаживали в дальние походы, запаслись удобными рюкзаками на каркасе из дюралевых трубок и с натяжными ремнями. Такой рюкзак ложится плотно на плечи, облегает верхнюю часть спины, не давит на поясницу. Сперва такие рюкзаки были только трофейные, а теперь смастерили их сами.

Через переход каждому разведчику полагалось нести какой-либо общеотрядный груз: банку или диски с пулеметными патронами, связки с батареями к радиостанции.

Идти с грузом было тяжело, пот заливал лицо. Первое время вытирались рукой, рукавом или подшлемником, но вскоре и рукав, и шапочка намокли и уже не впитывали влаги, лицо саднило. Время от времени ребята встряхивали головой, чтобы капельки соскользнули с бровей, с носа, с подбородка. Настежь расстегнуты воротники у рубах.

Командир отряда капитан Инзарцев и комиссар старший политрук Дубровский на первом привале обошли всех, расспросили, кто как себя чувствует, не сбил ли кто ноги, не надо ли чем помочь.

И снова в путь.

Перед выходом проверили место стоянки, спрятали под камни окурки, поправили сбитый мох. На марше не раз давалась команда: «Воздух!» Немецкие самолеты по утреннему и вечернему расписанию возвращались с налета на Мурманск.

У одного из молодых разведчиков, отправившегося в дальний поход впервые, лопнул рюкзак. Он оказался старым, сопревшим. Все имущество вывалилось на тропу, он кинулся собирать, пытался затолкать груз в рюкзак обратно. Ничего не получалось. Передал, чтобы по цепочке доложили о случившемся командиру. Через минуту обратно вернулась команда:

— Пусть завернет все в плащ-палатку и несет узлом.

Весь очередной переход тащил моряк этот куль. На следующем привале ему дали рюкзак: кто-то из предусмотрительных разведчиков взял про запас.

— Передайте ротозею, чтоб закрасил травой, — сказал Инзарцев, — сам, наверное, не сообразит, что рюкзак-то белый.

Новичок, натерпевшийся лиха, укладывал имущество, рвал траву, пытался зазеленить рюкзак, а тут команда: «Подъем, марш!»

И зашагал парень, не пожевав галету, не смочив пересохший рот глотком воды.

В этот поход пошли пятеро радистов. Никогда так много на операцию не посылали. Они несли с собой какую-то новую аппаратуру, испытывали ее, отлаживали, регулировали. Отходили от отрядного лагеря поодаль, выставляли охрану и вели непонятные для других переговоры. Тащили на горбу что-то вроде ручного генератора. Усевшись на раскладные стульчики, крутили ручки. В устройстве подвывало, попискивало.

Командовал радистами Гриша Сафонов, правой рукой у него был Митя Кожаев, чернявый матрос, небольшого роста, но крепко сбитый, выносливый и неговорливый. Чаще других крутил ручки генератора Николай Коровин, парень ярко-рыжий, веснушчатый, веселый и задорный.

В полночь взвод младшего лейтенанта Федора Шелавина отправился выполнять задание. Куда и зачем они пошли, остальные разведчики не знали. Потом, на марше, от взвода отделилась еще группа и тоже куда-то ушла.

Многим маршрут был знаком. Летом сорок первого ходили в этих местах Мотовилин, Баринов, Еремин и еще кое-кто из тех, кто служил в отряде по второму году.

По лощинам не боялись идти и днем: искривленные березки и ивы распустились, раскинули кроны, кусты смородины и шиповника местами образовали сплошные заросли, особенно густые по берегам ручьев. Тропка вилась в обход каменных завалов, топких заболоченностей, огибала колючие кустарники.

Почти двухсуточный марш проделали спокойно, без всяких помех и тревог. Не попадались свежие следы вражеских солдат, ни разу не мелькнула человеческая фигура.

В переходном маневренном лагере разделились еще на две группы. Три отделения во главе с Шелавиным остались обследовать близлежащую округу и ждать пятерых разведчиков, которые пошли в дальний поиск по финской земле. Командиром пятерки еще в базе назначили Кашутина, под его начало подобрали самых опытных следопытов и ходоков — Мотовилина, Флоринского, Баринова и Абрамова.

Разведчики Кашутина вышли на берег реки Валас-Йоки. Отыскали небольшой порог, нашли длинные тонкие валежины и, вымеривая перед собой каждый шаг и ощупывая быстрину возле камней, перебрели на другой берег.

Вскоре очень кстати на долину наполз предутренний туман. Можно было идти без маскировки и по болоту, на котором не росло ни деревца, ни кустика. Старались шагать по кочкам, не ступать в торфянистую жижу. На другом краю болота наткнулись на озеро. Обогнули его, за ним будто вырос из воды всхолмленный каменный увал с березовой и ивовой порослью и кустарником. По этой вроде специально для разведчиков посаженной рощице пошли дальше. На опушке ее остановились на большой привал. Позади остался первый десятичасовой марш.

— Боря, ты шагаешь через кочки и валежины как лось. Уж на что я привык ходить по таким местам, а за тобой едва поспеваю, — удивлялся Анатолий Баринов.

Был он небольшого роста, по плечо Абрамову. Где Борис Абрамов раз шагнет, Анатолию приходится прыгать. Абрамов моложе Анатолия лет на десять, служит на флоте всего по второму году. В нем раскрылся какой-то прирожденный талант читать карту, выбирать по ней маршрут, вести группу так, чтобы без нужды не петлять, по заболоченностям жижу не месить, на каменных косогорах ноги не бить.

— Если не поспеваешь за мной, я могу и притормозить, — предложил Абрамов.

— Как шел, так и иди, я не отстану, просто удивляюсь твоим ходулям, — успокоил Баринов.

— Надо через переход меняться местами. А то устаёт человек, острота притупляется, — подсказал Кашутину Мотовилин на привале.

Кашутин согласился с ним.

Первым нести вахту вызвался Флоринский.

— Вы, ребята, полежите, вздремните, я подежурю в дозоре. Через сколько будем меняться?

— Как всегда, через два часа.

— Кого мне поднимать на смену?

— Меня. Мне пару часов вполне хватит, — отозвался Баринов, умевший сразу засыпать и быстро набирать силы.

Когда солнце опустилось довольно низко и время по базовому регламенту подходило к отбою, снова отправились в путь. Вышли на берег Петсамо-Йоки. Померили шестом в одном месте, в другом — везде глубоко, переправиться можно только вплавь, а с походным грузом и оружием не поплывешь. К тому же вода ледяная, чуть ступишь ногой — обжигает. А от берега до

берега метров восемьдесят.

Надо было искать брод. Сперва решили посмотреть внизу по течению, по пути к цели. Шагали час, не попалось ни одного порога, ни отмели. Вернулись обратно, пошли навстречу течению. Миновали то место, где останавливались сразу после марша, еще затратили полтора часа, пока нашли брод. Порог не быстрый, камни природный укладчик когда-то хорошо уложил, а потом течение и лед приравняли увалы, превратили в плиты. Можно было переступать с одной на другую, лишь кое-где слегка перепрыгивать. Но березовые посошки все же взяли, ощупывали ими глубокие места, опирались на них на быстрине. На другом берегу эти палки отнесли метров на сто в сторону, припрятали в кустах.

Брод отметили на карте, сфотографировали.

Направление держали к Колттакюлля. Вышли в долину реки Петсамо-Йоки. Остановились осмотреться и поразмыслить. Долину пересекать рискованно, она вплотную прилегает к Колттакюлля, а там наверняка дежурят наблюдатели.

Попала на глаза небольшая высотка, нижняя ее часть до половины поросла лесочком, а вершина совсем голая, безлесная. Пошли туда. По одному скату ледник когда-то прострогал бороздку снизу вверх. По этому лазу поднялись наверх. Вершина горы плоская, на ней озерко, заполненное прозрачно-светлой водой, из озерка вытекает ручеек. Водица бежит, видно, в Колттакюлля.

— До чего хороша долина. Километров десять-двенадцать, — прикинул Кашутин. — Вот куда удобно парашютный десант бросать: и место ровное, и до аэродрома недалеко.

Вскоре завыли сирены, в воздух взлетели один за другим три «мессершмитта» и завели круговую карусель, делая развороты на малой высоте.

Разведчики спрятались в кустарнике. Как только самолеты приземлились, двинулись дальше и вскоре приблизились к озеру Лусттонявр. Поднялись по левому склону высоты. Перед глазами открылся аэродром.

Четко видны самолеты на стоянках. Насчитали тридцать самолетов, почти все они замаскированы в кустах по краю летного поля. Два «мессершмитта» дежурили на старте. Вразброс сооружено двадцать одно строение, кроме того, палатки, радиостанция с мачтами. Туда-сюда сновали бензозаправщики, по ним засекли склады горючего. Примерно в полукилометре обнаружили зенитную батарею.

Все отметили на плане, сфотографировали.

Обратный путь прошли спокойно. На пятые сутки в шесть

часов утра встретились с ожидающей их частью своего взвода.

Во второй половине дня вышли в Зимнюю Мотовку.

Невдалеке от озера Вайявр наткнулись на останки разбитого самолета ПЕ-3. На фюзеляже сохранился бортовой номер 4. Нашли тела погибших летчиков, один имел знаки различия старшего лейтенанта, а второй лейтенанта. Никаких документов, кроме таблицы бомбометания и обожженной карты, не отыскали. Одежда на летчиках сильно обгорела. На оборотной стороне таблицы бомбометания отчетливо выведено: Пеньковский.

На следующий день рано утром все ходившие в поход с Шелавиным вернулись на Зимнюю Мотовку.

В этот же день младший лейтенант Синцов и с ним двадцать разведчиков пошли в район озера Чапр. Однако через двое с половиной суток они возвратились ни с чем, так как потеряли ориентировку.

Инзарцев и Дубровский приняли решение отправить на выполнение этой операции Шелавина и часть бойцов обоих взводов, передав им все оставшиеся продукты. Остальные разведчики налегке возвратятся в главную базу.

Шелавину предстояло проскочить мимо трех вражеских застав. Какое-то время шли вдоль столбов телефонной линии от Зимней Мотовки к озеру Чапр и Титовке. На небольшой перемычке между двумя озерами наткнулись на покинутый егерями укрепленный узел. Сооружение было сделано из валунов и собранных от взрывов каменных обломков. Егеря ушли отсюда, видимо, давно. На потускневших от света коробках из-под сигарет надпись: «Сделано в Дрездене».

К озеру Чапр добрались через сутки с небольшим, убедились, что постоянных вражеских гарнизонов здесь нет, но следы обуви, оставшиеся на тропинках, говорили о том, что неприятель сюда все-таки время от времени наведывается.

В долине реки Титовки полыхал какой-то сильный пожар, дымом все затянуло, дорога на Луостари совсем не просматривалась.

На берегу озера провели почти весь день.

— Ходить здесь можно не только нашему отряду, а целому полку, простор, немцы тут не укрепились, — сказал Никандров.

— Нынче и болота сухие и воды на бродах мало, даже танкам не трудно пройти, — подключился к разговору Агафонов.

— Все вы правильно говорите, да ведь далеко. Мы прошли, все с собой принесли. И то мало запасов осталось. А каково целому полку или бригаде? Как их снабжать? — прикидывал Шелавин. — Большую массу войск на таком удалении от баз трудно обеспечивать.

Вечером отправились к Большому Кариквайвишу.

Километрах в четырех-пяти от горы разглядели на ее вершине человека. Пробрались по кустам еще километра на два и стали наблюдать в бинокль. Наверху увидели землянку, которая приткнулась к каменному нагромождению.

Насчитали семь человек, они вышли из нее один за другим. На самой вершине ходил наблюдатель.

С севера никаких подходов к горе, местность совсем открытая. Попробовали приблизиться с юго-востока. Скрытно подобрались примерно на километр. Увидели, что по всем склонам возведены блиндажи, а возле них ходят часовые.

Не смогли рассмотреть только вовсе скрытый от наблюдения юго-западный скат.

Через трое суток группа пришла на Зимнюю Мотовку и вместе с ожидавшими ее там командиром отряда, комиссаром и еще несколькими разведчиками возвратилась в основную базу.

В Полярном много новостей.

Дом, в котором располагался отряд, пострадал от бомбежки. Разведчиков переселили в другой. Несколько сотрудников разведотдела погибло. Ранило Визгина. Сменились и руководители отряда. Уехал к другому месту службы Добротин. Капитана Инзарцева командование решило послать на академические курсы. Разведчики, которые почти год ходили с ним в походы, откровенно сокрушались. Был капитан строг и взыскателен, но людей берег. Воспитал он немало опытных разведчиков, во многих он разглядел природные качества следопытов. С Радышевцевым, Мотовилиным, Кашутиным, Никандровым, Тарашниным, Бариновым, Чинговатовым и другими старожилами он советовался, не пренебрегал их опытом и житейской мудростью. Молодых учил нести службу прилежно и ответственно.

Но еще больше моряки в отряде огорчились, узнав о назначении нового командира — Фрола Николаева. Яснее ясного, что такие вопросы не обсуждаются. Говорили на эту тему только с близкими друзьями. Уж на что был выдержан Радышевцев, умел скрывать эмоции, но и у того однажды прорвалось:

— Ну, теперь будет богадельня…

Самые опытные разведчики, ходившие по вражьим тылам уже год, не принимали Фрола Николаева в роли нового командира отряда. И не только потому, что он очень отличался от Инзарцева. Уж очень любил Фрол поговорить, иногда присочинить и прихвастнуть. Со старослужащими в отряде у него разговора не получалось. Они были опытнее Николаева в службе, в разведке и в житейских делах. Николаеву слишком много надо было сделать,

чтобы завоевать авторитет в отряде. Пока он получил лишь должность, а к должности нужен еще престиж и уважение. В бригаду морской пехоты откомандировали младшего лейтенанта Синцова. На краткосрочные курсы съездили Лосев, Леонов и Харабрин. Несколько человек после ранений и обморожений перевели на более легкую службу, кое-кого комиссовали, отправили домой. Но боевое ядро отряда сохранилось. Пришли новые добровольцы.

Глава XXIV

Поступил приказ готовиться к операции. Это означало: увольнения прекратить, все личное походное имущество, снаряжение и оружие привести в порядок, получить боеприпасы, продовольствие.

По пайку, выданному на пять дней, по указанию насчет того, чтобы одеться налегке, каждый мог понять: поход предстоит не очень дальний и наверняка с высадкой на берег.

В одиннадцатом часу вечера 16 сентября на «малом охотнике» старшего лейтенанта Лысова полсотни разведчиков отряда пришли в бухту Озерко на Рыбачьем.

Выгрузились на жиденьком, срубленном на бревенчатых сваях причале. Темнота кругом непроглядная. Один споткнулся о незамеченный в ночном мраке ящик, другой угодил ногой в проломленную доску причальной обшивки, ушибся, пустив по этому поводу забористый оборот, адресованный неизвестно кому, то ли самому себе, то ли проломавшему доску, то ли всевышнему, напустившему на землю такую темень.

Спустились на дорогу и, меся ногами глину, побрели, чавкая сапогами, по некрутому подъему. Остановились у землянки, постояли, переминаясь с ноги на ногу, перекурили. Поступила команда располагаться на отдых. Посередине землянки на столе из грубо сколоченных нестроганных досок стояла керосиновая лампа с отбитым до половины стеклом. Лампу, видно, давно никто не чистил, стекло закоптилось, едва разглядели, что вдоль стен устроены сплошные нары. Доски залоснились, отполированные солдатскими шинелями и полушубками. Улеглись вповалку, подсунув под головы рюкзаки. Немало, наверное, людей провело ночи на этих нарах. Землянка возле причала была вроде перевалочного пункта. Временным постояльцам полагалось самим напилить, наколоть дров, натопить железную бочку-печь да еще оставить запас тем, кто придет после них.

Утром никому отлучаться из землянки не разрешили. День провели в обычной матросской «травле». Об операции не говорили. И не только потому, что детали никому не были известны. В отряде утвердилось правило: не нашло нужным командование открыто обсудить план, провести разбор операции, тогда и не заикайся о ней, вопросов не задавай.

Командир с комиссаром куда-то ушли. Более опытные из разведчиков решили, что пошли они за заданием, но не в отдел, а к руководству оборонительного района.

Вечером к берегу потянулись бойцы в ватных брюках и фуфайках, за плечами оружие и тощие вещмешки. Расселись, выбирая место посуше, кому досталось каменное лбище, кому валун, кто-то успел занять бревно, многие стояли, дожидаясь очереди посидеть на сухом. Набралось роты две. С наступлением темноты разведчикам разрешили выйти на улицу, покурить возле дверей, подышать свежим воздухом.

Вечером, часов в девять, вернулись командир и комиссар, позвали к себе командиров взводов Шелавина и Кашутина, сообщили им о задании. Те собрали командиров отделений. Отделенные, сгрудив возле себя в кружок подчиненных, объявили, что в ночь отряд идет в десант на Мотовское побережье, надо по возможности скрытно захватить берег, обеспечить спокойную высадку соседям, которые сейчас копошатся возле землянки, довести до цели, потом помочь им разгромить опорный пункт и вернуться к месту высадки. На рассвете все должны возвратиться на Рыбачий. Операция рассчитана на одну ночь. Задача для отряда несложная: место высадки исхожено и зимой, и летом, и осенью, путь к опорному пункту истоптан отрядом туда и обратно, атаковать намечено большими силами, отряду остается лишь помочь десантникам.

Началась посадка. Расселись на том же катере, на котором пришли сюда, только на этот раз на верхней палубе.

Путь от причала до южного берега Мотовского залива недалек. На «малом охотнике» дошли за полчаса. Ровно в полночь приблизились к берегу. Навстречу раздались пулеметные очереди. Вскоре стали рваться мины, правда, огонь был неприцельный, с большим недолетом.

Командир катера приказал открыть огонь из орудия.

Снаряд разорвался там, откуда стрелял пулемет. Со второго катера, на котором недавно установили стартовые установки с реактивными снарядами, сделали несколько залпов. На верхушках прибрежных высот вспыхнуло непривычное ослепительно яркое пламя.

Катерники выбросили трапы, разведчики ссыпались на берег. У воды не задержались. Примерно на середине берегового увала остановились и залегли. По указанию Николаева дали сигнал, чтобы высаживались остальные десантники.

Левее того места, где выбросился отряд, подошли сторожевые катера, и с них спустился на берег основной десант: две роты морских пехотинцев и взвод саперов.

Отряд лежал на голом каменном скате в ожидании команды. Прошло десять минут, двадцать, тридцать. Шелавин и Кашутин пошли к Николаеву.

— Командир, лежим без дела, а время идет. Нам ведь надо к утру обернуться.

— Мы подчинены командиру сводной десантной группы капитану Буянову. Без его приказания нам двигаться нельзя, — ответил Николаев.

— Может, пошлем наших людей для связи? — предложил Шелавин.

— Пошлите. Но пусть далеко не ходят. Десантники должны быть где-то близко.

Посыльные вернулись ни с чем.

Пролежали час, пошел второй.

На исходе второго часа Николаев согласился с Шелавиным и Кашутиным, что надо двигаться к цели самостоятельно, без десантных рот.

Шли по намеченному маршруту около часа. Боковой дозор отряда сначала услышал, а затем и разглядел колонну. Там оказался капитан Буянов с ротой десантников.

— Почему задержались на берегу? — спросил Николаев.

— Нас высадили не там, где намечалось. Головная группа взяла ошибочное направление, пока разобрались, прошло время. Искали вторую роту, но связь с ней так и не установили. Я отправился к цели с одной ротой.

— Ведь это почти половина людей?

— Что поделаешь? Пойдем одни. Поспешим, может, до рассвета успеем.

Шел четвертый час утра.

На переходе Кашутин подошел к Николаеву, спросил, куда они идут.

— К Могильному, — ответил Николаев.

— Но ведь опорный пункт выше, на сопке. Это ясно как дважды два, — сказал Кашутин. — Его мы уже не раз разведывали, весной Тарашнин с группой ходил. Я с ним только что говорил. Надо идти левее, вон на те высоты.

— Но в задании сказано: разгромить опорный пункт на полуострове Могильном, — твердил Николаев.

— На полуострове только боевое охранение опорного пункта. Вы говорили об этом командиру десанта?

— Говорил, когда ставили задачу. Но в задании черным по белому записано: окружить и уничтожить опорный пункт в районе полуострова Могильный.

— Как его окружить? Он же на самом кончике полуострова. С трех сторон вода!

— Нам сейчас не рассуждать, а выполнять боевой приказ надо, — начал кипятиться Николаев. — Командир сводного

отряда капитан Буянов ведет людей так, как указано на карте.

«Приказ есть приказ. Начальству виднее, — подумал Кашутин. — Только странно, зачем идем сюда такими силами. Проход очень узкий. В самый раз идти по одному — по двое в ряд. А тут скопище людей. Хватим мы горя!»

Начинало светать, небо прояснилось. Капитан Буянов сказал Николаеву:

— Времени мало, предварительную разведку проводить не будем, перестраиваться не станем, атакуем с ходу. Ваш отряд идет в голове до губы Кислая, а потом сразу разворачивается на север и широкой цепью наступает в сторону опорного пункта. Первая рота десанта пойдет правее, возле восточного берега Могильного. Я пойду с ней. Позади меня мой резерв — тридцать человек.

Из-за сопок за спиной разведчиков появилось солнце. Мотовский залив лежал как на ладони.

Отряд развернулся и по пологому скату стал спускаться в долину, которая начиналась у самого основания Могильного. Восточный ее край был чуть-чуть повыше и круто падал в залив. Впереди за двумя невысокими бугорками и узенькими перешейками между ними вытянулась с запада на восток оконечность Могильного. Она прилепилась к перешейку как широкая и толстая шляпка гвоздя.

Цепь разведчиков прошла по лощине около ста метров.

Лощина упиралась концами в западный и восточный берега полуострова. Западный берег омывала губа Кислая, восточный — губа Сеннуха. Рота десантников с пулеметами должна была вот-вот появиться в лощине.

Шли молча. Как-то неловко было нарушать утреннюю тишину сопок, окрашенных солнечной позолотой.

Вдруг как гром среди ясного неба начали рваться мины, затрещали пулеметы.

Огонь накрыл сразу несколько человек. Головная группа, что шла ближе к берегу Кислой, успела пробежать еще метров пятьдесят-семьдесят и укрыться за небольшим бугорком. Те, кого прижало пулеметным огнем на середине лощины, не поднимались. Оттуда слышался голос Васи Кашутина:

— Прикройте огнем!

По бугру у Сеннухи тоже залегли разведчики. Оттуда из винтовок стреляли по оконечности мыса.

Немецкие пулеметы с горбатого наконечника мыса выплескивали свинец без передышки, но мины рвались реже. Минут через пятнадцать-двадцать над Могильным повисла тишина.

Что-то кричал Вася Кашутин, но что — понять было трудно. Он лежал в самом опасном месте. Немецкие пули, врезаясь в камни, взвизгивали, высекали искры. За бугорком, возле уреза воды, куда пока не залетали мины, укрылось отделение старшины I статьи Виктора Леонова.

«Ходу назад нам нет, — соображал Леонов, — мы оказались впереди всех. Бугорок — наше спасение. Займем оборону. Выложим из камней укрытия, стрелять по немцам на мысу лучше всего прицельно».

— Федор, — обратился он к Курносенко, — ты с пулеметом ляжешь ближе к воде, где скорее всего могут появиться немцы.

— Надолго эта мышеловка? — спросил Леонова Алексей Каштанов.

Каштанов — парень грамотный, окончил десятилетку, в школе учил немецкий, может немножко переводить. Леонов держит Каштанова под рукой, чтобы, если понадобится, можно было бы быстро допросить пленного.

О мышеловке старшина ничего не мог сказать молодому разведчику, но он понимал, что отделение занимает хорошую позицию для обороны, еще бы поддержали огнем, тогда немцы их голыми руками не возьмут.

Послышался крик:

— Ребята, я ранен!

Все узнали голос Федора Шелавина.

Двое поползли к нему на выручку. Сразу же застрекотали два немецких пулемета, преграждая путь к раненому.

— Федя, потерпи! — прокричал Леонов. — Что-нибудь придумаем!

— Веревку мне бросьте, я ухвачусь, вытяните.

— Нет ее у нас.

С поляны и вершины холма никто не появился. Подкрепление где-то застряло. Разведчики изредка стреляли по оконечности мыса, где находились немцы, иногда из-за каменных брустверов показывались каски: фашисты делали перебежки по просматриваемым прогалинам. На одиночные выстрелы разведчиков враг отвечал пулеметными очередями и минометным огнем.

Леонов приказал не стрелять: огонь из минометов был опаснее всего.

Ближе к берегу Кислой будто в помощь разведчикам природа нагромоздила несколько валунов в человеческий рост. Были эти валуны какие-то угловатые, граненые. Лежали не вплотную один к другому. Из этих валунов неожиданно змеем выполз Женя Уленков.

— Ты как сюда пробрался?

— Очень просто! Полз, можно сказать, носом землю рыл.

— Твоим носом можно канавы копать, — пошутил Барышев.

— Канава не канава, а царапина будет, — ответил Уленков, не лишенный чувства юмора.

— Что там? — спросил Леонов. — Где отряд?

— Всего не знаю, но худо дело. Николаев ранен. Его Мотовилин и Хабалов вытащили на обратный скат. Много убитых и раненых. Услышал, что кто-то рядом стреляет по немцам. Думаю, проползу, узнаю что к чему.

— А веревка у тебя зачем? — спросил Агафонов разглядев перекинутый через плечо моток толстого линя.

— Я с ней в операцию шел. Комвзвод так распорядился.

— Молодец, Женя!

Веревку размотали и как аркан швырнули туда, где слышался голос Шелавина. Верёвка натянулась. Ее осторожно потянули на себя.

Шелавин, оказывается, был рядом, за пригорком. Все радостно вздохнули, а Барышев подсел к Федору, достал индивидуальный пакет и начал перевязку.

— Спасибо, ребята, — сказал Шелавин и только сейчас сунул пистолет в кобуру. — Я его держал на крайний случай.

Пули угодили Шелавину в ноги. К счастью, кости не повредило. Кровь запеклась. Перевязали. Подыскали прогалинку между камнями, наскребли немного мха, расстелили плащ-палатку и уложили на нее младшего лейтенанта. В группе теперь оказался командир взвода. Шелавин сказал старшине Леонову:

— Виктор, ты командуй. Видишь, я какой. За советом обращайся.

— Я пошел, ребята, — сказал Женя Уленков, — постараюсь привести к вам выручку.

— Давай, Женя, будем ждать. Удачи.

И Уленков опять пополз к камням.

С мысочка затарахтел пулемет, пули цокали по краю лощинки за камнями, чиркали по воде. Пулеметчик, видно, водил стволом, поднимал и опускал его, нащупывая цель. Несколько минут было тихо, а затем пулемет разразился длинной очередью.

…Уленков эту полосу не одолел, рубеж оказался непроходимым. Этого прижатые за пригорком разведчики еще не знали.

— Командир, смотри, он с ума сошел… Куда прет… — Зиновий Рыжечкин указал Леонову на разведчика, который пополз к Кашутину.

— Ты куда, мухобой? Давай назад. Сейчас прибьет, — кричал

вдогонку Леонов.

— Может, думает, что Вася живой, — предположил Михеев, поморщившись от боли. Утром ему прострелило руку.

— Вернется, я ему всыплю, — пообещал Леонов.

Самовольщик еще какое-то время лежал, потом медленно-медленно пополз обратно. Последние метры он преодолел на четвереньках.

— Зачем ты? — выдохнул Леонов. Гнев его уже прошел. — Чего лезть на рожон, под пули?

— Убит он, уже холодный. Кровь пропиталась сквозь фуфайку. Вот возьми, старшина.

В руках Леонова оказался морской командирский кортик.

Вернувшийся сел, руки его дрожали, на лице не было ни кровинки.

После ухода Уленкова прошло часа полтора, разведчики поняли, что пока помощи ждать неоткуда.

Леонов сказал:

— Выходит, нам надо держаться до темноты. Тогда или нас вызволят, или сами прорвемся. Сейчас соваться нельзя, всех покосят. Давайте подсчитаем наши боеприпасы, распределим между собой. За каждым сектор, держать его даже раненым. Немцы с мыса на прорыв едва ли пойдут, им оставлять укрепления наверняка запрещено, да и знают, что мы их поколотим. Будут ждать выручку. Все дело в том, к кому она раньше придет: к ним или к нам.

Пересчитали патроны, гранаты. Обнаружили две лишние винтовки, их, видимо, впопыхах утром кто-то уронил. В запасе остался и автомат Кашутина. Зарядили до отказа все диски, магазины, пулеметную ленту.

По верхушке холмика выложили из камней небольшие ячейки-брустверы, через них наблюдали за оконечностью мыса. Немцы без дела не сидели, тоже укреплялись, сдаваться не собирались.

Наблюдали за мысочком по двое, по трое. Остальные спускались вниз перекурить, согреться, размять затекшие руки и ноги. Леонов, Агафонов и Барышев чаще других подходили к Шелавину.

А на высоте, с которой отряд скатился рано утром в лощину для атаки, никого уже не было.

Командира отряда Николаева ранило дважды, нетяжело, однако идти он мог, лишь опираясь на плечи моряков. Он спрашивал, где комиссар, командиры взводов, где Буянов с ротой.

— Комиссар шел правее нас. После первых залпов я видел, он повернул к берегу. С ним было примерно отделение, — сказал

Радышевцев.

— Шелавина и Кашутина, как только рванули мины, я из виду потерял. Слышал голос Кашутина. Флоринский и Шерстобитов едва ли живы, — говорил Мотовилин.

Николаев приказал выделить двух-трех человек для поиска капитана Буянова.

Ждали полчаса. Радышевцев, которого Николаев послал в разведку, не появлялся.

Мотовилин предложил возвращаться на исходные позиции. Николаев согласился: другого выхода не было.

От потери крови он обессилел. Мотовилин и Хабалов понесли командира.

На берегу Сеннухи старшим из командиров оказался Никандров. Он собрал моряков из разных отделений, велел им залечь по прибрежному невысокому гребешку и стрелять по немцам, что прятались в каменных ячейках на оконечности мыса.

Никандров видел, как впереди, ближе к другому берегу полуостровка, за невысокой грядкой, укрылось десятка полтора разведчиков. На поляне, где моряков настиг залп, лежат погибшие и раненые, но скрытно к ним никак не подойти. Пробовали выручать товарищей, но огонь немецких пулеметов преграждал дорогу к поляне.

На оконечности мыса Никандров разглядел землянку. Дали туда очередь, но только раздразнили врага. В ответ завыли мины.

Никандрову почудилось, будто кто-то поет «Интернационал». Песня слышалась справа, ближе к оконечности мыса. Пополз в ту сторону и наткнулся на Бориса Абрамова. Левая нога у него была перебита, осколок мины повредил позвоночник. Борис на локтях полз к немцам, волочил непослушные ноги, в обеих руках держал гранаты.

— Саша, ты? — обрадовался Абрамов. — На локтях ползу к фрицам, метну гранаты, а потом зубами… Глядишь, открою путь к своим.

— Держись, Боря, руками за шею, я вынесу тебя.

Неведомо, как хватило сил, как его не покосили немцы, но Никандров добрался до берега залива. Осенняя вода, словно льдом, резанула по телу, он скрипнул зубами. Вылез на отлогий берег, нашел среди валунов ровное место, поросшее карликовыми кустиками, положил раненого.

— Все, Саша, отходил я свое. Отбили мои мотыли. Не махать мне ими ни на лыжах, ни в походах, — с тоской сказал Абрамов.

Никандров не отвечал. Что можно было сказать Борису? Еще совсем недавно он видел его в красной шелковой рубахе чемпиона, шагавшего перед тысячами мурманчан…

— Ты, Боря, полежи, — сказал, пытаясь не выдать своей горечи, Никандров. — Там еще кто-то стонет. Схожу, потом приду к тебе. Покличу ребят, они помогут отнести тебя к катерам.

Когда старшина со всей своей группой вернулся на поляну, где оставил Абрамова, тот лежал без сознания, жизнь его угасала. Никандров решил вести людей к месту высадки…

Днем на берегу стали рваться тяжелые снаряды. Летели они через Мотовский залив с Рыбачьего. Для поддержки десанта огнем было выделено пять батарей пушечного полка. По расчетному времени на Могильном, никого из своих не должно было оставаться. За этими разрывами снарядов своих орудий с содроганием наблюдали бойцы крохотной группы Леонова. Орудия выпустили около четырехсот снарядов. Ни один снаряд не попал на мыс, где находились немцы.

— Нам бы рацию, мы бы показали, куда стрелять.

— Были бы катера поближе, можно и флажками бы написать, где укрепился враг. Ведь мы сидим в таком месте, что лучшего поста для корректировки огня не бывает.

Умолкли батареи с Рыбачьего, и тут же заголосили орудия из-под Титовки. Гул от разрывов висел над округой. Разведчики лежали. Только один наблюдатель следил за оконечностью мыса.

В какую-то из пауз раздался взрыв гранаты. Все вздрогнули, плащ-палатку, под которой лежал разведчик Жданов, откинуло, а самого его перевернуло. Граната разорвала Николаю грудь, оторвала кисти рук.

Жданов пришел в отряд с подводной лодки. В первой же операции обрушилось на него немыслимо тяжкое испытание. Нервы не выдержали. И он выдернул кольцо гранаты, прижав ее к груди… Еще одним разведчиком стало меньше.

Все понимали, что надежд на спасение почти нет, но все же Коля поторопился.

Прилетел «фокке-вульф», на малой высоте прошелся туда-сюда, покрутился над полуостровом.

Леонов стрелять по самолету запретил, сказал, чтобы затаились, замерли под плащ-палатками.

Воздушный наблюдатель, наверное, передал своим, где держится горсточка русских, так как вскоре возобновился минометный обстрел. Теперь мины падали возле бугра.

Бугорок этот, ровный, поросший мхом и травой, заканчивался каменным столпотворением у воды. Остроугольные камни лежали на берегу, торчали из воды. Между ними вилась тропка, по которой ходили на оконечность мыса. Тут в расщелинах немцев стерег Зиновий Рыжечкин. Когда обстрел утих, окликнули парня, тот не ответил. Подошли поближе. Возле Зиновия лежал

разбитый автомат. Рыжечкин еще был в сознании, но говорить не мог. Его перенесли под бугорок, положили на плащ-палатку. Он посмотрел на товарищей, попросил умыть и напоить. Во флягах воды ни у кого уже не было. В торфянике выкопали маленькую ямку, набрали воды. Он обвел ребят глазами, попытался что-то сказать, но не мог. Через несколько минут лицо Зиновия накрыли плащ-палаткой.

День клонился к вечеру, стало смеркаться. Леонов приказал готовиться к прорыву: собрать имущество, одеть рюкзаки, подобрать оружие. Барышев и Каштанов понесут Шелавина.

Комвзвода лежал на плащ-палатке, пистолет в кобуру не вложил, держал в руке. Михеев попросил гранату, так как стрелять он не может, а метнуть, когда надо, сумеет.

Федор Курносенко остался на позиции прикрывать отход товарищей.

Агафонов выдвинулся вперед, добрался до камней у воды, чтобы оттуда подать сигнал своим. Барышев и Каштанов подняли Шелавина.

На берегу возле камней возник силуэт. На фоне воды он смотрелся как на экране.

— Наши пришли, — радостно крикнул кто-то из разведчиков.

С берега протарахтела очередь. Разведчики резанули из автоматов. Человек либо упал, либо залег.

— Федор, крой с пулеметом ко мне, — крикнул Леонов Курносенко. — Немцы подошли с материка. Одного сейчас ссадили. Цель на камни, там Агафонов. Прикрой его.

Курносенко дал очередь. Агафонов успел добежать до большого камня и притаился за ним.

Немецкий пулеметчик затаился с другой стороны валуна. Семен приготовил две гранаты, стоял не шевелясь. Пулемет изрыгнул пламя. Агафонов бросил гранаты, плюхнулся плашмя. За камнем рвануло. Из-за камня вывернулся солдат. Семен скосил его очередью и дал сигнал товарищам — можно идти к берегу. Разведчики были уже у камней, когда заработал немецкий пулемет, приткнувшийся чуть выше по склону.

Агафонову обожгло руку. В небе загорелась осветительная ракета, за ней другая. Они взлетели рядом с немецким пулеметом.

— Я доберусь до вас, гады, — сказал Михеев.

Он полз, волоча раненую руку. Одна осветительная ракета сменяла другую. Для броска гранаты лежа далеко. Ракеты заставляли его на время замирать. И все же он выбрал момент, бросил с колена. Пулеметная струя прошлась по нему наискосок от плеча к поясу. Пулемет замолк, ракеты больше не светили.

Разведчики нырнули в темноту. Никто за ними не гнался. Еще не верилось, что вырвались из ловушки. Шагали осторожно, молча, вслушивались в каждый шорох.

Шелавина несли попеременно.

На всех навалилась непомерная усталость. Колени подгибались, клонило в сон. Только споткнувшись о камень, о хворостину или о корневище, то один, то другой вздрагивал и просыпался.

— Ребята, милые, не уроните меня, — шепотом умолял носильщиков Шелавин.

Он не стонал, не жаловался, молча переносил боль. В душе был безмерно благодарен друзьям, что вытащили его из пекла, но он ясно понимал, что это не конец испытаниям. Они еще не на корабле, не на своем берегу.

После короткого привала, когда нести Шелавина взялась очередная пара, заметили, что в общей цепочке нет Агафонова. Покричали, Семен не отзывался. Остановились. Осмотрели все справа и слева от себя. Двое вернулись немного назад. Был парень, и нет его, будто испарился.

Перед утром пошел снег. Разведчики торопились поскорее добраться до места.

Начало светать, когда вышли на берег примерно в том месте, где высаживались прошлой ночью. Ни у берега, ни вдали катеров не было. Только холодные волны катились одна за другой. Свежевыпавший снег резко очерчивал границу между морем и землей.

Берега ручейка, возле которого остановились, поросли низеньким кустарничком. В нем и залегли, закопавшись в снег.

Около полудня на прибрежном скате появился человек. Постоял, осмотрелся, выстрелил. Разведчики видели человека, но не поднялись, не дали о себе знать.

Кто-то крикнул:

— Это ж Агафонов, это же наш Семен!

— Ты где бродил, Пушлахта? — спросил Барышев.

Так по имени родной беломорской деревеньки звал он Семена.

— Ночью, после привала, я где-то откололся от вас. Наверно, задремал на ходу и утопал в сторону. Когда очухался и не увидел вас, несколько раз покричал, вы не отозвались. Пошел, как помнил эти места по прошлым походам. Ныла рана. Временами лежал, сам не пойму — засыпал или терял сознание. Побоялся, что усну, в плен угожу. Встал на колени, пополз, опираясь на здоровую руку, поразмялся, поднялся на ноги. Опять пошел. Нигде и никого. Даже мертвые и те не попадались, может,

снежком их запорошило. Перед глазами ходили круги, сознание мутилось. Достал из-за пазухи пистолет, выстрелил. Думаю, услышат немцы, прибегут, столкнусь с ними, перед смертью отправлю на тот свет еще хоть одного фрица.

Агафонова накормили, уложили между ребятами, спина к спине, все задремали.

Часового встревожил стон. Человек даже не стонал, а выл, выкарабкиваясь из снега, он не разгребал его руками, а как-то по-змеиному извивался.

Курносенко первым разобрался, кто крутится и подвывает.

— Ты что, Паша? — спросил он Барышева.

— Свело меня судорогой, не могу распрямить ни руки, ни ноги. Братцы, таким уродом, косым да горбатым, и останусь… Квазимодо… Ходить не смогу, носить будут или на колясочке возить.

— Раньше срока не отпевай себя, — прикрикнул Леонов, — сейчас будем править твои мослы.

— Его бы сейчас в баньку… На худой конец — на печку.

— Сразу в тепло нельзя, хуже будет, — сказал Леонов. — У кого есть во фляге водка?

Нашлась и водка.

Барышева раздели до пояса, стали растирать. Двое в четыре руки мяли спину, поясницу, массировали руки.

Минут через пять Барышев разогнул руки в локтях, пошевелил пальцами, мышцы на спине заходили желваками.

— Оживили! — чуть не кричал от радости Барышев. — Вовек не забуду! С того света вернули.

День вылежали в снегу. Обошлось без встречи с вражескими дозорами и патрулями. Они, скорее всего, не рисковали выходить к кромке берега.

— Надо соображать, как перебраться на Рыбачий, — сказал Леонов. — Двоим следить за морем, не подойдет ли какой-нибудь катер или бот, остальным пройтись по берегу, нет ли на обсушке бревен, досок. Не придут катера — свяжем плот, поплывем в Озерко.

Разошлись в разные стороны, прошагали примерно по километру.

— Катер, катер! — оповестили наблюдатели.

Фонарем попытались писать морзянку. Но батарея дышала на ладан. Лампочка чуть-чуть покраснела, а вскоре и вовсе перестала накаливаться. У кого-то в кармане нашелся фонарь-жужжалка. Второпях сильно нажали на пружину, которая тут же лопнула.

Оставалось жечь спички. Увидят ли эти слабые всплески за пять-шесть километров?

— Нас заметили! Катер повернул к берегу! — оповестил Алексей Каштанов.

Катер действительно изменил курс в сторону южного берега Мотовского залива. Все сгрудились на берегу. Принесли поближе к воде Шелавина. Пытались кричать. Катер подходил все ближе и ближе. Вдруг он резко развернулся и полным ходом пошел к Рыбачьему.

Ребята сокрушались:

— Видно, не разглядели сигнала.

— А может, решили, что провокация. Ведь сигналы-то давали не условные.

— Не разглядели, решили! Какая разница. Нам от этого не легче. Был катер, да сплыл! — горевал Каштанов.

Снова с надеждой смотрели через залив. Томительное ожидание тянулось около часа. От Озерко, из губы Мотка, показались два катера. Шли они к южному берегу. Потом круто повернули вправо.

— Что они делают! Что им надо у Могильного? — вслух спрашивал Барышев.

Один катер поставил дымовую завесу, другой подошел к берегу и сразу отработал задний ход. Завесу отнесло ветром. Катера повернули вдоль берега на восток. Прошли мимо разведчиков, удалились еще на километр-полтора за небольшой мыс. Опять повесили дымзавесу.

Радость — и тут же отчаяние. Такого даже не придумаешь. Леонов приказал подпалить последнюю коробку спичек. Она вспыхнула как магний.

Катер повернул к этой группе.

Сгрудились у самой воды. Размахивали руками, оружием.

«Малый охотник» приткнулся к берегу, моторы не глушил. Они работали на сниженных оборотах, удерживая корабль на береговой отмели. Моряки скинули сходню, она не дотянулась до суши метра три. Разведчики кинулись в воду, которая в первый момент показалась теплой. Вцепились в дощатую сходню мертвой хваткой так, что ее можно было оторвать только с руками.

С катера спросили:

— Кто здесь?

По голосу узнали комиссара отряда Дубровского.

— Леонов с отделением. С нами комвзвода Шелавин.

В первую очередь внесли на катер Шелавина, затем забрались остальные. (Шелавина после лечения в госпитале в отряд не вернули, перевели на другой участок оперативной работы. В ноябре 1948 года капитан III ранга Шелавин погиб в автомобильной катастрофе.)

— Больше никого нет? — спросили Дубровский и командир катера.

— Из нашей группы все.

Катер отвалил от берега, развернулся кругом на восток. Все сгрудились по правому борту, прощупывали глазами каждый метр. Шли с полчаса, ни вспышки, ни луча от фонаря, ни малейшего призыва.

— Спуститесь в кубрик, грейтесь и отдыхайте. Идем в Полярное, — сказал командир катера.

Внизу увиделись с Никандровым. Его группу катер снял, когда второй раз ставил дымзавесу. А под прикрытием первой вызволил несколько бойцов из роты морской пехоты.

Спросили комиссара Дубровского, что с отрядом.

— Подробностей еще не знаем. Первыми залпами отряд рассекли на несколько групп. Связь нарушилась. Николаева вскоре ранило, потом еще раз. Его унесли к берегу, на катере переправили на Рыбачий. Возле меня собралось отделение из разных взводов. Держались какое-то время на гребне. Потом на берегу у катерников узнали, что десантники переправились на Рыбачий, что переправили на материк и командира отряда. Так собралась вся эта команда, — сказал Дубровский, показав на десяток разведчиков. — Раненые в госпитале. Катер собрался идти в Полярное. На нем начальник штаба оборонительного района отправлялся докладывать в штаб флота о результатах всей операции. Его попросили взять и нас. Когда выходили из губы Мотки, мы все уставились в южный берег. И не одному мне, но и другим показалось, что там вспыхивают слабенькие огоньки. Я попросил командира катера лейтенанта Ляха изменить курс, подойти к берегу, проверить. Он не обязан был это делать, так как шел с заданием доставить начальника штаба в Полярное. И все же катер повернул к берегу. Огоньки загорались в нескольких местах. Похоже, что немцы заманивают в ловушку, устраивают засаду.

Вернулись на Рыбачий, взяли второй катер, командир которого не имел прямого задания на переход. Здравый смысл возобладал. Так и появились два катера. Так была поставлена дымзавеса. А дальше вы все знаете.

Леонов и Никандров доложили комиссару Дубровскому о гибели Кашутина, Абрамова, Флоринского, Шерстобитова, Рыжечкина, Михеева… Едва ли остался жив Уленков.

В кубрик спустился командир катера лейтенант Лях.

— Прошли Пикшуев. Теперь опасность меньше, оставил на вахте помощника, думаю, схожу, посмотрю на ребят, послушаю.

— Мы теперь как крестники, — выдавил оживший Барышев.

— Повезло нам с вами, случись иначе, попади мы в засаду, ой, лышенько было бы мени, — перешел на свой родной язык лейтенант Лях.

— За что же лышенько, за спасение? — переспросил Манин.

— Я ведь поступил самовольно, когда пошел за вами к берегу. Приказано было идти в Полярное, не отвлекаться от курса. Но ваш комиссар так доказывал, что там скорее всего наши люди, что нельзя их бросать на произвол судьбы, и я повернул к берегу. Сам видел, что кто-то зовет на помощь. Но все точил червяк сомнения: а вдруг мышеловка. Сходил за напарником. Это я сейчас так по порядку рассказываю, а тогда все было не так гладко. Мне не положено было идти за вторым катером.

— Как так не положено? — чуть не подпрыгнули от удивления разведчики.

— У меня было другое задание. Начальник штаба района как узнал, что я отклонился от курса, сам поднялся на мостик, потребовал, чтобы я шел в Полярное. Мы крепко, не по-уставному объяснились.

— Ты расскажи, Борис Митрофанович, подробнее, — попросил Ляха Дубровский.

— Не могу, слова я произносил такие, что повторять их как-то неудобно, — сказал лейтенант.

Дубровский более деликатно рассказал о том, как поступил лейтенант. «Я здесь командир, — сказал лейтенант, — а вы, товарищ полковник, — пассажир. Спуститесь в каюту, там вам ужин приготовлен».

Полковник ответил, что лейтенант поплатится за нарушение приказа, но в каюту с мостика ушел.

— Теперь, когда спасли столько людей, о каком наказании может идти речь, — закончил за Ляха Дубровский.

Лях своим катером снял восемнадцать человек, из них пять раненых. Позднее за разумную инициативу, смелость и умелые действия его наградили орденом.

Никто не заметил, как молниеносно прошло время в пути. Глубокой ночью ошвартовались у причала Полярного.

В разведотряд приехал член Военного совета флота дивизионный комиссар Николаев. Он попросил разведчиков рассказать обо всем без утайки.

И потекла беседа, прерываемая иногда вопросами дивизионного комиссара.

— Командующий флотом, — сказал член Военного совета, — просил передать вам, разведчикам, благодарность за мужество, за честное и полное исполнение воинского долга. Весь флот будет

знать о героях!

Через несколько дней начальник штаба флота Кучеров и начальник оперативного отдела Румянцев представили Военному совету заключение штаба флота по операции.

Состоялось заседание Военного совета.

Операция была задумана и проведена в такое время, когда Северный флот имел перевес в силах над противником, занимавшим южное побережье Мотовского залива.

По предложению штаба флота командующий вице-адмирал Головко своим боевым приказом предписал Северному оборонительному району и командованию береговой обороны главной базы провести операции по уничтожению опорных пунктов противника в районе Могильный, а также «Обергоф» и «Фишерштейн», чтобы улучшить условия плавания судов и кораблей через Мотовский залив на Рыбачий.

Разгром опорного пункта в районе Могильный и «Обергоф» командующий возложил на Северный оборонительный район, а «Фишерштейн» должны были ликвидировать части береговой обороны главной базы. Каждая операция проводилась самостоятельно и независимо одна от другой.

Боевую задачу выполнила только группа майора Боровикова из 12-й бригады морской пехоты. Опорный пункт «Обергоф» подвергся основательному разгрому, разрушено до двадцати дзотов, много землянок, складов боеприпасов.

Группа майора Людена из батальона береговой обороны после высадки потеряла связь с головным дозором, его не нашла, повернула к месту высадки и возвратилась в базу. Боевого успеха не достигла, да его и не искала.

Хуже всего выполняла боевой приказ группа капитана Буянова, в которой отправилось на задание четыреста человек.

Одна рота блуждала по берегу, в операции вовсе не участвовала и переправилась обратно на Рыбачий. Командир и политрук роты потеряли своих подчиненных и встретились с ними после боя.

Рота, с которой шел капитан Буянов, вышла на прямой контакт со своим авангардом — отрядом разведчиков — спустя три часа после высадки, когда время, предназначенное на операцию, кончалось.

Как только раздались первые залпы минометов и обрушился огонь немецких пулеметов, рота самовольно, без приказа повернула назад. Капитан Буянов отход группы, саперов и личного резерва не только не остановил, но покинул поле боя первым. На берегу сигналами ракет вызвал катера, сел на первый катер и ушел на Рыбачий. Последующие группы бойцов

переправлялись без командира. Часть бойцов была брошена на вражеском берегу и снята только через тридцать шесть часов.

Штаб бригады непосредственное руководство операцией не осуществлял. Заброшенные на чужой берег подразделения остались без связи, никто не руководил съемкой десантников. Корабли и суда, которые были оперативно подчинены штабу бригады морской пехоты, в нарушение порядка ходили по заливу без связи, а когда потребовалось снимать десантников, горючего не осталось.

Командование бригады морской пехоты пошло на прямое отклонение от указания командующего флотом и командования оборонительного района. Ему предписывалось операцию закончить к рассвету и, если все задачи не будут выполнены, свернуть ее, а десантников снять. Командиры, участвовавшие в операции, получили совершенно другую установку — проводить операцию до полного выполнения, несмотря на время суток.

Командование бригады морской пехоты пренебрегло ранее добытыми разведкой сведениями и выбросило десант не в охват опорного пункта, а прямо в лоб.

Сводные десантные отряды были сколочены из разных частей и переподчинены командованию других соединений. Перетасовка проведена незадолго до операции. Командный состав не только не успел совместно проработать и проиграть исполнение задания, но не имел возможности пообщаться. Более половины бойцов и командиров не имели боевого опыта, ни разу не ходили в десант.

В операцию назначили непроверенных в деле командиров. Особенно отрицательно показал себя капитан Буянов. Он с самого начала утратил управление группой, допустил срыв всей операции, проявил трусость и, по существу, бежал с поля боя. Это привело к большим жертвам. Военный совет флота предал его суду военного трибунала.

Для поддержки десантников было выделено вполне достаточное количество артиллерийских средств — пять батарей крупнокалиберных пушек и корабельная артиллерия. Однако корректировку стрельбы не отладили, корректировщики оказались без радиосвязи, огонь велся по площадям. Часть снарядов рвалась в расположении своих войск.

Главная причина всего случившегося — неудовлетворительная организация и подготовка операции командованием и штабами оборонительного района и береговой обороны. Все время, отведенное на подготовку частей к операции, взяли себе штабы.

Таковы были выводы и оценки, сделанные штабом Северного флота. Такова была суровая правда о том, какие тяжелые

испытания выпали в те дни на долю рядовых моряков.

В разведотряде дали команду на построение. Какое-то необычное напряжение чувствовали бойцы и командиры.

Комиссар отряда Дубровский по поручению командования и политотдела зачитал приказ народного комиссара обороны И. В. Сталина.

В приказе говорилось, что дальше отходить нельзя, что мы утрачиваем наши преимущества, а это грозит тяжкими последствиями. Приказывалось изучать опыт войны, наводить порядок и дисциплину, проявлять стойкость в боях и самопожертвование.

Это было необычное по словам, но очень веское предупреждение и напутствие. Оно касалось всех. Пришла пора овладевать наукой побеждать.

Послесловие

У отряда североморских разведчиков были неудачи и раньше, случались потери и потом, но такого урона, как на Могильном, отряд никогда не нес. Из строя выбыло больше половины бойцов.

Надо сказать, что это была последняя большая неудача разведчиков.

Рассказ о боевых делах отряда поможет представить, что делалось в арктических просторах, когда над Мурманском небо грохотало от сотен самолетов, а люди, защищавшие город, стояли крепче заполярного гранита.

Первую разведку неприятельских тылов разведотряд при штабе флота провел в середине июля 1941 года. Тогда он назывался Четвертым особым добровольческим. Под этим именем он и прошел через мою книгу «Летом сорок первого».

Потом его переименуют в Отряд Особого Назначения. Это имя он пронес через годы и бои против гитлеровских фашистов и японских милитаристов. В боевых походах и схватках пало много моряков, ветеранов, ходивших в первые походы, становилось все меньше и меньше. Им на смену приходили новые добровольцы, в отряд влилась группа норвежских патриотов.

От Мотовского залива, от губы Западная Лица и до северного побережья полуострова Варангер, через норвежскую провинцию Финмаркен вплоть до Тромсё пролегли пути разведчиков.

Вместе с миллионами советских солдат шел к общей Победе и отряд североморских разведчиков.

Путь его был и радостным от успехов и побед, и горестным от неудач и гибели соратников, и торжественным в первый победный день мая сорок пятого, когда ему выпала честь стоять в почетном строю на причалах Полярного, и бесконечно длинным через годы войны на Севере к боевым походам на корейскую землю, к завершающим сражениям второй мировой войны. Он оставил о себе добрую память.

Многих унесла война. Одни полегли на заполярных сопках, другие нашли вечное пристанище на дне Баренцева моря. В книге «Летом сорок первого» я рассказывал о Геннадии Карпове, Николае Даманове, Василии Кашутине, Борисе Абрамове, Семене Флоринском, Юрии Михееве, Зиновии Рыжечкине, Алексее Шерстобитове, Владимире Шеремете…

В этой книге я пишу о том, как оборвался их боевой путь.

Мои фронтовые соратники очень хотели, чтобы память о них не угасла, чтобы поколения, которые будут жить в мирной Отчизне, помнили о тех, кто сокрушил фашизм.

По зернышку собирал я все, что сохранилось о боевых друзьях, работал в архивах, о многом мне писали и рассказывали оставшиеся в живых разведчики.

Еще в операциях начального этапа войны — в первые осенние месяцы сорок первого года — не могла не броситься в глаза операция североморских разведчиков на полуостров Варангер. Вплотную надвинулось суровейшее время боев за Москву.

И в этот момент Северный флот выбросил своих людей на побережье норвежской провинции Финмаркен.

Не сразу раскрылся истинный смысл и назначение этой операции. Только постепенно, разбирая и систематизируя лист за листом разные архивные и исторические источники, обнаруживалась и все более четко просматривалась большая цель, за которой стояла эта, на первый взгляд малозначащая высадка.

Отдельными штрихами, чуть заметными мазками расползлись материалы о ней по множеству документов в разных архивных томах. Участники назывались по псевдонимам.

Даже собрав все это воедино по крупице, оказалось невозможным представить общую картину. Фамилии почти половины участников я не мог выяснить.

И все-таки сделал первый набросок. Мои боевые друзья очень просили меня разобраться в судьбе Сергея Щетинина. Он в эту операцию ходил вторым радистом. Ему и был посвящен этот материал. Пришлось отправиться на поиски живых участников этого рейда. Нашел одного, послал ему очерк, но в ответ ни слова, ни строчки.

Трудно было найти второго, из здравствующих в то время, ходока по Варангеру. После переписок и поисков я напал на его следы в Таллине. Написал письмо и послал экземпляр очерка.

Михаил Баранов — его-то мне в то время так не хватало — ответил весьма щедро: исписал обратные страницы моего очерка и добавил к этому рукопись в двух ученических тетрадях.

После этого и родилась основа двух глав этой книги.

Прошло еще два года.

Занимаясь в архивах поисками нужных мне материалов, я вдруг наткнулся на итоговый доклад отдела об этой операции. Ухватился и залпом прочитал.

Потом, когда прошло первое волнение, сопоставил с тем, что написал мне Баранов. Почти все сходилось.

Добропорядочность, честность, ни малейшей претензии на популярность виделись во всем, что переложил на бумагу о том тяжелом походе мичман Баранов.

Написанное мною получило документальное подтверждение истины.

К сожалению, Михаил Баранов не увидел всего этого напечатанным, он не дожил до публикации.

Еще через несколько лет мне попали в руки книги норвежских авторов о событиях военного времени в Финмаркене. Многие страницы в них обрисовывали и эту операцию.

И опять же все факты и события совпадали. Но норвежские авторы сосредоточили внимание на своих соотечественниках, а советских соратников упоминали безымянно.

Я установил всех участников той трудной высадки, проследил их последующую судьбу.

Так в эту книгу вписалась выброска советского десанта в Норвегии — первая попытка наладить совместные контакты в общей войне против фашизма.

Геннадий Карпов накануне войны окончил Военно-морское гидрографическое училище. Его почти сразу включили в отряд. У командования складывалось мнение, что из него может получиться отличный разведчик.

И я повел его через книжные страницы с летних походов сорок первого года. Докладных и планов операций он не оставил. Скупо, отдельными фразами проходит Геннадий через донесения и отчеты. Но и в этих редких упоминаниях видно, насколько он активен, как ищет боевое дело сам, не ждет лишь установок от начальства.

Ольга Амосовна Параева (по мужу — Иевлева) передала мне его записную книжку — простенький блокнотик в клеточку в картонной обложке, какие делались в те довоенные годы.

В нем аккуратно записаны изречения великих людей, мудрые мысли писателей, исторических деятелей. И все они подобраны по определенной тематике: о смелости, о честности, о преданности отечеству, о мужестве и стойкости, о дружбе и верности. Через эти записи просматривается сам Карпов, его натура, убеждения.

Всего около трех месяцев войны досталось лейтенанту Карпову. Но на его долю выпало большинство походов и операций, которые совершил отряд в те дни.

Как он погиб, что с ним было в других операциях, я спросил Мотовилина, Радышевцева, Головина.

Степан Мотовилин сам написал не много, но зато прислал странички, каких не отыщешь в военных архивах.

Константин Симонов бывал в отряде, не однажды, беседовал с разведчиками. И заносил для памяти рассказанное в свои блокноты. Так, записанный разговор с Мотовилиным он отдал Степану, а Степан прислал мне. Записи эти вошли в книгу в нескольких местах.

Эти зарисовки да письма друзей помогли высветить и Геннадия Карпова, и еще некоторых разведчиков.

Мелкие группы разведчиков много раз ходили к Титовке. Докладные и рапорты довольно скупы, в них скудно пишется об увиденном, узнанном, не всегда просматривается, что же с бойцами случилось, какие непредвиденности и тяготы на них сваливались.

Я попросил друзей напрячь память. Тем более что один и тот же поход или бой люди видят с разных мест и воспринимают не одинаково.

Алексей Радышевцев написал, как будто гору на плечах поднял: прошедшие десятилетия подернули пеленой давние события, а пером ему орудовать непривычно. Но написал правдиво, без сочинительства, немало деталей о походах подметил.

Так появились подробности, как разведчики переправлялись с берега на катер на шлюпках, как опрокинуло волной, как плыли они к катеру в ледяной воде. Об этом же случае написал Андрей Головин, а ведь они с Радышевцевым не сговаривались.

В набеге на Титовку в ноябре разведчики не знали, что они были близки к командному пункту командира немецкого горного корпуса. Они не ведали, какая катастрофа нависла над немецкими войсками в Заполярье после бомбежки моста через Петсамо-Йоки и затора на реке. Рассказали об этом в своих публикациях немецкие авторы. Мне не было смысла умалчивать о случившемся.

Некоторым персонажам, показавшим себя не с лучшей стороны, я заменил фамилии. Но эти люди служили в отряде, ходили в походы. Из песни слова не выкинешь. Из отрядной истории их тоже вычеркивать не следовало. Так они прошли под другими именами.

Но я не стал менять фамилию Людена. Противоречивая у него натура. Грамотный, эрудированный, опытный, общительный. Человек активный и деятельный, он не пытался замкнуть себя в канцелярии, не стремился отсиживаться в кабинете, ходил с разведчиками в походы.

Но все же он был штабист. Его удел — работа с планами, с картами, с отчетами. Воплощать сам свои замыслы он не мог, под его руководством практически не случилось ни одной удачной операции.

Таким, каким он был в жизни, я и показал его в книге. Это ему не в укор, а в справедливую память. Ведь таким он остался в глазах разведчиков. Каждому полагается воздавать должное.

В июле сорок первого в отряд разведчиков пришли норвежцы.

Потом их судьба будет связана с отрядом до самого конца войны. Не у всех у них одинаково сложились судьбы: некоторые погибли, кое-кто не выдержал испытания, переметнулся на другую сторону, третьи отвоевали и прожили на своей родине долгие послевоенные годы. И эти годы оказались нелегкими, жизнь не увенчала их венками почета. С собой они унесли советские боевые ордена, а носить их не считалось в той стране почетным.

Трюгве Эриксен. Убежденнейший коммунист. Стойкий антифашист. Истинный патриот Норвегии. В норвежских печатных публикациях конца семидесятых годов о нем пишут как о живущем и здравствующем. А ему было за восемьдесят. В этой книге он совершил свой первый поход. Потом еще дважды высадится с моря, в октябре сорок четвертого, когда освобождали Финмаркен, прыгнет с парашютом возле Вадсё. Вернулся он на родину с орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

О нем немало написано в Норвегии и ни слова у нас. Нелегко было отыскать на полках архивов его донесения об операциях. Пришлось мыкаться по разным местам. Но, как говорится, кто ищет, тот найдет. И меня порадовала удача. Он еще пройдет по многим страницам рассказов о разведчиках на берегу Баренцева моря.

В год сорокалетия Победы на Московском кинофестивале показали короткометражную картину «Малая Москва». Поставили ее в Норвегии на материалах норвежских авторов. На экране мелькают памятные места, знакомые селения, хоженые дороги, виденные берега. И могилы погибших и умерших бойцов-антифашистов. Упоминаются боевые друзья, показываются соратники по борьбе.

По дороге Трюгве Эриксена и Тюнера Берга пройдут еще многие норвежцы.

В боях и походах люди росли быстро. Задатки, не раскрытые в обычной жизни способности проявлялись мгновенно. Боевые операции просеивали людей, рассортировывали всех по своим местам: одни ходили по острию ножа, другие рисковали ежедневно, собирая сведения исподволь.

В рассказе о первых днях войны в моих книгах в нескольких местах появлялся Виктор Леонов. Дважды его ранило. Но из строя надолго не вышел. К осени сорок второго на его матросской фланелевке серебрилась медаль «За отвагу», а на рукавах нашивки старшины 1-й статьи.

Бой в сентябре на Могильном выявил в Леонове и командира к разведчика. Ему, как никому другому из оставшихся в окружении, хватило способности реально поглядеть суровой правде в глаза, выдержки, рассудка, умения подчинить себе

людей. Из ловушки он вывел всех. Леонов стал офицером, сперва заместителем командира, а потом и командиром отряда. Ему все чаще сопутствовала удача, он набирал силу, расправлял крылья.

Война на севере принесла и ему и отряду популярность на флоте. На груди его засияла Золотая Звезда. А на Дальнем Востоке к ней прибавилась и вторая.

Отряд был тот же, он так же вел разведку. На него по-прежнему возлагался поиск в дальних вражеских тылах. Росла боевая история, щедро обретался опыт, складывались традиции.

Но отряд не закостенел, не остановился на месте. Носители боевого опыта и традиций — Мотовилин, Баринов, Тарашнин, Радышевцев, Никандров — учили и наставляли добровольцев. Все вновь пришедшие были моложе годами, их флотская служба только начиналась, были они более грамотными, настойчиво постигали мудрость разведки.

Отряд снова жил и действовал.

Нам, тогдашним молодым морякам, пережившим тяжесть отступлений и горечь несметных людских потерь, трудно было заглянуть в победную даль. Мы понимали, верили, что Победа неизбежна, что мы ее завоюем. Только никто не мог сказать когда. Никто из нас тогда не знал, что предстоит сражаться еще и на берегах Тихого океана.

И уж вовсе показалась бы фантастической мысль, что кто-то доживет и отпразднует сорокалетие нашей Победы.

К счастью, все-таки дожили. На страницах этой книги читатель встретился с Леонидом Добротиным, Виктором Леоновым, Николаем Инзарцевым, Алексеем Радышевцевым, Степаном Мотовилиным, Григорием Чекмачевым, Павлом Богдановым, Ольгой Параевой (Иевлевой), Вячеславом Догадкиным, Павлом Барышевым, Яковом Поповым. Они отпраздновали сороковую годовщину Победы.

Прочитаны заключительные строки этой книги. Но на этом не завершилась история боевого отряда североморских разведчиков. В строй встали новые добровольцы-разведчики. Им еще три года нести знамя отряда, они еще станут гвардейцами.

И обо всем этом я еще надеюсь рассказать.

notes

Примечания

1

Флагманский командный пункт.

2